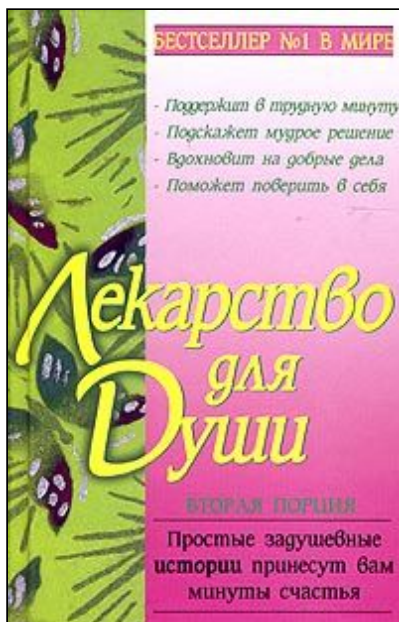


Джек Кэнфилд, Марк Виктор Хансен

Куриный бульон для души

Вторая порция

Лекарство для души



Jack Canfield and Mark Victor Hansen.
A 2nd Helping of Chicken Soup for the Soul
Серия: Бестселлер №1 в мире
Издательство: АСТ
2004 г.

"Лекарство для души" - мировая сенсация!
Самый успешный издательский проект США!
51 название, 80 миллионов экземпляров, 39 языков!
В 1999 г. внесен в "Книгу рекордов Гиннеса".

[Вступление](#)

[Поделитесь этими историями с другими](#)

1. О любви

1. [Цирк](#)
2. [Туфли](#)
3. [Чейз](#)
4. [Спасение на море](#)
5. [Жизнь, достойная спасения](#)
6. [Двухсотое объятие](#)
7. [Клубничный напиток и три пожатия, пожалуйста!](#)
8. [Осколок фарфора](#)
9. [Это требует мужества](#)
10. [Будь собой](#)
11. [Я не волнуюсь за нынешних детей](#)
12. [Цветок](#)
13. [Практикуйте спонтанные акты доброты и красоты](#)
14. [Два брата](#)
15. [Сердце](#)
16. [Рождественское утро](#)

17. [Сделай это немедленно!](#)
18. [Мученичество Энди](#)
19. [Рай и ад — главное отличие](#)
20. [Подарок раввина](#)
21. [Бабушкин подарок](#)
22. [Ангелам не нужны ноги, чтобы летать](#)
23. [Он мой отец](#)
24. [Как аукнется...](#)
25. [Банкнота достоинством в два доллара](#)
26. [Последняя жертва](#)
27. [Каменотес](#)

2. О родителях

28. [Дорогой мир](#)
29. [Если бы мне снова пришлось воспитывать своего ребенка](#)
30. [Не забывай: мы растим детей, а не цветы!](#)
31. [Он всего лишь маленький мальчик](#)
32. [Ты считаешь мне, папа?](#)
33. [Но ты не...](#)
34. [Окончание университета, наследство и другие уроки](#)
35. [Мой отец, когда мне было...](#)
36. [Дух Санта-Клауса не носит красного костюма](#)
37. [Юная леди, изменившая мою жизнь](#)
38. [Десятый ряд, центр](#)
39. [Ежегодные письма](#)
40. [Мешковатая желтая рубашка](#)
41. [Подарок](#)
42. [Она вспомнила](#)
43. [Спасенная](#)
44. [Маленькие глаза, которые смотрят на тебя](#)

3. О смерти и умирании

45. [Выйти к свету](#)
46. [Сьюки... лучший друг на все случаи жизни](#)
47. [История героя](#)
48. [Вспоминая мисс Мерфи](#)
49. [Все еще живет маленькая девочка](#)
50. [Последнее прощание](#)
51. [Сделай это сегодня!](#)
52. [Верные слова](#)
53. [Доброе дело для разбитого сердца](#)
54. [Увидимся утром](#)
55. [Любовь никогда вас не покидает](#)
56. [Самый красивый ангел](#)

4. Об отношении к обстоятельствам

57. [Обескуражены?](#)
58. [Не место красит человека...](#)
59. [Окно](#)
60. [Оптимист](#)
61. [Красное платье мамы Милли](#)
62. [Установка — один из жизненных выборов](#)

5. Об учениках и учителях

63. [Волшебные камешки](#)

64. [Мы отстающие](#)
65. [Руководитель скаутов спасает выступление](#)
66. [Что происходит с нынешней молодежью?](#)
67. [Шифр на снегу](#)
68. [Простое прикосновение](#)
69. [Адам](#)
70. [Мисс Харди](#)
71. [Три письма от Тедди](#)
72. [Жемчужина огромной ценности](#)
73. [Что посеешь...](#)

6. Осуществи свою мечту

74. [Маленький мальчик](#)
75. [Мечта девочки](#)
76. [Первая продажа](#)
77. [Давайте снова прогуляемся по саду](#)
78. [18 мысленных лунок](#)
79. [Не упускай свою цель из виду](#)
80. [История ковбоя](#)
81. [Зачем ждать? Просто сделай это!](#)

7. Преодолевай препятствия

82. [Подумайте над этим](#)
83. [Тридцать девять лет — слишком мало — слишком долго — достаточно много](#)
84. [Ничего, кроме проблем](#)
85. [Что случилось?](#)
86. [Да воцарится покой](#)

8. Мудрые мысли

87. [Мудрость](#)
88. [Наполеон и скорняк](#)
89. [Следы](#)
90. [Глазами ребенка](#)
91. [Здравый смысл гуся](#)
92. [Я знаю, Он ходит на войну](#)
93. [Велосипедная прогулка](#)

Истории, которые люди рассказывают друг другу, имеют свойство лечить душевные раны. Научитесь их слушать, запоминать и передавать тем, кто в них нуждается. Порой хорошая история нужнее человеку, чем пища.

Барри Лопес

Мы с любовью посвящаем эту книгу более чем 800 читателям первой нашей книги, которые прислали нам свои истории, стихи и цитаты. И хотя мы не смогли использовать все присланное, нас глубоко тронуло ваше сердечное стремление поделиться с нами и нашими читателями своим опытом и своими историями. Да пребудет с вами любовь!

Мы также решили посвятить эту книгу Пэтти Обри, которая потратила сотни часов, печатая и перепечатывая эту рукопись, Ким Уили, которая прочитала более 1000 историй и стихотворений в процессе создания этой книги, Нэнси Митчелл, которая неделя за неделей разыскивала авторов и издателей, чтобы получить необходимые разрешения, и Энджи Гувер, которая помогала на всех этапах создания этой книги. Без них этой книги не было бы!

Джек Кэнфилд, Марк Виктор Хансен

Дорогой читатель!

Я здесь для тебя. Когда тебе одиноко или ты чувствуешь себя оторванным от всех, я приглашаю тебя разделить мое общество. Если ты полон сомнений и уже не помнишь, когда чувствовал уверенность в себе, обрати взор к моему свету. Когда тебе кажется, что твоей жизнью правят смятение и хаос, обратись к моей мудрости. Как твоя бабушка давала больным куриный бульон для восстановления сил и здоровья, так я здесь для того, чтобы возродить твою душу. Мои рассказы о семье и любви выведут тебя из пещер твоего одиночества. Мои истории о мужестве и стойкости укрепят твою решимость.

В моих рецептах содержится большая доза вдохновения, предложенная теми, перед кем возвышались неприступные горы и кто покорил их и стоял на вершине среди облаков и звезд. Весь твой организм зарядится энергией и обретет легкость, когда ты впитаешь огромные порции юмора, когда постарайся разделить свои таланты с миром, который в них нуждается. Рассказы о чемпионах, героях и героинях, которые были до тебя, придадут тебе новые силы на твоем жизненном пути и помогут осуществить твои мечты. Великие мысли, высказанные мудрейшими людьми, разобьют оковы страха, опутывающие тебя.

И самое главное, я предлагаю тебе витамин провидения — провидения своего будущего, наполненного свершениями, счастьем, здоровьем, процветанием, дружбой и любовью.

Я — лекарство для души.

Джон Уэйн Шлаттер

Вступление

Вселенная состоит из историй, а не из атомов.

Мюриэл Ракейзер

От всего сердца мы рады представить вам новую книгу, в которой собраны рассказанные вами истории для души. Эти истории, как мы надеемся, вдохновят вас на бескорыстную любовь, на жизнь, наполненную страстями, позволят с большей уверенностью воплощать в действительность свои мечты, поддержат и утешат вас в минуту растерянности и неудачи, боли и потерь. Книга на всю жизнь станет вашим другом, который в нужный момент окажет поддержку и подскажет мудрую мысль.

Ваше чудесное путешествие вот-вот начнется. Эта книга отличается от всех других, которые вы читали. Временами она тронет вас до глубины души. Временами вознесет вас на новый уровень любви и радости. Наша первая книга историй для души оказалась настолько удачной, что даже не слишком большие любители чтения сообщали, что прочли ее от корки до корки. Мы удивились, как такое возможно. И они ответили нам, что энергия любви, вдохновение, слезы и радость, подкреплявшие их души, пленяли их и побуждали читать дальше.

Мне всего десять лет, и мне понравилась эта книга. Просто поразительно, что она мне понравилась. Я вообще-то читаю мало, но теперь читаю и не могу остановиться.

Райан О. (4-й класс)

Поделитесь этими историями с другими

Вы можете владеть несметными богатствами, Шкатулками с драгоценностями и сундуками золота. Но вы никогда не будете богаче меня: Я знаю человека, который рассказывает мне истории.

Синтия Перл Маус

Некоторыми из прочитанных историй вам захочется поделиться с любимым человеком или другом. Если история действительно тронет вас до глубины души, закройте на мгновение глаза и спросите себя: «Кому необходимо услышать эту историю прямо сейчас?» И вы вспомните о дорогом вам человеке. Не поленитесь поехать к нему или позвонить и поделиться с ним этой историей. Разделив ее с близким человеком, вы сами получите несравненно больше. Обдумайте приведенный ниже отрывок из Мартина Бубера:

История должна быть рассказана так, чтобы уже в ней самой заключалась помощь. Мой дед был хромым. Как-то раз его попросили рассказать историю о его учителе. И он поведал, как его учитель, бывало, подпрыгивал и танцевал во время молитвы. И во время рассказа мой дед поднялся и начал подпрыгивать и танцевать, показывая, как это делал его наставник. С этого времени он излечился от хромоты. Вот как надо рассказывать истории!

Эти истории можно рассказать в дружеской компании, на работе и дома. А рассказав, попробуйте объяснить, чем они вас так поразили и почему вы решили поделиться ими с другими людьми. И что еще важнее, пусть эти истории вдохновят вас на рассказ собственных.

Читая, рассказывая и слушая истории друг друга, вы преображаетесь. Истории — это мощное

средство высвободить нашу скрытую энергию, чтобы исцеляться, общаться, выражать свои чувства и расти. Сотни читателей рассказали нам о том, как наша первая книга помогла им дать волю чувствам, способствовала взаимопониманию в семьях и дружеских компаниях. Взрослые и дети стали вспоминать и рассказывать важные случаи из своей жизни, это происходило и за семейным столом, и в классе, в группах поддержки, между приятелями и даже на работе.

Самое важное, что мы можем сделать, чтобы помочь друг другу, — это выслушать и понять.

Ребекка Фоллс

Одна учительница из Пенсильвании предложила пятиклассникам составить свою книгу из трогательных историй, произошедших с ними. Когда книга была написана и составлена, ее размножили и раздали по семьям, и она оказала глубокое воздействие как на учеников, так и на их родителей.

Менеджер одной компании написала нам, что целый год начинала каждое собрание персонала историей из нашей первой книги.

Священники, раввины, психологи, советники, учителя и руководители групп поддержки начинали и заканчивали свои службы и занятия историями из этой книги. И вы не стесняйтесь поступать так же. Люди изголодались по пище для души.

А еще помните: кому-то необходимо услышать вашу историю, она может поддержать другого человека в трудную минуту и даже спасти ему жизнь.

Иногда наш огонь гаснет, но другой человек снова раздувает его. Каждый из нас в глубочайшем долгу перед теми, кто не дал этому огню потухнуть.

Альберт Швейцер

За долгие годы мы встретились со многими людьми, которые заново разожгли наш огонь, и мы благодарны им. Мы надеемся, что в какой-то мере поможем поддержать ваш огонь и раздуть его в большое пламя. Если это получится, значит, наш труд увенчался успехом.

Джек Кэнфилд и Марк Виктор Хансен

1. О любви

Жизнь — это песня — спой ее.

Жизнь — это игра — сыграй в нее.

Жизнь — это вызов — ответь на него.

Жизнь — это мечта — осуществи ее.

Жизнь — это жертва — принеси ее.

Жизнь — это любовь — насладись ею.

Сан Баба



CALVIN AND HOBBS® Watterson. Reprinted with permission of Universal Press Syndicate. All rights reserved.

Цирк

Лучшее, что есть в жизни человека, —
это его незначительные, безымянные, продиктованные
добротой и любовью поступки,
о которых он и сам не помнит.
Уильям Вордсворт

Однажды, когда я был подростком, мы с отцом стояли в очереди за билетами в цирк. Наконец между нами и окошечком кассы осталась только одна семья. Она произвела на меня большое впечатление. Там было восемь детей не старше 12 лет. Видно было, что семья небогата, но одежда у них была хоть и недорогой, но чистой. Дети вели себя хорошо, стоя парами позади родителей и держась за руки. Малыши возбужденно переговаривались, предвкушая радость увидеть клоунов, слонов и другие номера программы. Было понятно, что они никогда раньше в цирке не были, и для них этот вечер должен был стать незабываемым.

Отец и мать, возглавлявшие группу, явно гордились друг другом. Женщина держала мужа за руку, и взгляд ее словно говорил: «Ты мой рыцарь». И он улыбался в ответ, лучился гордостью и как будто отвечал: «Так и есть».

Кассирша спросила у мужчины, сколько билетов ему нужно. Он с достоинством ответил: «Пожалуйста, восемь детских билетов и два взрослых — для моей семьи».

Кассирша назвала сумму.

Женщина выпустила руку мужа и грустно опустила голову, у мужчины задрожали губы, и он нагнулся поближе, переспросив о цене билетов.

Кассирша повторила общую сумму.

У мужчины не хватало денег.

Как он мог обернуться к своим восьмерыми детям и сказать, что у него не хватает денег, чтобы повести их в цирк?

Видя, что происходит, мой отец вытащил из кармана двадцатидолларовую банкноту и уронил на землю. (Мы были небогаты во всех смыслах этого слова!) Затем отец поднял деньги, похлопал мужчину по плечу и сказал: «Простите, сэр, это выпало из вашего кармана».

Мужчина все понял. Он не просил о помощи, но, разумеется, оценил ее, так кстати подоспевшую в отчаянной и неловкой ситуации. Он посмотрел моему отцу прямо в глаза, взял его руку в свои и, крепко сжав вместе с банкнотой, со слезами на глазах произнес: «Спасибо, спасибо вам, сэр. Это действительно очень много значит для меня и моей семьи».

Мы с отцом вернулись к машине и поехали домой. В тот вечер в цирк мы не пошли, но наш день не пропал даром.

Дэн Кларк

Туфли

Однажды, сядя в поезд, Ганди обронил с ноги туфлю, которая упала на железнодорожное полотно. Поднять ее он не смог, потому что поезд уже тронулся. К изумлению своих спутников, Ганди спокойно снял вторую туфлю и бросил ее на шпалы поближе к первой. Когда же его спросили, зачем он это сделал, Ганди улыбнулся: «У бедняка, нашедшего на рельсах туфлю, будет к ней пара».

Автор неизвестен

Впервые приводится в «Маленькой коричневой книге анекдотов»

Чейз

Идущий вслед за матерью к автомобилю Чейз чуть не плакал. Он только что вышел из кабинета ортодонта, и ему, одиннадцатилетнему мальчику, предстояло самое худшее в его жизни лето. Врач разговаривал с ним доброжелательно и мягко, но настало время посмотреть в лицо реальности: ему нужно носить скобки, чтобы исправить неправильный прикус. Исправление будет причинять боль, он не сможет есть жесткую и липкую пищу, и еще мальчик думал, что друзья будут над ним смеяться. На обратном пути в свой маленький сельский дом мать и сын не перемолвились ни словом. Участок у них был небольшой, но там жила собака, две кошки, кролик и множество белок и птиц.

Решение об исправлении сыну прикуса нелегко далось его матери Синди. Она уже пять лет была в разводе, одна содержала Чейза и понемногу скопила требуемые 1500 долларов.

Затем, в один прекрасный летний день, Чейз, дорожке которого у его матери никого не было, влюбился. Чейз и Синди поехали навестить Рейкеров, семью, с которой они давно дружили и которая жила в 50 милях от них. Мистер Рейкер повел их на конюшню, и тут они ее и увидели. Она стояла, высоко подняв голову, пока к ней приближалась эта тройца. Легкий ветерок трепал ее светлую гриву и хвост. Звали ее Леди, и она была самой красивой кобылой на свете. Ее уже оседлали, и Чейз впервые в жизни проехался верхом. Между лошадью и всадником сразу же зародилась симпатия.

— Она продается, если вы захотите ее купить, — сказал Синди мистер Рейкер. — За полторы тысячи вы получите кобылу, все бумаги на нее и специальный фургон для перевозки.

Синди нужно было принять нелегкое решение. Скопленные деньги можно было потратить на что-то одно. Наконец она решила, что исправление прикуса для жизни Чейза важнее. И мать, и сын со слезами на глазах примирились с этим решением. Но Синди пообещала как можно чаще привозить Чейза к Рейкерам, чтобы повидать Леди и покататься на ней.

Чейз с неохотой начал длинный и неприятный курс лечения. Не обладая большим мужеством и боясь боли, Чейз все же ходил к врачу на примерки, терпел постоянное давление скобок. Он плакал и жаловался, но лечение шло своим чередом. Единственными светлыми моментами того лета были для Чейза дни, когда мама возила его покататься на Леди. Здесь он чувствовал себя свободным. Всадник скакал на своей лошади по полям, погружаясь в мир, который не знает боли и страданий. Мальчик слышал только ритмичный стук копыт, и в лицо ему бил ветер. Катаясь на Леди, Чейз представлял себя ковбоем или рыцарем из стародавних времен, спасающим попавшую в беду девушку. После продолжительных прогулок Чейз и мистер Рейкер вместе чистили Леди, убирали ее денник и кормили, и Чейз всегда угощал свою новую подружку кусочками сахара. А Синди и миссис Рейкер пекли в это время печенье, делали лимонад и наблюдали, как Чейз скачет верхом.

Прощания Чейза с кобылой длились, пока Синди не уводила его чуть ли не насильно. Мальчик обнимал Леди за голову, гладил по спине, перебирал гриву. Благородное животное, казалось, все понимало и стояло смирно, лишь изредка покусывая Чейза за рукав рубашки. Каждый раз, покидая ферму Рейкеров, Чейз боялся, что видел Леди в последний раз. Ведь она была выставлена на продажу, а

хорошие верховые лошади ценились.

Шло лето, и с ним продолжались мучения и неудобства Чейза, связанные с исправлением прикуса. Скоро все полторы тысячи долларов будут потрачены, и ничего не останется на покупку лошади, которую он так любил. Чейз без конца задавал матери вопросы, надеясь услышать успокаивающий ответ. Может, они займут денег на покупку кобылы? Нельзя ли ему найти работу и заработать нужную сумму? Синди отвечала, как могла, а когда уже отвечать было нечего, уходила к себе, чтобы сын не видел ее слез. Как она сожалела, что не может дать своему единственному ребенку все, что он хочет!

Занятия в школе начались прохладным сентябрьским утром, и у дома Чейза остановился желтый школьный автобус. Школьники рассказывали друг другу, чем занимались на каникулах. Когда пришла очередь Чейза, он говорил о разных вещах, но ни разу не упомянул о кобыле с золотистой гривой по имени Леди. Последняя глава этой истории еще не была написана, и он боялся даже подумать, как она может закончиться. Наиболее серьезный этап лечения остался позади, и сейчас во рту у Чейза стояла вполне терпимая скобка.

Чейз с нетерпением ждал третьей субботы месяца — мама обещала отвезти его к Рейкерам покататься на Леди. В назначенный день мальчик проснулся рано. Покормил кроликов, собак и кошек и даже успел сгрести листья на заднем дворе. Перед выходом из дома Чейз набил карманы куртки сахаром для своей златогривой подружки. Ему казалось, что прошла целая вечность, прежде чем их автомобиль, свернув с шоссе, устремился к ферме Рейкеров. Чейз напрягал зрение, чтобы уже издалека увидеть свою любимицу. Когда они подъехали к ферме и конюшне, мальчик огляделся, но нигде не увидел Леди. Сердце у него заколотилось, он поискал глазами трейлер. Его не было. И лошадь, и трейлер исчезли. Худший из кошмаров Чейза обернулся явью. Кто-то купил лошадь, и он больше никогда ее не увидит.

Чейз ощутил неведомую ему до этих пор внутреннюю пустоту. Они выбрались из машины и подбежали к двери дома. На звонок никто не ответил. Только Дейзи, большая колли, помахала хвостом, приветствуя их. Пока его мать с грустным видом обходила двор, Чейз пошел на конюшню, где держали кобылу. В ее деннике было пусто, седло с попоной тоже исчезли. Весь в слезах Чейз вернулся в машину.

— Я даже не попрощался с ней, мама, — прошептал он. На обратном пути Синди и Чейз молчали, погруженные

каждый в свои мысли. Не скоро затянется рана, нанесенная потерей любимицы, и Чейз только надеялся, что кобыла попадет в хороший дом, где ее будут любить и хорошо о ней заботиться. Он никогда не забудет проведенное вместе с ней беззаботное время. Когда Синди свернула на дорожку, ведущую к их дому, Чейз сидел, опустив голову и закрыв глаза. И не увидел рядом с их домом красный, сверкающий трейлер для перевозки лошадей и мистера Рейкера, который стоял у своего синего пикапа. Когда же Чейз наконец поднял глаза, их машина уже остановилась, а мистер Рейкер открывал дверцу.

— И сколько же денег ты отложил, Чейз? — спросил он. Это не могло быть правдой. Мальчик протер глаза. Семнадцать долларов, — запинаясь, ответил он.

— Именно столько я хотел за кобылу и трейлер, — улыбнулся мистер Рейкер.

Сделка совершилась с рекордной скоростью. Через несколько секунд новый гордый владелец уже сидел в седле. И скоро лошадь с всадником скрылись из виду, направляясь в поле.

Мистер Рейкер всегда объяснял свой поступок так:

— Я уже и не помню, когда чувствовал себя так хорошо!

Брюс Кармайкл

Спасение на море

Много лет назад один юноша, живший в рыбацкой деревушке в Голландии, показал всему миру, какой бывает награда за бескорыстный поступок. Поскольку жизнь всей деревни держалась на добыче рыбы, требовалась добровольная команда спасателей на какой-либо непредвиденный случай. Однажды вечером рыбацкое судно было застигнуто в море сильным штормом. Попавшая в беду команда послала сигнал SOS. Капитан спасательного судна поднял по тревоге свою команду, и жители деревни собрались на городской площади, откуда видна была бухта. Пока добровольцы спускали на воду лодку и гребли, сражаясь с огромными волнами, остальные с беспокойством ждали на берегу, освещая фонарями путь.

Через час спасательная шлюпка появилась из тумана, и жители деревни с радостными криками побежали к ней. Упавшие в изнеможении на песок спасатели поведали, что шлюпка не могла взять на борт всех рыбаков и одного человека пришлось оставить, потому что иначе спасательная шлюпка перевернулась бы и все погибли.

Капитан принялся вызывать новых добровольцев, чтобы пойти за оставшимся рыбаком. Вперед вышел шестнадцатилетний Ганс. Его мать схватила юношу за руку:

— Умоляю, не ходи. Десять лет назад во время кораблекрушения погиб твой отец, а твой старший брат Пауль уже три недели как без вести пропал в море. Ганс, ты один у меня остался. Ганс ответил:

— Мама, я должен пойти. Что будет, если все скажут — я не могу, пусть это сделает кто-нибудь другой? Мама, я должен исполнить свой долг. Когда звучит сигнал, мы все должны исполнить свой долг в свой черед.

Он поцеловал мать, сел в шлюпку, и та исчезла в ночи.

Прошел еще час, который показался матери Ганса вечностью. Наконец спасательная шлюпка вынырнула из тумана, на носу ее стоял Ганс. Сложив руки рупором, капитан крикнул:

— Вы нашли последнего?

Едва сдерживая свои чувства, Ганс прокричал в ответ:

— Да, мы нашли его. Скажите матери, что это мой старший брат Пауль!

Дэн Кларк

Жизнь, достойная спасения

Один человек, рискуя жизнью, спас мальчика, который попал в водоворот на море. Придя в себя, мальчик сказал:

— Спасибо, что спасли мне жизнь.

Мужчина посмотрел мальчику в глаза и ответил:

— Пустяки, малыш. Главное, чтобы твоя жизнь оказалась достойной спасения.

Автор неизвестен

Из книги Брайана Кавано

«Новые семена для посева»

Двухсотое объятие

Любовь исцеляет людей — и тех, кто дает, и тех, кто получает.

Доктор Карл Меннингер

Кожа у моего отца пожелтела, весь в проводах и трубках, он лежал в палате интенсивной терапии. Он всегда был плотного телосложения, а теперь потерял более 30 фунтов.

Отцу поставили диагноз «рак поджелудочной железы» в одной из самых тяжелых форм. Врачи делали все, что могли, но сказали нам, что жить ему осталось от трех до шести месяцев. Рак поджелудочной железы не поддается ни облучению, ни химиотерапии, поэтому надежды было мало.

Несколько дней спустя, когда я пришел к отцу, он сидел в кровати. Я сказал:

— Папа, я так переживаю из-за того, что с тобой случилось. Это помогло мне понять, что я держался с тобой отчужденно и что на самом деле я очень тебя люблю. — Я наклонился, чтобы обнять его, но его плечи и руки напряглись. — Да ладно, пап, я правда хочу тебя обнять.

Какое-то мгновение он казался потрясенным. В нашей семье не принято было проявлять чувства. Я попросил его сесть чуть повыше, чтобы можно было обнять его. И предпринял еще одну попытку. Однако на этот раз папа держался еще более скованно. Я почувствовал, как во мне нарастает привычная обида, и подумал: «Ну и не надо. Если хочешь умереть, оставив меня с ощущением обычного холода между нами, ради Бога».

Многие годы я пользовался любым сопротивлением или сдержанностью отца, чтобы обвинить его, воспротивиться ему и сказать себе: «Вот, ему все равно». Но на этот раз я вдруг осознал, что это объятие послужит ко благу не только ему, но и мне. Я хотел выразить, насколько переживаю за него, несмотря на то что он с такой неохотой открывается передо мной. По натуре мой отец был похож на немца, во всем любил порядок; вероятно, в детстве родители приучили его скрывать свои чувства, то есть держаться по-мужски.

Отгнав свое давно сдерживаемое желание обвинить отца в нашей отчужденности, я решил не уступать и показать ему еще больше любви. Я сказал:

— Папа, не упрямясь, обними меня. — И наклонился совсем близко к нему. Отец обнял меня. — А теперь обними крепче. Вот так. И еще раз, сожми крепче. Очень хорошо!

В каком-то смысле я учил своего отца обнимать, и он сжал меня в своих объятиях уже как-то веселее. На мгновение наружу прорвалось ощущение: «Я люблю тебя». Из года в год мы здоровались, обмениваясь формальным рукопожатием и словами «Здравствуй, как дела?». И теперь мы оба ждали, чтобы момент этой краткой близости повторился снова. И все же именно тогда, когда мы начинали наслаждаться этим чувством любви, тело отца напрягалось, и объятие делалось неуклюжим и каким-то

чужим. Потребовалось несколько месяцев, чтобы эта скованность ушла и его чувства легко находили выход в объятии.

Мне пришлось обнять отца бесчисленное множество раз, прежде чем он решился обнять меня первым. Я не винил, а поддерживал его; в конце концов, он менял привычку всей жизни — а это требует времени. Я знал, что мы все делаем правильно, потому что в наших отношениях сквозило все больше заботы и любви. Где-то на двухсотом объятии отец внезапно, в первый раз на моей памяти, произнес вслух:

— Я тебя люблю.

Гарольд Х. Блумфилд

Клубничный напиток и три пожатия, пожалуйста!

Моя мать любила клубничный напиток. Я всегда предвкушал, как заеду проведать ее и удивлю, привезя любимое лакомство.

В последние годы жизни мои родители жили в доме для престарелых с медицинским уходом. Частично из-за болезни Альцгеймера, которой страдала мама, мой папа сам заболел и не мог за ней ухаживать. Они жили в разных комнатах, но проводили вместе столько времени, сколько могли. Они очень любили друг друга. Держась за руки, эта седоволосая пара излучала любовь, прогуливаясь по коридорам и навещая друзей. Они были «романтиками» этого центра.

Узнав, что состояние матери ухудшается, я написал ей письмо. В нем я говорил, как сильно люблю ее. Извинялся за свою раздражительность, когда был подростком. Я написал, что она была прекрасной матерью и я горжусь тем, что я ее сын. Я высказал все то, что уже давно хотел сказать, но не решался, пока не осознал, что в какой-то момент мама уже может и не понять слов любви. Это было подробное письмо с выражением любви, и папа говорил, что мама часами читала и перечитывала его.

Мне было очень грустно, что мама больше не узнаёт меня. Она часто спрашивала: «И как же вас зовут?», и я с гордостью отвечал, что я — Ларри, ее сын. Она улыбалась и брала меня за руку. Как жаль, что я уже больше не ощущаю этого особого прикосновения.

В один из приездов я зашел в местный магазинчик и купил родителям по клубничному напитку. Сначала я зашел к маме, представился, несколько минут поговорил с ней, а потом понес напиток отцу.

Когда я вернулся к маме, она уже почти все выпила и прилегла отдохнуть, но не спала. Мы улыбнулись друг другу, когда я вошел в комнату.

Не говоря ни слова, я придвинул стул к кровати, сел и взял маму за руку. Это было божественное единение. Я молча подтверждал свою любовь к ней. В этом покое я ощущал волшебство нашей полной любви, хотя знал, что мама не знает, кто держит ее за руку. Или это она держала меня за руку?

Прошло минут десять, я почувствовал, как она мягко пожала мою руку... три раза. Пожатия были краткими, но я сразу же понял, что мама что-то мне сказала.

Чудо полной любви питается божественной силой и нашим воображением.

Я не мог поверить этому! Хотя она уже не могла больше выражать свои сокровенные мысли, как раньше, слова были не нужны. На мгновение словно вернулась прежняя мама.

Много лет назад, когда мои родители еще только встречались, мама придумала этот особый способ говорить папе: «Я тебя люблю!», когда они сидели в церкви. А он тихонько дважды сжимал ее руку в ответ: «Я тоже!»

Я сжал мамину руку два раза. Она повернула голову, и ее губы тронула улыбка любви, которую я никогда не забуду. Ее лицо излучало любовь.

Я помнил, как мама выражала свою абсолютную любовь к отцу, нашей семье и бесчисленным друзьям. Ее любовь продолжает оказывать огромное влияние на мою жизнь.

Прошло еще десять минут. Мы молчали.

Внезапно мама повернулась ко мне и тихонько проговорила:

— Очень важно, чтобы тебя кто-то любил.

Я заплакал. Это были слезы радости. Я со всей нежностью и теплотой обнял ее, сказал, как сильно ее люблю, и ушел.

Вскоре после этого мама скончалась.

Так немного слов было сказано в тот день, но все они были на вес золота. Я всегда буду бережно хранить в памяти эти минуты.

Ларри Джеймс

Очень часто моя мама просила меня накрыть к ужину стол хорошим фарфором. Поскольку это случалось часто, у меня никогда не возникало вопросов. Я считала, что это просто желание моей матери, минутная прихоть, и делала, что велели.

Как-то вечером, когда я накрывала на стол, неожиданно зашла Мардж, соседка. Мама, возившаяся у плиты, пригласила ее войти. Увидев на столе всю эту красоту, Мардж заметила:

— А, вы ждете гостей. Я зайду в другой раз. Надо было сначала позвонить.

— Нет-нет, ничего, — ответила моя мама. — Мы никого не ждем.

— Но тогда почему стол накрыт хорошим фарфором? — удивилась Мардж. — Я достаю парадный сервиз всего раза два в году.

— Дело в том, — негромко рассмеявшись, ответила мама, — что я приготовила любимое блюдо нашей семьи. Если ты ставишь на стол лучшую посуду для особых гостей и чужих людей, то почему не сделать этого для своей семьи? Они не менее особые, чем другие люди.

— Да, конечно, но твоя чудесная посуда побьется, — ответила Мардж, по-прежнему не понимая, как важно было для моей матери вот так проявить уважение к своей семье.

— Что ж, — отозвалась она, — несколько сколов на тарелках — небольшая цена за то, что мы чувствуем, когда

собираемся всей семьей за столом, накрытым нашей любимой посудой. Кроме того, — с юным огоньком в глазах добавила она, — у каждой щербинки своя история, ведь верно? — Она посмотрела на Мардж, словно эта женщина, мать двоих детей, должна была понимать, о чем идет речь. Мама подошла к буфету и вынула тарелку.

— Видишь этот скол? Мне было семнадцать, когда это случилось. Я никогда не забуду тот день. — Мамин голос смягчился, казалось, она погружается в воспоминания. — Как-то осенью моим братьям понадобилась помощь, чтобы убрать последнее сено, поэтому они наняли молодого, крепкого и красивого парня. Моя мать попросила меня сходить в курятник и собрать свежие яйца. Тогда-то я в первый раз и увидела нашего нового помощника. Остановившись, я наблюдала, как он ловко, без всякого усилия перекидывает сено. Роскошный оказался мужчина: стройный, с узкой талией и мощными руками, а волосы у него были черные и блестящие. Должно быть, он почувствовал мое присутствие, потому что, не донеся охапку сена до скирды, остановился, обернулся и улыбнулся мне. Он был просто невероятно красив, — медленно проговорила мама, нежно поглаживая тарелку.

— Кажется, он понравился и моим братьям, потому что они пригласили его поужинать с нами. Когда же мой старший брат усадил его рядом со мной, я чуть не умерла. Представляете, в каком я была смятии, — ведь он видел, как я на него уставилась. И вот теперь я сидела рядом с ним. Его присутствие настолько сковало меня, что я не могла вымолвить ни слова и сидела, опустив глаза.

Внезапно осознав, что она разоткровенничалась перед своей юной дочерью и соседкой, мама покраснела и поспешила закончить рассказ.

— Ну, в общем, он подал мне свою тарелку и попросил положить порцию. Я так нервничала, что руки у меня вспотели и тряслись. Когда я взяла его тарелку, она выскользнула и ударилась о край кастрюли, и кусочек откололся.

— Ну, не знаю, — произнесла Мардж, ничуть не тронутая маминим рассказом, — я бы постаралась забыть это воспоминание.

— Напротив, — возразила мама, — год спустя я вышла замуж за этого удивительного человека. И до сих пор, когда я вижу эту тарелку, то вспоминаю день, когда познакомилась с ним. — Она осторожно вернула тарелку в буфет, поставив ее позади других тарелок, и, заметив, что я смотрю на нее во все глаза, быстро подмигнула мне.

Видя, что эта пылкая история ничуть не растрогала Мардж, мама поспешно взяла другую тарелку, когда-то разбитую и тщательно склеенную.

— Эту тарелку разбили в тот день, когда мы привезли из роддома нашего новорожденного сына, Марка, — сказала мама. — Какой же это был холодный и ветреный день! Пытаясь помочь, моя шестилетняя дочь уронила эту тарелку, когда несла ее в раковину. Сначала я расстроилась, но потом сказал себе: «Это всего лишь разбитая тарелка, и я не позволю разбитой тарелке испортить нашей семье радость от встречи с новорожденным малышом». Насколько помню, склеивание этой тарелки в несколько этапов доставило мне большое удовольствие!

Я была уверена, что у моей мамы есть и другие истории про ее сервиз.

Прошло несколько дней, а я все не могла забыть про первую тарелку. Она явно была какая-то особая, хотя бы потому, что мама осторожно поставила ее позади других тарелок. Все это меня заинтриговало, и я никак не могла отделаться от мыслей об этой тарелке.

Несколько дней спустя мать поехала в город за покупками. Я, как обычно в таких случаях, присматривала за остальными детьми. Как только автомобиль скрылся из виду, я сделала то, что всегда делала в первые десять минут, как мама уезжала. Я побежала в родительскую спальню (что мне

категорически запрещалось!), влезла на стул и, открыв верхний ящик комода, принялась в нем рыться, как много раз делала до этого. В дальнем конце ящика, под мягким и дивно пахнувшим «взрослым» бельем, лежала квадратная деревянная шкатулочка с драгоценностями. Я вынула ее и открыла. Там лежали все привычные предметы: кольцо с рубином, которое оставила маме Хильда, ее любимая теть, изящные серьги с жемчугом — папин подарок маме в день их свадьбы, красивое обручальное кольцо мамы, которое она часто снимала, помогая своему мужу в работе на ферме.

В очередной раз зачарованная этими драгоценными вещами, я сделала то, что захотела бы сделать любая маленькая девочка: я надела их все, представляя, как вырасту такой же красивой женщиной, как моя мама, и у меня будут такие же собственные великолепные украшения.

Но в тот день я не слишком долго задержалась на этих мыслях. Я вынула лоскуток тонкого красного сукна, под которым лежал обычного вида кусочек белого фарфора — до сего дня ничего для меня не значивший. Взяв осколок, я внимательно осмотрела его на свету и побежала на кухню. Там, придвинув к буфету стул, я вынула ту тарелку. Как и следовало ожидать, осколок, столь бережно хранимый мамой вместе с ее единственными тремя украшениями, подошел к тарелке, которую мама уронила в тот день, когда впервые увидела отца.

Все теперь зная, я осторожно вернула драгоценный осколок на место, под защищавшую его ткань. Теперь я понимала, что фарфор хранил для мамы много дорогих историй о ее семье, но не столь ценных, как та, что связан с этой тарелкой. С этого осколка началась история любви, и в ней насчитывалось 53 главы — мои родители прожили вместе 53 года!

Одна из моих сестер спросила маму, перейдет ли к ней рубиновое колечко, а другая моя сестра положила глаз на бабушкины сережки с жемчугом. Пусть сестры возьмут себе эти красивые фамильные ценности. Что до меня, я бы хотела получить вещь, связанную с воспоминанием о том, как началась эта необыкновенная любовь этой необыкновенной женщины. Я бы хотела получить осколок фарфора.

Бетти Б. Янгс

Это требует мужества

Ты приобретаешь силу, опыт и уверенность в себе каждый раз, когда в какой-либо ситуации останавливаешься, чтобы заглянуть в лицо страху... Ты должен сделать то, что не можешь.

Элеонора Рузвельт

Ее зовут Никки. Она живет чуть дальше меня по дороге. Много лет эта юная леди вдохновляла меня. Ее история затронула мое сердце, и в трудную минуту я вспоминаю о ее мужестве.

Это началось с сообщения врача, когда Никки ходила в седьмой класс. Все, чего боялась эта семья, оказалось правдой. Диагноз гласил: лейкемия. Следующие несколько месяцев девочка регулярно приезжала в больницу. Ей сделали сотни, тысячи анализов. Потом наступил черед химиотерапии. Это был шанс спасти ей жизнь, но при этом она потеряла волосы. А потеря волос в седьмом классе — это ужасная вещь. Волосы не отросли. Семья начала тревожиться.

Летом перед восьмым классом девочке купили парик. В нем было неудобно, чесалась голова, но Никки носила его. Она всегда была любимицей одноклассников, еще она была капитаном группы поддержки, вокруг нее всегда толпились другие дети, но все стало меняться. Девочка выглядела по-другому, а вы знаете, каковы дети. Да и мы, взрослые, тоже. Иногда, желая повеселиться, мы совершаем поступки, которые причиняют огромную боль другим. В первые две недели учебы парик с ее головы сдергивали раз пять. Никки останавливалась, поднимала парик, надевала его, дрожа от страха и неловкости, вытирала слезы и шла в класс, недоумевая, почему никто за нее не заступается.

По истечении этих двух мучительных недель она сказала родителям, что больше этого не вынесет. Те предложили ей оставаться дома. Вы же понимаете, если ваша дочь-восьмиклассница умирает, вам все равно, перейдет она в девятый класс или нет. Самое главное, чтобы она была счастлива и ничто ее не тревожило. Никки сказала мне, что потеря волос — пустяки.

— С этим я могу справиться, — сказала она. Она даже сказала, что и потеря жизни не слишком ее волнует. — Я могу справиться и с этим, — сказала она. — Но знаете ли вы, что такое — потерять друзей? Идешь по коридору, а они расступаются перед тобой, как Красное море, потому что это ты идешь, илиходишь в столовую купить пиццу, а они уходят, оставляя недоеденные куски. Они говорят, что не голодны, но ты-то знаешь: они уходят, потому что там сидишь ты. Вы знаете, что чувствуешь, когда никто не хочет сидеть рядом с тобой в классе, а в раздевалке, в шкафчиках слева и справа от твоего, никто не хочет оставлять свои вещи? Они готовы положить их к кому-то другому, лишь бы не стоять рядом с девочкой в парике, которая болеет какой-то странной болезнью. А ведь она даже не заразная. Неужели они не понимают, что больше всего на свете я нуждаюсь в своих друзьях? Да-да, потеря жизни — ничто, потому что, веря в Бога, ты знаешь, где проведешь вечность. Потеря волос тоже ничего не значит, но потеря друзей приводит в отчаяние.

Она собиралась оставаться дома, но в те выходные кое-что произошло. Она услышала про двух мальчиков, один учился в шестом классе, другой — в седьмом. Семиклассник жил в Арканзасе; под рубашкой он приносил в школу Библию, хотя подобные вещи не были популярны у одноклассников. К нему как-то подошли три мальчика, выхватили Библию и сказали: «Ты, неженка. Религия — это для маменькиных сынков. Молятся только сопляки. Не смей снова приносить Библию в школу». И якобы этот мальчик подал Библию самому здоровому из этих трех мальчишек и сказал: «Вот, давай посмотрим, хватит ли у тебя мужества целый день проходить с ней в школе». Говорят, что те три мальчика стали его друзьями.

Другая история, вдохновившая Никки, случилась с шестиклассником из штата Огайо по имени Джимми Мас-тердино. Он завидовал штату Калифорния, потому что у Калифорнии был девиз «Эврика!» («Я нашел!»), а у Огайо не было. Он предложил пять судьбоносных слов. И единолично собрал нужное число подписей и обратился в законодательное собрание штата. Сегодня, благодаря шестикласснику, официальный девиз штата звучит так: «С Божьей помощью все возможно».

Никки, обретшая мужество и вдохновение, надела в понедельник утром свой парик. Она оделась как можно красивее и моднее и сказала родителям:

— Сегодня я пойду в школу. Мне нужно кое-что сделать. Мне нужно кое-что узнать.

Они не поняли, о чем говорит девочка, и встревожились, опасаясь худшего, но повезли ее в школу. Все последние дни Никки обнимала и целовала родителей в машине, перед тем как выйти из нее, хотя подобные нежности и вызывали насмешки других детей. В этот день все было по-другому. Она обняла и поцеловала родителей, но прежде чем выйти из машины, сказала:

— Знаете, что я собираюсь сегодня сделать? Сегодня я собираюсь узнать, кто мои истинные друзья. — И с этими словами она сняла парик и положила его на сиденье. — Пусть они примут меня такой, какая я есть, —

сказала девочка. — Или не примут совсем. У меня мало времени. Сегодня я должна выяснить, кто они. — Сделав два шага, она обернулась и попросила:

— Молитесь за меня, И родители ответили:

— Мы молимся. — И отец добавил: — Молодец, девочка!

В тот день случилось чудо. Она прошла по школьному двору, вошла в школу, и никто не оскорбил, не обидел, не посмеялся над девочкой, обладавшей таким мужеством.

Никки научила тысячи людей, что быть самим собой, использовать таланты, данные тебе Богом, стоять за правду даже тогда, когда все вокруг в ней не уверены, не отступать перед болью, страхом и наказанием — это единственный способ жить.

Никки закончила среднюю школу. Несколько лет назад она счастливо вышла замуж, о чем никто раньше и мечтать не мог, и родила девочку, которую называли Эмили. Каждый раз, когда я сталкиваюсь с чем-то, что кажется мне невозможным, я вспоминаю Никки и обретаю силу.

Билл Сандерс

Будь собой

В грядущей жизни меня не спросят: «Почему ты не был Моисеем?» Меня спросят: «Почему ты не был Зюсом?»

Раввин Зюс

С самого детства я не хотел быть собой. Я хотел быть Билли Уидлдоном, а Билли Уидлдон меня даже и не любил. Я ходил, как ходит он, я разговаривал, подражая ему, и поступил в ту же среднюю школу, что и он.

И именно поэтому Билли Уидлдон изменился. Он начал крутиться вокруг Герби Вандемана, он ходил, как Герби Вандеман, разговаривал, подражая ему. Он меня запутал! Я начал ходить и говорить, как Билли Уидлдон, который ходит и говорит, как Герби Вандеман.

А потом я вдруг понял, что Герби Вандеман ходит и говорит, как Джоуи Хейверлин. А Джоуи Хейверлин ходил и разговаривал, как Корки Сабинсон.

Поэтому теперь я хожу и разговариваю, как Билли Уидлдон, который имитирует Герби Вандермана, который подражает Джоуи Хейверлину, который пытается ходить и говорить, как Корки Сабинсон. И на кого бы, вы думали, хочет походить Корки Сабинсон? Из всех он выбрал Доппи Веллингтона — этого несносного типа, который ходит и говорит, как я!

Автор неизвестен Предоставлено Скоттом Шуманом

Президент Калвин Кулидж как-то пригласил друзей из своего родного города на ужин в Белый дом. Переживая, как бы не опростоволоситься за столом, гости решили во всем подражать Кулиджу. Их стратегия оправдывала себя, пока не подали кофе. Президент налил кофе в блюдечко. Гости сделали то же самое. Кулидж добавил туда сахару и сливок. Гости сделали то же. Потом Кулидж поставил блюдце

на пол для своей кошки.

Эрик Олсон

Ты не должна быть своей матерью, если только она не та, кем ты хочешь быть. Ты не должна быть своей бабушкой, или прабабушкой, или прапрабабушкой со стороны матери, или даже прабабушкой со стороны отца. Ты можешь унаследовать их подбородки, бедра, глаза, но твоя судьба не в том, чтобы стать одной из женщин, что жили до тебя. Ты не должна прожить их жизни. Так что, если уж ты и унаследуешь что-то от них, пусть это будут их сила и жизнерадостность. Потому что ты станешь только тем человеком, каким решишь быть.

Пэм Фингер

Когда я выиграю этот чемпионат, я надену свои старые джинсы, старую шляпу, отращу бороду и поеду по старой проселочной дороге туда, где меня никто не знает, пока не встречу красотку, которая не знает моего имени, которая полюбит меня такого, какой я есть. И тогда я привезу ее в свой дом стоимостью 250 000 долларов и с видом на миллион долларов, и покажу ей все свои «кадиллаки» и крытый на случай дождя бассейн, и скажу: «Это все твое, дорогая, потому что ты любила меня за меня самого».

Мохаммед Али

Я не волнуюсь за нынешних детей

Иногда, когда я лечу с одного выступления на другое, рядом со мной оказывается словоохотливый пассажир. Обычно разговор бывает интересным для меня, потому что я не устаю наблюдать за людьми. Наблюдая и слушая людей, которых каждый день встречаю, я очень много узнаю. Я слышал истории печальные и веселые, о страхе и радости и другие, которые можно было бы с успехом поведать в любом ток-шоу.

Но, к несчастью, иногда рядом со мной оказывается человек, который всего лишь хочет выплеснуть свое недовольство или навязать политические взгляды вынужденному слушателю. Это было в один из таких полетов. Мой сосед начал свое разоблачение ужасного состояния мира со слов: «Вы знаете, нынешние дети...» Он все говорил и говорил, основывая свое слабое знание об ужасном состоянии подростков и молодежи на довольно-таки произвольно взятых сюжетах из выпусков новостей.

Когда я с облегчением покинул самолет и наконец разместился в своей гостинице в Индианаполисе, я купил местную газету и отправился ужинать. На второй странице я прочел статью, которая вполне могла быть помещена на первую полосу.

В маленьком городке в штате Индиана у одного пятнадцатилетнего мальчика нашли опухоль мозга. Ему назначили лучевую и химиотерапию. В результате лечения

у него выпали волосы. Не знаю, как вы, но я представляю, как бы чувствовал себя в его возрасте, — я бы испытывал жуткое унижение!

Одноклассники, не сговариваясь, пришли на выручку своему товарищу: все мальчики попросили своих матерей обрить им головы, чтобы Брайан не выделялся в школе своей облысевшей головой. На этой странице была помещена фотография, на которой мать обривала сыну голову под одобрительными взглядами других членов семьи, а на заднем плане стояла группа таких же обритых молодых людей.

Нет, я не волнуюсь за нынешних детей.

Хэнкок Маккарти

Цветок

«У меня много цветов, — сказал он, — но дети — самые красивые из всех цветов».

Оскар Уайльд

В течение некоторого времени каждое воскресенье один человек присылал мне розу для бутоньерки на лацкане моего пиджака. Поскольку каждое воскресное утро я получал цветок, то не слишком задумывался об этом. Это был жест любезности, который я ценил, однако он стал привычным. Но в одно воскресенье то, что я считал обычным, стало особенным.

Когда воскресным утром я выходил после службы из церкви, ко мне подошел мальчик и спросил:

— Сэр, что вы сделаете со своим цветком? Поначалу я даже не понял, о чем он говорит. Потом, указав на розу, приколотую к пиджаку, спросил:

— Ты про это спрашиваешь?

— Да, сэр, — ответил он. — И если вы просто собираетесь его выбросить, не могли бы вы отдать цветок мне?

Тут я улыбнулся и сказал, что с радостью отдам ему розу, и между делом поинтересовался, зачем

она ему. Мальчик, которому, пожалуй, не было еще и 10 лет, ответил:

— Сэр, я отдам ее своей бабушке. В прошлом году мои папа и мама развелись. Я жил с мамой, но когда она

снова вышла замуж, то захотела, чтобы я жил с отцом. Я пожил у него, но он сказал, что я больше не могу с ним оставаться, и отправил к бабушке. Она очень хорошо ко мне относится. Готовит, заботится обо мне. Она такая хорошая, что я захотел подарить ей в благодарность такой красивый цветок.

Когда мальчик умолк, я просто не находил слов. На глазах у меня выступили слезы, я был тронут до глубины души. Отцепив розу, я сказал:

— Сынок, я никогда не слышал более приятных слов, но одного цветка недостаточно. Посмотри, в церкви, у кафедры, стоит большой букет цветов. Каждую неделю разные семьи покупают их для церкви. Возьми эти цветы для своей бабушки, потому что она заслуживает самого лучшего.

Я и так уже был растроган, но мальчик сказал еще кое-что, что я всегда буду хранить в памяти. Он воскликнул:

— Какой чудесный день! Я попросил один цветок, а получил красивый букет!

Пастор Джон Р. Рамзи

Практикуйте спонтанные акты доброты и красоты

Важно само действие, а не его плоды. Вы должны творить добрые дела. Может, не в вашей власти или не пришло время получить какие-то плоды. Но это не означает, что вы не должны творить добро. Вы можете никогда не узнать, к каким результатам привели ваши действия. Но если вы ничего не сделаете, результатов не будет.

Ганди

Холодный зимний день в Сан-Франциско. Женщина ведет красную «хонду», на заднем сиденье громоздятся подарки, она подъезжает к кассе перед мостом. «Я плачу за себя и шесть следующих машин», — с улыбкой говорит она, протягивая семь проездных билетов.

Одна за другой к кассе подъезжают шесть машин, водители протягивают доллары, а им говорят: «За вас заплатила одна леди. Приятного дня».

Женщина в красной «хонде», как оказалось, прочла на карточке, прикрепленной к холодильнику подруги: «Практикуйте спонтанные акты доброты и красоты». Фраза поразила женщину, и та скопировала ее для себя.

Джуди Форман увидела ту же фразу, написанную краской из аэрозольного баллончика на стене склада, за сотню миль от своего дома. Когда в течение нескольких дней она не смогла от нее отделаться, то вернулась туда и списала ее. «Она показалась мне невероятно красивой, — сказала Джуди, объясняя, почему стала приписывать ее в конце всех своих писем, — будто послание свыше».

Эта фраза настолько понравилась ее мужу Фрэнку, что он повесил ее на стене в своем седьмом классе, а одной из его учениц была дочка местной журналистки. Журналистка напечатала ее в газете, пометив, что, хоть эти слова и нравятся ей, она не знает, ни откуда они взялись, ни что означают.

Два дня спустя с ней связалась Энн Герберт. Высокая блондинка сорока лет, Энн живет в Марине, одном из десяти самых богатых округов страны, где занимается самой разной работой. Эта фраза не выходила у него из головы, и в конце концов Энн написала ее на пластиковой салфетке в местной закусочной.

— Это же чудесно! — воскликнул сидевший рядом мужчина и старательно скопировал фразу на свою салфетку.

— Моя идея такова, — говорит Энн, — делайте спонтанно то, чего, как вам кажется, не хватает.

Среди ее собственных затей: 1) неожиданные визиты в унылого вида школы, чтобы раскрасить там стены классов; 2) поставка горячих обедов в столовые бедных районов города; 3) подбрасывание денег в сумки бедных, но гордых старых женщин.

«Доброта может опираться сама на себя точно так же, как это делает зло», — убеждена Энн Герберт.

Теперь этот призыв распространяется на бамперных наклейках, на стенах, на обратной стороне конвертов и визитных карточек. И по мере того как он распространяется, нарастает и волна доброты.

В Портленде, штат Орегон, мужчина в нужный момент опускает монетку в парковочный счетчик для совершенно незнакомого человека. В Патерсоне, штат Нью-Джерси, десяток человек, вооружившись ведрами, щетками и луков-

цами тюльпанов, высаживаются десантом в старом доме и чистят его сверху донизу под озадаченными взглядами и улыбками его престарелых обитателей. В Чикаго подросток, повинувшись внутреннему побуждению, расчищает подъездную дорожку. Никто не видит, думает он, и заодно

расчищает дорожку соседям.

Это позитивная анархия, беспорядок, приятные нарушения. Женщина в Бостоне пишет клеркам: «Веселого Рождества!» — на обороте своих чеков. Мужчина в Сент-Луисе, в автомобиль которого врезалась сзади молодая женщина, лишь помахал ей и сказал: «Это всего лишь царапина. Не волнуйтесь».

Спонтанные акты красоты распространяются: мужчина сажает вдоль дороги нарциссы, и его рубашка раздувается от воздушных потоков, гонимых проезжающими машинами. В Сиэтле человек назначает сам себя санитарной службой и бродит среди холмов, собирая мусор в тележку из супермаркета. В Атланте мужчина стирает надписи с зеленых садовых скамеек.

Говорят, что нельзя не улыбнуться, не подбодрив тем самым и себя самого, — точно так же вы не можете совершить акт спонтанной доброты, не почувствовав, что ваши собственные проблемы чуть отступили, хотя бы потому, что этот мир стал чуть лучше.

И вы не можете стать принимающей стороной, не испытав приятного шока. Если вы были одним из тех шести спешивших водителей, которые узнали, что за них заплатили, кто знает, что вы решили сделать для кого-то потом? Помахать кому-нибудь на перекрестке? Улыбнуться усталому служащему? Или что-то более фандиозное? Например, совершить революцию доброты, которая начинается постепенно, с одного доброго дела. Пусть это будет ваше дело.

Адэр Лара

Два брата

Два брата работали вместе на семейной ферме. Один был женат и имел большую семью. Другой был холост. В конце каждого дня братья делили все поровну — полученную продукцию и доходы.

Но однажды холостой брат сказал себе: «Несправедливо, что мы делим все поровну. Я один, и потребностей у меня меньше». Поэтому каждую ночь он брал мешок зерна из своего амбара и тихонько пробирался через поле к амбару брата.

Тем временем женатый брат сказал себе: «Это несправедливо, что мы делим все поровну. В конце концов, у меня есть жена и дети, которые позаботятся обо мне в старости. А мой брат один, никто не позаботится о нем в будущем». Поэтому каждую ночь он приносил мешок зерна в амбар брата.

Годами братья дивились, что запасы зерна у них не убывают, пока однажды ночью не столкнулись друг с другом и не догадались обо всем. Бросив мешки, они обнялись.

Автор неизвестен Из книги Брайана Кавано «Новые семена для посева»

Сердце

Самое лучшее и самое красивое в мире нельзя ни увидеть, ни потрогать... но можно почувствовать сердцем.

Хелен Келлер

Мы с женой расстались в конце декабря, и, как вы можете представить, январь у меня выдался нелегким. Во время сеансов терапии, которые помогли мне справиться с эмоциональной нестабильностью, вызванной разводом, я попросил своего врача о чем-нибудь, что помогло бы мне в моей новой жизни. Я не представлял, согласится ли она, и если согласится, что это может быть.

К счастью, она сразу же согласилась и, как я и думал, дала мне нечто неожиданное. Она дала мне сердце, маленькое, сделанное вручную сердце, ярко, с любовью раскрашенное. Его подарил ей предыдущий пациент, мужчина, тоже прошедший через развод. Врач добавила, что я получаю его не навсегда, а только до того момента, как получу свое собственное сердце. Тогда я должен вернуть это сердце ей. Я понял, что она дает мне это сердце в качестве визуальной цели или как некое материальное воплощение моего поиска жизни, наполненной чувствами. Я принял его, предвкушая, что меня ждут сильные эмоциональные контакты.

Я даже не предполагал, как быстро начнет действовать этот чудесный подарок.

После того сеанса я аккуратно положил сердце над приборным щитком машины и поехал за своей дочерью Джули-Энн, потому что в тот день она впервые должна была ночевать в моем новом доме. Забравшись в машину, она сразу же заметила сердце, взяла его, осмотрела и спросила, что это такое. Я сомневался, стоит ли рассказывать ей всю психологическую подоплеку, потому что дочь была совсем ребенком. Но в конце концов я решил рассказать все как есть.

«Это подарок от моего врача, который должен помочь мне преодолеть трудное время, но оно у меня не навсегда, а только пока я не раздобуду свое сердце», — объяснил я. Джули-Энн ничего не сказала. И я снова засомневался, стоило ли об этом говорить. Что она могла понять в свои 11 лет? Каким образом могла помочь мне перебросить мостик общения с другими людьми?

Через несколько недель, когда дочь снова гостила у меня, она заранее вручила мне подарок ко дню святого Валентина: маленькую коробочку, которую сама покрасила в красный цвет и старательно перевязала золотой ленточкой, а еще шоколад, который мы вместе и съели. Ожидая сюрприза, я заглянул в коробочку и, к своему удивлению, достал оттуда сердце, которое моя дочь сама сделала для меня и раскрасила. Я вопросительно посмотрел на нее, гадая, что бы это значило. Зачем она подарила мне точную копию сердца, данного мне врачом?

Тут дочка нерешительно протянула мне самодельную открытку. Джули-Энн очень смущалась из-за открытки, но в конце концов позволила ее открыть и прочесть. Это были не по годам взрослые стихи. Она абсолютно точно поняла значение подарка моего врача и написала для меня трогательные, полные любви строки. Слезы покатались у меня из глаз, а сердце распахнулось настежь:

Моему папе

*Вот сердце
Тебе в подарок,
Чтобы ты сделал тот большой прыжок,
Который пытаешься сделать.*

*Повеселись в путешествии.
Оно может оказаться интересным.*

*Но когда достигнешь цели,
Научись любить.*

*В счастливый Валентинов день
С любовью от дочери Джули-Энн.*

Эти стихи я считаю самым ценным своим сокровищем, превыше всех материальных богатств.
Реймонд Л. Аарон

Рождественское утро

Он проснулся внезапно и окончательно. Было четыре часа, в это время отец всегда будил его, чтобы идти доить коров. Странно, насколько живучи привычки юности! Отец уже 30 лет как умер, а он все равно просыпается в четыре утра. Он приучил себя поворачиваться на другой бок и засыпать, но этим утром не стал — это было утро Рождества. И в чем же теперь состояла магия Рождества? Его собственные дети выросли и разъехались. Они остались вдвоем с женой. Вчера она сказала: «Давай нарядим елку завтра, Роберт. Я устала». Он согласился, и дерево осталось на улице у задней двери.

Почему же у него сна ни в одном глазу? Все же еще ночь, ясная и звездная. Луны, конечно, нет, но звезды просто необыкновенные! Теперь, когда он задумался об этом, то вспомнил, что на заре дня Рождества звезды всегда казались крупнее и ярче. А одна из них была самой большой и яркой. Он даже вообразил, как она движется, как двигалась в его воображении однажды очень давно.

Ему было 15 лет, и он еще жил на отцовской ферме. Он любил отца. И не знал этого, пока однажды, за несколько дней до Рождества, не услышал, как отец говорит матери:

— Мэри, мне так жалко поднимать Роба по утрам. Он растет, ему нужен сон. Если бы ты видела, как он спит,

когда я прихожу его будить! Как жаль, что я не справляюсь один.

— Ну ты же не можешь один, Адам, — резко ответила мать. — И потом, он уже не ребенок. Пора ему заменять тебя.

— Да, — медленно ответил отец. — Но все равно мне так жалко будить его.

Когда он услышал эти слова, что-то в нем проснулось: отец любит его! Больше по утрам он не медлил, не заставлял звать себя дважды. Он вставал, натягивал одежду, ничего не видя, потому что не мог открыть глаз, но он вставал.

А потом, однажды ночью накануне Рождества, в тот год, когда ему исполнилось 15, он лежал несколько минут, думая о предстоящем дне.

Он сожалел, что не приготовил отцу хорошего подарка. Как обычно, он сходил в дешевый магазинчик и купил галстук. Он казался ему достаточно красивым, до тех пор пока он не услышал разговора родителей и не пожалел, что не скопил побольше денег на подарок получше.

Он лежал на боку, подперев голову рукой, и смотрел в чердачное окошко. Звезды сияли ярче обычного, а одна была особенно яркой, и он подумал, уж и вправду, не Вифлеемская ли это звезда.

— Пап, — спросил он как-то в детстве у отца, — а что такое вертеп?

— Это просто хлев, — ответил отец, — как наш. Значит, Иисус родился в хлеву, и в хлев пришли пастухи и волхвы, неся рождественские дары!

И ему пришла идея. Почему бы не сделать отцу особый подарок, там, в хлеву? Он мог бы встать раньше, до четырех часов, пробраться в хлев и подоить коров. Он сделает это один, подоит и все уберет, и когда отец придет на дойку, то увидит, что все сделано. И он поймет, кто это сделал.

Глядя на звезды, мальчик рассмеялся. Именно так он и поступит, и он не должен крепко спать.

Он просыпался, должно быть, раз двадцать, каждый раз чиркал спичкой и смотрел на старые часы — полночь, полвторого, а затем два часа.

Без четверти три он встал и оделся. Тихонько спустился вниз, стараясь избегать скрипучих половиц, и вышел на улицу. Большая звезда висела низко над крышей хлева и светилась красновато-золотым светом. Сонные коровы удивленно посмотрели на него. Для них тоже было рановато.

Мальчик положил каждой корове сена, потом принес подойник и большие молочные бидоны.

Он улыбался, думая об отце, и старательно доил, две упругие струи били в подойник, пенящиеся и ароматные. Работа шла легче, чем когда-либо раньше. Дойка на этот раз была не обязанностью. Чем-то другим, подарком отцу, который его любил. Он закончил, наполнив два бидона, закрыл их и затворил дверь в молочную, стараясь не заскрипеть. Табурет он оставил на обычном месте у двери, поставил на него подойник. Затем вышел из хлева и закрыл дверь.

Вернувшись в комнату, он успел только снять в темноте одежду и нырнуть в кровать, прежде чем услышал, что встал отец. Мальчик натянул на голову одеяло, чтобы скрыть тяжелое дыхание. Дверь открылась.

— Роб! — позвал отец. — Нам приходится вставать, сынок, даже в Рождество.

— Сейчас, — сонно отозвался он.

— Я пойду вперед, — сказал отец. — Начну доить. Дверь закрылась, Роб лежал тихо, посмеиваясь про себя. Через несколько минут отец все узнает.

Время тянулось бесконечно — десять, пятнадцать минут, он не знал сколько, — и вот он снова услышал отцовские шаги. Дверь открылась, он лежал неподвижно.

— Роб!

— Да, папа...

— Ах ты, сукин... — Отец рассмеялся, но в голосе его слышались слезы. — Думал надуть меня, да? — Отец стоял у кровати, стягивая прочь одеяло.

— Это ради Рождества, папа!

Он обнял отца и крепко сжал в объятиях. И почувствовал, как отец обнимает его в ответ. В темноте они не видели лиц друг друга.

— Сынок, спасибо тебе. Никто еще никогда не делал мне более приятного подарка...

— О, папа, я хочу, чтобы ты знал... — Слова вылетали у него сами собой. Он не знал, что сказать. Сердце его разрывалось от любви.

— Ну что ж, думаю, я могу вернуться в постель и поспать, — сказал через минуту отец. — Нет... малыши проснулись. Между прочим, я никогда не видел, как вы, дети, подходите в первый раз к рождественской елке. Я всегда был в коровнике. Идем!

Роберт встал, снова оделся и спустился вниз к елке, и вскоре на том месте, где была звезда, на небе появилось солнце. Какое же это было Рождество и как его сердце снова стеснилось от смущения и гордости, когда отец рассказал матери и младшим детям о том, что сегодня произошло. «Это самый лучший рождественский подарок в моей жизни, а я помню, сынок, все свои рождественские утра».

За окном уже медленно садилась большая звезда. Он встал, сунул ноги в шлепанцы, надел халат и медленно поднялся на чердак, где хранилась коробка с игрушками для елки. Отнес ее вниз, в гостиную. Принес елку. Она была небольшая — с тех пор как дети разъехались, они покупали маленькую елку, — но он как следует укрепил ее и начал наряжать. Очень скоро все было готово, время пролетело быстро, как тогда, давним утром в хлеву.

Он пошел в библиотеку и достал маленькую коробочку с подарком для жены — бриллиантовой звездочкой, небольшой, но изысканной. Привязав подарок к ветке, он отступил на шаг. Очень, очень красиво, и для нее это станет сюрпризом.

Но этого ему показалось мало. Он захотел сказать ей... сказать, как сильно любит ее. Он уже давно ей этого не говорил, хотя по-своему любил ее еще даже сильнее, чем в молодости. Способность любить была истинной радостью жизни. Он был совершенно уверен, что некоторые люди просто не способны никого любить. Но в нем любовь была жива до сих пор.

И вдруг он понял, что жива она потому, что давным-давно родилась в нем, когда он узнал, что отец любит его. И в этом заключался секрет: любовь сама по себе порождает любовь.

И он снова и снова мог делиться этим даром. Этим утром, этим благословенным рождественским утром он поделится этим даром с любимой женой. Он напишет это в письме, которое она прочтет и сохранит. Он сел за стол и начал любовное послание к ней: «Моя самая любимая...»

Перл С. Бак

Сделай это немедленно!

Если мы узнаем, что нам осталось всего пять минут на то, чтобы сказать все, что мы хотим сказать, все телефонные кабины окажутся заняты людьми, которые будут звонить другим людям, торопясь сказать, что любят их.

Кристофер Морли

На занятиях, которые я веду для взрослых, я совершил «непростительный» поступок. Я дал классу домашнее задание! Оно заключалось в следующем: «На следующей неделе пойдите к тем, кого вы любите, и скажите им, что вы их любите. Это должен быть человек, кому вы никогда этого не говорили или говорили давно».

На первый взгляд такое задание не кажется таким уж трудным, если не знать, что большинству мужчин в этой группе было далеко за тридцать пять и что они воспитывались в то время, когда проявление чувств у мужчины считалось слабостью. Показать свои чувства или — упаси Бог! — заплакать было просто невозможно. Поэтому кое для кого такое задание было пугающим.

В начале следующего занятия я спросил, есть ли желающие рассказать о том, как они выразили кому-то свою любовь. И ожидал, что это будет непременно женщина, как обычно в таких случаях, но на этот раз руку поднял мужчина. Он казался растроганным и немного потрясенным.

Встав во весь свой немалый рост, он начал так:

— Дэннис, на прошлой неделе я здорово рассердился на вас за это задание. Мне казалось, что у меня нет такого человека, и потом — кто вы такой, чтобы заставлять меня делать что-то настолько личное? Но пока я ехал домой, во мне заговорила совесть, она подсказывала, что такой человек у меня есть. Дело в том, что пять лет назад мы здорово поругались с отцом и с тех пор толком и не разговаривали. Встречались мы только по крайней необходимости — на Рождество или на других семейных торжествах. Но и тогда мы практически не общались. Поэтому в прошлый вторник, приехав домой, я твердо решил, что скажу отцу о своей любви.

Удивительно, но как только я принял это решение, то сразу ощутил, как с души у меня свалился тяжкий груз.

Войдя в дом, я побежал к жене, чтобы рассказать ей о своем решении. Она уже легла, но когда я сказал ей, она буквально выпрыгнула из кровати и обняла меня, и впервые за все время нашей совместной жизни она увидела мои слезы. Полночи мы пили кофе и разговаривали. Это было потрясающе!

На следующее утро я встал очень рано. Я был настолько возбужден, что почти не спал. Пораньше приехал в офис и за два часа сделал больше, чем до этого за день.

В девять утра я позвонил отцу. Когда отец снял трубку, я лишь спросил, можно ли мне заехать к нему после работы, чтобы что-то сказать. Отец проворчал: «Зачем?» — но когда я заверил его, что это не займет много времени, он согласился.

В половине шестого я позвонил в дверь родительского дома, и отец открыл мне. Я боялся, что откроет мама и я, струсив, все расскажу ей. Но по счастью, открыл отец.

Не теряя времени, я шагнул в дом и сказал: «Папа, я приехал сказать, что я тебя люблю».

Мой отец просто преобразился. Его лицо на глазах смягчилось, морщины, казалось, исчезли, и он заплакал. Он обнял меня и сказал: «Я тоже люблю тебя, сынок, но я никогда не мог этого сказать».

Это была настолько драгоценная минута, что я не хотел двигаться. Со слезами на глазах подошла мама. Я лишь послал ей воздушный поцелуй. Мы с отцом еще постояли, обнявшись, а потом я уехал. Давно я уже не чувствовал себя так хорошо.

Но суть моего рассказа не в этом. Через два дня после моего визита у отца, у которого всегда было больное сердце, случился очередной приступ, и сейчас он находится в больнице без сознания. И я не знаю, выживет ли он.

Так вот, я хочу сказать всем присутствующим в этом классе: «Не откладывайте то, что должно быть сделано. Если бы я еще подождал, чтобы поговорить с отцом, может, уже никогда не смог бы этого сделать! Найдите время для того, чтобы сделать то, что нужно сделать, и сделайте это немедленно!»

Дэннис Э. Мэннеринг



CALVIN AND HOBBS® Watterson. Reprinted with permission of Universal Press

Мученичество Энди

Энди был приятным, забавным пареньком, которого все любили, но постоянно дразнили, просто потому, что так с Энди Дрейком вели себя все. Он нормально воспринимал подтрунивание. Всегда улыбался в ответ, и его большие глаза, казалось, отвечали: «Спасибо, спасибо, спасибо» — каждый раз, когда он опускал ресницы.

Для нас, пятиклассников, Энди был нашим мальчиком для битья. А он, казалось, был даже благодарен, воспринимая это как особую цену за членство в нашей группе.

*Энди Дрейк не ест пирожных,
А его сестра не ест пирогов.
Если б не благотворительная помощь,
Семейство Дрейков умерло бы.*

Энди даже как будто нравилась эта дразнилка. А мы были в восторге от самих себя, что так удачно все сочинили.

Не знаю, почему Энди терпел все это. Так уж получилось, никто специально к этому не призывал.

Не помню, чтобы когда-либо упоминалось, что отец Энди сидит в тюрьме, а его мать зарабатывает стиркой и водит к себе мужчин. Или что ноги, локти и ногти у Энди всегда были грязными, а его старое пальто было ему велико. Нам скоро надоело потешаться над этим. А Энди никогда не защищался.

Думаю, юности присущ снобизм. Теперь-то ясно, что мы в своей группе полагали — принадлежать к ней наше право, а Энди мы терпим только из милости.

Несмотря на это, мы все любили Энди до того дня... до того самого момента.

«Он какой-то другой! Он нам не нужен!»

Кто из нас произнес эти слова? Все прошедшие годы я обвинял в этом Рэндольфа, но, честно говоря, я не помню, кто сказал те слова, разбудившие в нас дремлющую дикость. Да это и не важно, потому что поспешность, с которой мы это поддержали, говорит за нас.

«Я не хотел делать того, что мы сделали».

Долгие годы я пытался этим утешить себя. Потом однажды наткнулся на неприятные, но неопровержимые слова, которые навсегда сделали меня виновным:

Самые жаркие уголки адского пекла оставлены для тех, кто в критический момент оставался нейтральным.

В те выходные наша компания планировала отдыхать, как обычно. В пятницу после занятий мы собрались дома у одного из членов нашей группы, чтобы оттуда пойти в поход в близлежащий лес. Наши матери, взявшие на себя большую часть подготовки к этому «сафари», собрали лишний пакет и для Энди, который должен был присоединиться к нам после выполнения своих домашних обязанностей.

Мы быстро разбили лагерь. Личная храбрость усиливалась коллективной, в тот момент мы были «мужчинами», которые должны были выжить в джунглях.

Друзья сказали мне, что раз это мой поход, я и должен сообщить Энди новость!

Я? Я, который уже давно считал, что Энди втайне относится ко мне чуть лучше, чем ко всем остальным, потому что по-щенячьи смотрит на меня? Я, который часто замечал, что его огромные, широко открытые глаза излучают любовь и преданность?

Я до сих пор ясно вижу, как Энди едет ко мне по длинному, темному коридору между деревьев. Отдельные лучики вечернего света подвижным узором ложатся на его грязный старый джемпер. Энди едет на своем ржавом велосипеде, единственном в своем роде, — дамский велосипед, у которого вместо шин прикручены к ободьям куски садового шланга. Вид у него возбужденный и счастливый, я никогда не видел его таким радостным, этого мальчика, который был лишен детства. Я знал, что он предвкушает встречу с нами, свою первую возможность испытать «мальчишеские радости».

Энди помахал мне. Я не ответил на его приветствие. Соскочив со смешного велосипеда, он побежал ко мне, переполненный радостью и желанием говорить. Остальные спрятались в палатку и сидели тихо, но я ощущал их поддержку.

Почему он не может быть серьезным? Неужели он не видит, что я не разделяю его радости? Неужели не видит, что его слова меня не трогают?

И вдруг он увидел! Невинное выражение лица Энди сделало его еще более уязвимым. Весь его вид говорил: «Мне будет очень плохо, Бен, да? Ну что ж, давай». Он, без сомнения, настолько привык к разочарованиям, что даже не подготовился к удару. Энди никогда не был бойцом.

Сам себе не веря, я услышал, как говорю: «Энди, ты нам не нужен».

Я до сих пор вижу, как с поразительной быстротой на глазах у Энди выступили две огромные слезы и застыли там. Я мысленно проигрывал эту сцену миллион раз. Что было во взгляде Энди, устремленном на меня, — застывшем на мгновение, которое длилось целую вечность? Это была не ненависть. Шок? Неверие? Или жалость — ко мне?

Или прощение?

Наконец губы Энди дрогнули, и он повернулся, не возразив, ничего не спросив, и отправился в долгий, одинокий обратный путь домой в темноте.

Когда я вошел в палатку, кто-то из нас — наименее чувствительный — запел старую дразнилку.

А потом мы все вдруг поняли! Мы не голосовали, ничего не обсуждали, но все мы поняли. Мы осознали, что допустили ужасную, жестокую несправедливость. Мы вдруг вспомнили слова, отпечатавшиеся в памяти после десятков уроков и церковных служб. Словно в первый раз мы услышали: «...так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

Мы поняли, что уничтожили человека, созданного по образу и подобию Божьему, единственным оружием, против которого нет защиты и которому нет оправдания, — отвергли его.

Энди плохо посещал школу, поэтому я не могу точно сказать, когда он ее бросил, просто однажды я понял, что он больше не придет. Много дней я провел, стараясь найти подходящий способ сказать Энди, насколько мне стыдно. Теперь я знаю, что вполне хватило бы дружеского объятия, или слез, или просто молчания. Мы излечились бы оба.

Я никогда больше не видел Энди Дрейка. Не знаю, куда он уехал и где он сейчас, если он еще жив.

Но было бы неточным сказать, что я не видел Энди. За десятилетия, прошедшие с того осеннего

дня в лесу Арканзаса, я встречал тысячи Энди Дрейков. Моя совесть надевала маску Энди на лицо каждого неблагополучного человека, с кем меня сталкивала жизнь. Все они смотрели на меня тем загнанным, ищущим взглядом, который отпечатался в моем мозгу в тот давний день.

Дорогой Энди Дрейк!

Шанс, что ты прочтешь эти строки, очень невелик, но я должен попытаться. Слишком поздно облегчать свою совесть этим признанием. Я не ожидаю и не хочу этого.

О чем я молюсь, мой маленький давний друг, так это о том, чтобы ты каким-то образом смог понять постоянную силу своей жертвы и чтобы она тебе помогала. То, что в тот день ты пережил из-за меня, и то мужество, которое ты продемонстрировал, Бог превратил в благословение.

Понимание этого может смягчить твои воспоминания о том ужасном дне.

Я не святой, Энди, и в жизни я не всегда делал то, что мог и должен был. Но я хочу, чтобы ты знал: я больше никогда сознательно не предал ни одного Энди Дрейка. И клянусь, никогда не сделаю этого в будущем.

Бен Бертон

Рай и ад — главное отличие

Один человек разговаривал с Богом о рае и аде. И Бог сказал тому человеку:

— Идем, я покажу тебе ад.

Они вошли в комнату, где вокруг огромного котла с супом сидели люди. Все они были голодны и очень мучились от этого. У каждого из них была ложка, которой можно было зачерпнуть в котле, но черенки ложек были настолько длиннее их рук, что поднести ложку ко рту не было никакой возможности. Страдания этих людей были безмерны.

— Идем, теперь я покажу тебе рай, — сказал Бог через некоторое время.

Они вошли в другую комнату, точно такую же, как первая, — котел с похлебкой, люди вокруг него с длинными ложками. Но все были счастливы и сыты.

— Не понимаю, — сказал мужчина. — Почему эти люди счастливы, а те несчастны, ведь все одинаково?

Бог улыбнулся.

— Все очень просто, — ответил он. — Здесь они научились кормить друг друга.

Энн Ландерс

Подарок раввина

Я расскажу вам историю. Возможно, это легенда. Для легенд типично иметь несколько вариантов. И также типично, что источник той версии, которую я собираюсь рассказать, туманен. Я не могу вспомнить, слышал я ее или читал и где и когда. Более того, я даже не знаю, насколько я исказил ее. Одно знаю точно, эта версия пришла ко мне с названием. И называлась она «Подарок раввина».

История рассказывает о монастыре, который переживал тяжелые времена. Когда-то это был большой орден, но в результате гонений на монахов в XVII и XVIII вв. и из-за роста секуляризации в XIX в. все братские ветви этого монастыря увяли, и он опустел настолько, что в нем осталось всего пять монахов, ютившихся в обветшавшем главном корпусе: аббат и четыре монаха. Всем им было уже за семьдесят. Было ясно, что орден умирает.

В глухом лесу, окружавшем монастырь, стояла маленькая хижина, в которой иногда уединялся раввин из соседнего города. Благодаря многим годам, проведенным в молитвах и благих размышлениях, монахи до некоторой степени сделались ясновидящими и всегда чувствовали, когда раввин приходил в свою хижину. «Раввин в лесу, раввин снова в лесу», — шептали они один другому. Страдая из-за неминуемой гибели ордена, аббат решил в один из таких моментов пойти в хижину и спросить у раввина, не даст ли он совет, как спасти монастырь.

Раввин радушно встретил аббата в своем убежище отшельника. Но когда аббат объяснил причину своего прихода, раввин смог только посочувствовать ему.

— Я знаю, каково это, — сказал он. — Люди теряют духовность. То же самое и в моем городе. Почти уже никто не ходит в синагогу.

И старый аббат, и старый раввин оба заплакали. Затем они почтили из Торы и неспешно поговорили о серьезных вещах. Настало время аббату уходить. Они обнялись.

— Как чудесно, что мы наконец познакомились, — сказал аббат, — но все же я ухожу ни с чем. Неужели ты ничего не можешь мне сказать, посоветовать, как мне спасти свой орден?

— Нет, прости, — ответил раввин, — мне нечего тебе посоветовать. Одно могу сказать, Мессия

— один из вас.

Когда аббат вернулся в монастырь, монахи собрались вокруг него и спросили:

— Что же сказал тебе раввин?

— Он не смог помочь, — ответил аббат. — Мы просто поплакали и вместе почитали Тору.

Единственное, что он сказал, Мессия — один из нас. Я не знаю, что это значит.

В последующие дни, недели и месяцы старые монахи размышляли над этим и не могли понять, какой смысл был заложен в словах раввина. Мессия один из нас? Неужели он имел в виду одного из монахов нашего монастыря? В таком случае кого же? Может, нашего аббата? Да, если он о ком и говорил, то скорее всего об отце аббате. Он возглавлял не одно поколение братии. В то же время он мог говорить и о брате Томасе. Брат Томас, без сомнения, святой человек. Все знают, что Томас — человек просветленный. И уж конечно, это не может относиться к брату Элреду! Временами Элред так всех раздражает. Но если задуматься, даже если для других он — «жало во плоти», Элред практически всегда прав. И часто очень даже прав. Может, раввин имел в виду брата Элреда? Но уж никак не брата Филиппа. Филипп такой пассивный, просто никакой. Но зато он обладает таинственным даром всегда оказываться там, где в нем нуждаются. Волшебным образом он вдруг возникает рядом с тобой. Может, Филипп и есть Мессия. Разумеется, раввин говорил не обо мне. Он просто не мог подразумевать меня. Я совершенно обычный человек. А если вдруг обо мне? Предположим, что я — Мессия? О Боже, не я. Я не могу быть столь великим для Тебя, ведь верно?

И, размышляя таким образом, монахи стали относиться друг к другу с необыкновенным почтением — а вдруг он, и есть Мессия. И на тот случай, самый крайний случай, что он сам и есть Мессия, монахи с огромным уважением стали относиться и к себе.

Лес, окружавший монастырь, был очень красив, и люди по-прежнему иногда приходили сюда на пикник и располагались на монастырской лужайке, бродили по дорожкам, даже заходили посидеть и подумать в старую, пол>разру-шенную церковь. Даже не сознавая этого, они ощущали ауру необыкновенного уважения, которая начала окружать пятерых старых монахов и, казалось, исходила от них, пронизывала атмосферу этого места. Оно сделалось удивительно привлекательным, даже чарующим. И люди, не отдавая себе в том отчета, стали приходить все чаще сюда. Они стали приводить друзей, чтобы показать им это особое место. А те друзья стали приводить своих друзей.

Затем случилось так, что некоторые из молодых людей, приходивших в монастырь, стали все чаще разговаривать со старыми монахами. А потом один из них пожелал поступить в монастырь. Потом другой. И еще один. И через несколько лет монастырь опять превратился в процветающий орден и, благодаря совету раввина, стал живым центром света и духовности того королевства.

М. Скотт Пек

The Different Drum, COPYRIGHT © 1967 by M. Scott Feck, M.D.. EC. Reprinted by permission of Simon & Schuster, Inc.

Бабушкин подарок

Сколько я себя помню, я всегда называла свою бабушку Гаги. «Гаги» было первым словом, которое я сказала в детстве, и гордившаяся мной бабушка была уверена, что я пыталась произнести ее имя. Моей Гаги она остается и по сей день.

К моменту смерти моего деда, а ему было 90 лет, они с бабушкой прожили вместе более пятидесяти лет. Гаги очень глубоко переживала свою потерю. Ее жизнь потеряла смысл, и она отгородилась от мира, погрузившись в долгий траур, который продолжался почти пять лет и за время которого я выработала привычку навещать ее не меньше двух раз в месяц.

Однажды я приехала, ожидая увидеть Гаги в ее обычном состоянии покоя, в каком она пребывала со дня смерти дедушки. Но она сидела в своем инвалидном кресле, буквально сияя. Когда я никак не прокомментировала произошедшую в ней перемену, она сама спросила меня:

— Хочешь знать, почему я так счастлива? Разве тебе не любопытно?

— Конечно, любопытно, Гаги, — извинилась я. — Прости и скажи, почему ты счастлива? Отчего такие изменения?

— Потому что прошедшей ночью я получила ответ, — заявила она. — Я наконец знаю, почему Господь забрал твоего деда, а меня оставил жить без него.

От Гаги всегда можно было ждать сюрпризов, но, признаюсь, я была просто ошарашена ее словами.

— Почему же, Гаги? — выдавила я.

И тогда, понизив голос, словно она выдавала величайшую в мире тайну, и наклонившись ко мне, она спокойно произнесла:

— Твой дед знал, что секрет жизни — это любовь, и он жил с ней каждый день. Во всех его

действиях присутствовала непроизвольная любовь. Я знала о непроизвольной любви, но не жила ею полностью. Поэтому он и ушел первым, а мне пришлось остаться. — Она помолчала, словно обдумывая свои слова, а затем продолжала: — Все это время я думала, что меня за что-то наказывают, но прошлой ночью я поняла, что, оставив меня на земле, Господь сделал мне подарок. Он позволил мне остаться, чтобы я могла превратить свою жизнь в любовь. Понимаешь, — сказала она, указывая на небо, — прошлой ночью мне показали, что там нельзя усвоить этот урок. Любовью нужно жить здесь, на земле. Как только ты ее покидаешь, становится поздно. Поэтому мне был оставлен дар жизни, чтобы я могла научиться жить любовью здесь и теперь.

С того дня каждый мой визит превращался в приключение, так как Гаги рассказывала мне разные истории, связанные с ее целью. Однажды я застала ее в возбуждении колотящей по колесам кресла:

— Ты не представляешь, что я сделала сегодня утром! — Я ответила, что не представляю, и она, переполняемая чувствами, продолжала: — Сегодня утром твой дядя рассердился и расстроился из-за какого-то моего поступка. А я даже и глазом не моргнула! Приняла все его упреки, превратила их в любовь и вернула вместе с радостью. — Ее глаза искрились, когда она добавила: — Было так интересно наблюдать, как исчезает его злость.

Хотя возраст продолжал свое неотвратимое наступление на бабушку, жизнь ее была полностью обновлена. За прошедшие годы я множество раз навещала Гаги, а она не уставала практиковать свои уроки любви. У нее была цель, ради которой стоило жить, причина продержаться еще 12 лет.

В последние дни ее жизни я часто навещала Гаги в больнице. Когда как-то раз я шла к ее палате, дежурная сестра сказала мне:

— Знаете, ваша бабушка — особая женщина... она — свет.

Да, цель зажгла ее жизнь, и она до конца оставалась светом для других.

Д. Тринидад Хант

Ангелам не нужны ноги, чтобы летать

Есть страна живых и страна мертвых, и мост между ними — любовь...

Торнтон Уайлдер

В один из моих последних приездов в Варшаву в числе других тридцати гражданских дипломатов из Института гуманитарной информации в Сан-Матео, штат Калифорния, я шокировал нашего гида, сказав, что хочу встретиться с простыми людьми.

— Хватит соборов и музеев, — сказал я. — Мы хотим познакомиться с людьми.

Гид, которого звали Роберт, сказал:

— Вы шутите. Вы, наверное, не американцы. Может, канадцы, но только не американцы. Американцы не знакомятся с людьми. Мы смотрим «Династию» и другие американские фильмы. Американцы людьми не интересуются. Поэтому скажите мне правду. Вы канадцы или, может, англичане?

Грустно признавать, он не шутил. Он говорил вполне серьезно. Однако мы — это были мы! Поговорив о «Династии» и других американских фильмах и признав, что таких американцев много, мы сказали, что есть и другие, и в конце концов убедили Роберта познакомить нас с простыми людьми.

Роберт отвез нас в санаторий для старых женщин. Самой старой из них, якобы русской княгине, было больше 100 лет. Она читала нам стихи на разных языках. Хотя не всегда было понятно, что она говорит, ее благородство, очарование и красота говорили сами за себя, и эта женщина не хотела, чтобы мы уходили. Но нам пришлось. В сопровождении сестер, врачей, сиделок и администратора мы перезнакомились почти со всеми 85 пациентками санатория. Некоторые из них называли меня «папочка» и хотели, чтобы я их обнял. И я это делал и все время плакал, видя красоту их душ, заключенных в состарившиеся тела.

Однако самое сильное потрясение мы испытали при посещении последней пациентки. Она была самой молодой женщиной в санатории — 58 лет. Звали ее Ольга. Последние восемь лет она провела одна в своей комнате, отказываясь вставать с постели. Она больше не хотела жить, потому что умер ее любимый муж. Эта женщина, работавшая в свое время врачом, пыталась покончить с собой, бросившись восемь лет назад под поезд. Ей отрезало обе ноги.

Глядя на эту искалеченную женщину, которая прошла через все круги ада из-за своих потерь, я преисполнился такой скорби и сострадания, что упал на колени и стал гладить и целовать культы ее ног. Мною словно овладела высшая сила. Гладя и целуя эту женщину, я заговорил с ней по-английски. И позже я узнал, что она действительно поняла меня. Но это не важно, потому что я совсем не помню, что говорил. Это были слова о том, что я чувствую боль ее утраты, я уговаривал ее использовать свой опыт для того, чтобы помогать в будущем своим пациентам, помогать им с большим сочувствием и состраданием, чем когда-либо раньше. Что в это время перемен она нужна своей стране больше, чем

когда-либо. И что она, как и ее страна, которая была разрушена и опустошена, а потом возродилась, должна возвратиться к жизни.

Я сказал ей, что она похожа на раненого ангела и что по-гречески «ангел» — значит «вестник любви, посланник Бога». Я также напомнил ей, что ангелам, для того чтобы летать, ноги не нужны. Я говорил минут пятнадцать, и к концу все в комнате расплакались. Когда же я поднял глаза, то увидел сияющую Ольгу, которая попросила, чтобы привезли инвалидное кресло, и принялась впервые за восемь лет выбираться из кровати.

Стэн Дейл

Он мой отец

Приведенное ниже письмо было оставлено в амбулатории большой университетской больницы. Хотя автор неизвестен, содержание письма имеет отношение ко всем, кто занят в здравоохранении.

Всему персоналу этого заведения:

Когда сегодня вы возьмете свои записи и посмотрите на зеленую карточку медицинского страхования, я надеюсь, вы вспомните то, что я сейчас скажу.

Сегодня я целый день провела с вами. Я была здесь со своей матерью и отцом. Мы не знали ни куда нам нужно идти, ни что делать, потому что никогда не пользовались вашими услугами раньше. Нам никогда до этого не оказывали благотворительных услуг.

Я смотрела вчера, как мой отец превращался в диагноз, в карту, в номер дела, в благотворительный случай с пометкой «без финансирования», потому что у него не было медицинской страховки.

Я смотрела, как слабый человек пять часов ждал своей очереди, чтобы попасть к торопливым клеркам и растерявшим весь свой энтузиазм медсестрам и пройти обследование на скудном оборудовании, предусмотренном бюджетом. Я смотрела, как ему отказывают в достоинстве и гордости, которые у него, может быть, остались. Я была поражена, насколько безразличны были ваши сотрудники, как они фыркали и строили презрительные гримасы, когда пациенты неправильно заполняли бланки, как походя говорили о случаях других пациентов в присутствии посторонних, как уходили на обед подальше от этого «ада бедняков».

Мой отец всего лишь зеленая карточка, номер дела, которое мешает вам на столе в назначенный день, пациент, который второй раз спросит, куда идти, потому что в первый раз вы ответили механически. Но нет, это на самом деле не мой отец. Это только то, что вы видите.

То, чего вы не видите, — это столяр-краснодеревщик, который работал с 14 лет, частный предприниматель, у которого чудесная жена, четверо взрослых детей (которые приезжают слишком часто) и пять внуков (и еще два на подходе) — и все они считают своего «дедулю» самым лучшим. Этот человек олицетворяет собой настоящего отца — сильного и строгого, но нежного; грубоватого сельского парня, которого уважают известные бизнесмены.

Он мой папа, человек, который вырастил меня, несмотря на все трудности, выдал замуж, держал на руках моих детей, совал мне двадцатки в нелегкие времена и утешал, когда я плакала. А теперь нам говорят, что очень скоро рак заберет его от нас.

Вы можете сказать, что это слова скорбящей дочери, которые вырвались у нее перед лицом потери дорогого человека. И я, пожалуй, соглашусь. Однако я прошу вас не сбрасывать со счетов мои слова. Никогда не теряйте за историями болезни людей. Каждая история болезни — это личность, с чувствами, историей, жизнью, к которой вы имеете власть однажды прикоснуться словами и действиями. Завтра это может оказаться дорогой для вас человек — ваш родственник или сосед, который превратится в номер дела, зеленую карточку, имя, которое будет вычеркнуто желтым маркером как сделанное на сегодня.

Я умоляю вас встретить следующего человека в вашей амбулатории добрым словом или улыбкой, потому что этот человек чей-то отец, муж, жена, мать, сын или дочь — или просто потому, что он — человеческое существо, созданное и любимое Богом, точно так же, как вы.

Автор неизвестен Предоставлено Холли Крессуэлл

Как аукнется...

Когда я работал диск-жокеем в Колумбусе, штат Огайо, по пути домой я часто заходил в университетскую больницу или в больницу Гранта. Я заходил в разные палаты и читал Священное Писание или разговаривал с больными. Это был способ забыть о своих проблемах и поблагодарить Господа за собственное здоровье. Для тех, кого я навещал, это тоже было очень важно. И однажды это в буквальном смысле слова спасло мне жизнь.

На радио я выступал очень резко и в материале, который сделал про одного предпринимателя, пригласившего в город артистов, которые на самом деле не были участниками заявленной группы, задел его. Человек, которого я разоблачил, «заказал» меня!

Как-то я возвращался домой около двух часов ночи, отработав программу в ночном клубе. Когда я открывал дверь, из-за угла моего дома вышел человек и спросил:

— Вы Лэс Браун?

— Да, сэр, — ответил я.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал он. — Меня прислали сюда разобраться с вами.

— Со мной? Почему? — удивился я.

— Ну, это из-за того предпринимателя, который потерял деньги, когда вы сказали, что приглашенная им группа вовсе не настоящая.

— Вы хотите что-то со мной сделать? — спросил я.

— Нет, — ответил он. И я не спросил почему, я не хотел, чтобы он передумал. Я был безумно рад!

Он продолжал:

— Моя мать лежала в больнице Гранта и написала мне, как вы однажды зашли к ней, сели рядом, поговорили с ней, почтили из Евангелия. На нее произвело большое впечатление, что диск-жокей, который ее даже не знает, навестил ее. Она написала мне о вас, когда я сидел в тюрьме в Огайо. На меня это тоже произвело впечатление, и я всегда хотел с вами познакомиться. Когда же я услышал, что кто-то хочет вас пришить, — сказал он, — я взялся за этот заказ, а потом сказал этим людям, чтобы оставили вас в покое.

Лэс Браун

Банкнота достоинством в два доллара

Возвращаясь из поездки в Вашингтон, я прибыл в Ан-коридж в два часа ночи в понедельник в середине мая. В девять часов у меня была назначена беседа с учениками местной средней школы в рамках программы, посвященной работе с беременными девочками-подростками и трудными детьми.

Охрана в этой школе была на высшем уровне, потому что в ней училось много хулиганов, у которых уже случались неприятности с законом. Мне было очень трудно разговаривать с этой многонациональной аудиторией о вещах, которые могли бы пригодиться ей в будущем. Особого успеха я не добился, пока не начал говорить о том, что у меня так хорошо получается, — о материальной помощи людям.

Я вынул пачку двухдолларовых банкнот и начал раздавать их. Ученики стали подходить и брать, потому что это были, так сказать, бесплатные деньги. Я только просил их не тратить эти деньги на себя. Я сказал, что у них у всех есть еще неродившиеся дети, и если есть в этом мире что-то, способное помочь им появиться на свет, так это чья-то забота.

Кто-то из детей просил у меня автограф. Мне кажется, я действительно достучался до некоторых. Потом на полученные деньги кое-кто стал покупать написанную мной книгу, которую я им представил. Так продолжалось пять-шесть минут, и в конце концов я закончил свое выступление рассказом о своем дедушке, который в свое время помог мне открыть новые горизонты в жизни. Я сказал им, что независимо ни от чего они должны помнить: всегда есть кто-то, кому они действительно небезразличны, кто переживает за их успех.

Но это не конец истории. Уже уходя, я сказал, что они могут написать мне, если у них будут какие-то проблемы. Я не обещал помочь, но был готов выслушать и постараться сделать все, что в моих силах.

Через три дня я получил по почте мятый листок. Это было письмо от девочки, которая слушала мое выступление.

Дорогой Флойд!

Большое спасибо за то, что вы нашли время и приехали поговорить с моим классом. Спасибо за новенькую двухдолларовую банкноту. Я всегда буду ее хранить и написала на ней имя своего ребенка, и я никогда ее не потрачу, только если моя девочка что-нибудь захочет или будет в чем-то нуждаться. Причина, по которой я вам пишу, такова: утром в тот день, когда вы разговаривали с нашим классом, я приняла решение. Я прибрала свой стол, заплатила по всем счетам, которые я была должна школе, и собиралась забрать свою жизнь и жизнь своего нерожденного ребенка, потому что я, правда, думала, что никому нет до меня дела. Когда вы сказали о том, что кто-то радуется нашим успехам, что жизнь нельзя просто так оборвать, у меня на глазах выступили слезы. Так что я, наверное, еще побуду здесь, потому что есть люди, как вы, которым я небезразлична, хотя они даже меня не знают. Спасибо за заботу.

Флойд Л. Шилански

Последняя жертва

Линда Биртиш в буквальном смысле слова отдала себя. Линда была выдающейся учительницей, которая чувствовала, что, будь у нее время, она бы создала великие произведения искусства и писала стихи. Однако, когда ей было 28 лет, у нее начались сильные головные боли. Врачи обнаружили у нее огромную опухоль мозга и сказали, что шансы выжить после операции равны двум процентам. Поэтому операцию отложили на полгода.

Линда знала, что в ней скрыт большой художественный талант, и эти полгода она лихорадочно писала и рисовала. Все ее стихотворения, за исключением одного, были опубликованы в журналах. Все ее рисунки, за исключением одного, были выставлены и проданы в крупные галереи.

По истечении шести месяцев ей сделали операцию. Вечером накануне операции Линда решила в буквальном смысле этого слова отдать себя. В случае своей смерти, написала она в своем завещании, она отдавала свои органы для пересадки.

К несчастью, операцию Линда не пережила. И ее глаза поступили в глазной банк в Бетесде, штат Мэриленд, а оттуда — в Южную Каролину. Молодой человек 28 лет вырвался из тьмы на свет. Тот молодой человек был настолько счастлив, что написал в глазной банк, благодаря за то, что такой банк существует. Это было всего лишь

второе подобное письмо, которое получил банк, после того как отдал более 30 000 глаз!

Молодой человек писал, что хочет поблагодарить родителей донора. Должно быть, они просто необыкновенные люди, раз вырастили такого ребенка, который отдал свои глаза. Ему сообщили имя семейства Биртишей, и он решил полететь к ним на Стейтен-айленд. Он прибыл без предупреждения, и, когда назвался открывшей ему миссис Биртиш, та обняла его и сказала: «Молодой человек, если вам негде остановиться, мы с мужем с радостью приглашаем вас провести эти выходные у нас».

Он остался. И, осматривая комнату Линды, увидел, что она читала Платона. Он читал Платона по Брайлю. Она читала Гегеля. Он читал Гегеля по Брайлю.

На следующее утро миссис Биртиш нашла молодого человека и сказала: «Знаете, я уверена, что где-то видела вас раньше, но не знаю где». И внезапно вспомнила. Она побежала наверх и принесла последнюю картину, которую нарисовала Линда. Это был портрет идеального мужчины.

Он был практически фотографическим изображением молодого человека, который получил глаза Линды.

Тогда ее мать прочла ее последнее стихотворение. Линда написала его перед самой смертью. Вот оно:

*Два сердца встречаются в ночи,
Влюбляясь,
Но не имея возможности увидеть друг друга.
Джесек Кэнфилд и Марк Виктор Хансен*

Каменотес

Жил один каменотес, который был недоволен собой и своим местом в жизни.

Как-то раз он проходил мимо дома богатого купца и через открытые ворота увидел красивые вещи и важных посетителей. «Как могуществен, должно быть, этот купец!» — подумал каменотес. Он очень позавидовал и пожелал стать таким же, как этот купец. Тогда ему больше не придется вести жизнь простого каменотеса.

К своему изумлению, он внезапно стал купцом, наслаждавшимся роскошью и властью, о которых он никогда и не мечтал, ему завидовали и его презирали менее богатые люди. Но однажды мимо него проследовал высокопоставленный чиновник, которого несли в портшезе, сопровождали помощники и охраняли солдаты, бывшие в гонги. И все, независимо от богатства, должны были низко кланяться этой процессии. «Как же могуществен этот чиновник! — подумал каменотес. — Хочу и я быть таким чиновником!»

И он стал высокопоставленным чиновником, которого везде носили в расшитом портшезе, его боялись и ненавидели все вокруг, все те, кто кланялся, когда чиновник проезжал мимо. Стоял жаркий летний день, и чиновнику было очень неудобно на липком сиденье портшеза. Он посмотрел на солнце. Оно гордо сияло в небесах, не обращая внимания на его существование.

«Как могущественно солнце! — подумал он. — Хотел бы и я стать солнцем!»

И он стал солнцем, которое беспощадно палило всех, иссушало поля и вызывало проклятья фермеров и рабочих. Но огромная черная туча скрыла солнце, и оно уже не могло светить на землю. «Как могущественна туча! — подумал он. — Хотел бы я быть тучей!»

И он стал тучей, которая затопила поля и деревни и которую все проклинали. Но вскоре он

обнаружил, что его толкает в сторону какая-то могучая сила, и понял, что это ветер. «Как он могуществен! — подумал каменотес-туча. — Хотел бы я быть этим ветром!»

И он стал ветром, который срывал с домов крыши, выворачивал с корнем деревья и пугал всех на земле. Но через какое-то время он натолкнулся на что-то, что не двигалось, как бы сильно он ни дул, — на огромную, высокую скалу. «Как же могуч камень! — подумал он. — Хотел бы я быть камнем!»

И тогда он стал камнем, более могущественным, чем все на земле. Но, возвышаясь вот так, он услышал стук молотка, вбивающего в камень зубило, и он почувствовал, что меняется. «Что же может быть более могущественным, чем я, камень?» — подумал он. И, посмотрев вниз, увидел далеко внизу фигуру каменотеса.

Бенджамин Хофф

2. О родителях

Дети будут помнить вас не за те материальные блага, которыми вы их обеспечили, а за ощущение того, что вы о них заботились.

Ричард Л. Эванс

"The Stonecutter." from THE TAO OF FOON by Benjamin Hoff. Copyright © 1902 by Benjamin Hoff, text and illus. from WINNIE-THE-FOON and THE HOUSE AT FOON CORNER, CR 1926.1920 by E. P. Dutton, © 1953,1956 by A. A. Milne. Used by permission of Dutton Signet, a division of Penguin Books USA Inc.



ZIGGY® ZIGGY AND FRIENDS, INC. Reprinted with permission of Universal Press Syndicate. All rights reserved.

Дорогой мир

Мне позвонил директор школы, в которой учился мой сын Скотт, сказал, что ему нужно сообщить мне нечто важное, и спросил, когда можно подъехать. Поскольку до выпуска оставалось всего несколько недель, я решил, что звонок директора как-то связан с этим событием, хотя на ум пришли и

подростковые шалости. Я ждал приезда директора и надеялся на лучшее.

Новость и в самом деле оказалась прекрасной: Скотт должен был произнести речь на выпускном вечере. В честь достижений моего сына директор попросил меня написать что-нибудь соответствующее случаю. Я с радостью согласился. Я гордился Скоттом и его успехами.

Сев за пишущую машинку, я стал вспоминать жизнь Скотта. Потом я осознал истинное значение окончания им школы: он и его одноклассники вступают в неведомый мир. Нас уже не будет рядом с ним каждый день, чтобы направить, позаботиться. И поэтому я написал следующее письмо миру:

Дорогой мир!

Наши дети сегодня заканчивают школу. Некоторое время все для них будет непривычным, и я желаю, чтобы ты обошелся с ними по-доброму.

Видишь ли, до сего дня они были зеницей ока своих семей, и их родители постоянно были рядом с ними, залечивая их раны и исцеляя оскорбленные чувства. Теперь все будет по-другому. Они пускаются в новое приключение. И в ходе этого приключения они могут столкнуться с войной, трагедией, печалью. Чтобы пройти своей дорогой, им понадобится много веры, любви, терпимости и понимания.

Поэтому, мир, я желаю, чтобы ты за ними присматривал. Возьми их за руку и научи тому, что им нужно знать, но, прошу тебя, сделай это по возможности мягко.

Им придется узнать, что не все люди справедливы, что не все люди говорят правду. Но научи их также, что на каждого бандита приходится герой, что на каждого нечистоплотного политика приходится великий и преданный лидер и что на каждого врага есть добрый друг.

На это потребуется время, мир, но научи их, что заработанный цент имеет больше ценности, чем найденный доллар. Научи их проигрывать с достоинством, чтобы они смогли сильнее насладиться победой.

Огради их от зависти, если сможешь, и награди секретом тихого смеха. Научи их пребывать в мире с их Богом. Научи их быть сильными духом, чтобы они смогли перенести неудачу и сохранить желание пытаться снова, пока не добьются успеха. Научи их быть мягкими с мягкими людьми и жесткими — с жесткими.

Научи их следовать своему суждению, а не мнению толпы. Научи их слушать всех людей, но пропускать все услышанное через фильтр правды. Научи их смеяться в минуту грусти, но также научи, что не стыдно и прослезиться. Научи их, что может быть славное поражение и успех, полный отчаяния.

Научи их не обращать внимания на цинизм и не становиться слишком добренькими. Научи их как можно дороже продавать свой ум и силу, но никогда — сердце и душу.

Научи их, если сможешь, не сравнивать себя с другими, так как всегда будут более великие и менее великие.

Вместо этого научи их превосходить свои собственные возможности.

Научи их, что делу время, а потехе — час.

Обращайся с ними бережно, мир, но не нянчись; самая лучшая сталь получается благодаря закалке в огне. Научи их верить в себя, и тогда они поверят в человечество.

Это весьма сложный заказ, мир, но попробуй его выполнить. Они такие славные молодые люди — наши дети.

Эврил Йоханнес

Reprinted by *permission* of Avril Johannes. ©1995 Avril Johannes.

Если бы мне снова пришлось воспитывать своего ребенка

Если бы мне снова пришлось воспитывать своего ребенка,

Я бы больше рисовала пальцем и меньше бы им указывала.

Я бы меньше исправляла и больше налаживала контакты.

Я бы смотрела не на часы, а на своего ребенка.

Я бы меньше заботилась о том, чтобы что-то знать, и

знала бы, что надо больше заботиться.

Я бы совершила больше прогулок и запустила больше воздушных змеев.

Я бы перестала разыгрывать серьезность и играла бы со всей серьезностью

Я бы больше бегала по полям и почаще смотрела на звезды.

Я бы больше обнимала и меньше тянула прочь.

Я бы не так часто проявляла твердость, но была бы

более уверенной.

Я бы сначала построила самоуважение, а уж потом — дом.

Я бы меньше учила о любви к силе и больше — о силе любви.

Дайана Луманс

From the book, *Full Esteem Ahead, 100 Ways to Build Self-Esteem in Children & Adults*. ©1994 Dians Loomans.



CALVIN AND HOBBS® Watterson. Reprinted with permission of Universal Press Syndicate. All rights reserved.

Не забывай: мы растим детей, а не цветы!

У моего соседа Дэвида двое детей — пяти и семи лет. Как-то раз во дворе он учил своего семилетнего сына Келли обращаться с газонокосилкой. В тот момент, когда он показывал, как поворачивать косилку в конце лужайки, Джин, его жена, окликнула Дэвида с каким-то вопросом. Тот отвернулся, и Келли прошелся косилкой по краю цветочной клумбы, оставив за собой дорожку из скошенных цветов шириной в шестьдесят сантиметров!

Когда Дэвид повернулся назад и увидел, что случилось, он вышел из себя. Дэвид приложил много сил и стараний, чтобы сделать эту клумбу на зависть соседям. Он уже начал повышать на сына голос, но тут к нему быстро подошла Джин и сказала: «Дэвид, пожалуйста, не забывай... мы растим детей, а не цветы!»

Джин напомнила мне, как важно, чтобы родители не забывали о своих приоритетах. Дети и их самоуважение гораздо важнее любого предмета, который они могут сломать или испортить. Разбитое окно, опрокинутая лампа и расколота тарелка уже пострадали. Цветы уже погибли. Я должен помнить, что нельзя пополнять список разрушений, ломая дух ребенка и убивая в нем радость жизни.

Несколько недель назад я покупал спортивный костюм, и мы с Марком Майклзом, владельцем магазина, разговорились о родительских обязанностях. Он рассказал, что, когда они всей семьей — с женой и семилетней дочерью — были в гостях, девочка опрокинула во время обеда стакан с водой. Когда воду вытерли и родители при этом не сделали ей замечания, девочка сказала: «Спасибо, что вы не похожи на других родителей. У большинства моих друзей родители не такие: они накричали бы на них и прочитали лекцию о том, что надо быть более внимательными. Спасибо, что вы этого не сделали!»

Однажды, когда я обедал у друзей, произошел похожий случай. Их пятилетний сын опрокинул стакан с молоком на обеденный стол. Родители накинулись на мальчика, и я нарочно опрокинул свой стакан. Когда я принялся объяснять, что, дожив до сорока восьми лет, продолжаю опрокидывать вещи, мальчик просиял, а родители, поняв тайный смысл моих слов, успокоились. Как же легко забывается, что мы все продолжаем учиться!

Недавно Стивен Гленн рассказал мне историю про ученого, который сделал несколько важных открытий в области медицины. Во время интервью журналист спросил его, почему он решил, что сможет достигнуть большего, чем обычный человек. Что выделяет его из числа других людей?

Ученый ответил, что, по его мнению, это берет свое начало из одного урока, преподанного матерью, когда ему было два года. Он пытался достать из холодильника бутылку молока, та выскользнула из рук, и ее содержимое залило весь пол на кухне — настоящее молочное море!

Когда его мать вошла на кухню, то вместо того чтобы кричать, читать нотации или наказывать сына, она сказала: «Роберт, какой чудесный беспорядок ты устроил! Никогда не видела такой огромной лужи молока. Что ж, что сделано, то сделано. Если хочешь, можешь немного поиграть в молоко, а потом мы все уберем».

Он поиграл, а через несколько минут мать сказала: «Понимаешь, Роберт, разведя грязь, в конце концов приходится ее убирать. Как ты хочешь это сделать? С помощью губки, полотенца или щетки? Что ты предпочитаешь?» Он выбрал губку, и вместе они убрали разлитое молоко.

Потом мать сказала: «То, что здесь произошло, можно назвать неудачным экспериментом по переносу большой молочной бутылки двумя маленькими руками. Давай пойдем на улицу, нальем в бутылку воды и посмотрим, нет ли способа нести ее не роняя». Малыш уяснил, что сможет держать бутылку, не роняя, если возьмется за горлышко, рядом с крышкой. Какой чудесный урок!

Выдающийся ученый далее сказал, что именно в тот момент он понял, что не стоит бояться совершать ошибки. Напротив, он понял, что ошибки — это возможность узнать что-то новое, а это в конце концов и составляет суть научных экспериментов. Даже если эксперимент не удастся, с его помощью мы обычно узнаем что-то ценное.

Как было бы здорово, если бы все родители реагировали так же, как отреагировала тогда мать Роберта!

Еще одну, последнюю историю, иллюстрирующую применение такого отношения, но уже для взрослых, рассказал несколько лет назад по радио Пол Харви. Молодая женщина ехала с работы домой и поцарапала крыло машины о бампер другой. Вся в слезах, она объясняла, что это новый автомобиль, купленный всего несколько дней назад. И что она теперь скажет мужу?

Водитель другой машины посочувствовал ей, но сказал, что они должны обменяться номерами водительских прав и номерами машин. Когда молодая женщина стала вынимать из большого коричневого конверта документы, оттуда выпал листок бумаги. Уверенным мужским почерком на нем было написано несколько слов: «На случай дорожного происшествия... помни, милая, что я люблю тебя, а не машину!»

Давайте же не забывать, что дух наших детей неизмеримо важнее любых материальных вещей. И когда мы будем это помнить, самоуважение и любовь расцветут гораздо красивее, чем любые цветочные клумбы.

Джек Кэнфилд



ЕСЛИ ВЫ ВОСПИТЫВАЕТЕ МЕНЯ ПРАВИЛЬНО, ТО КАК ПОЛУЧИЛОСЬ,
ЧТО Я СТОЛЬКО НАТВОРИЛ?

DENNIS THE MENACE® used by permission of Hank Ketcham and
© by North America Syndicate.

Он всего лишь маленький мальчик

Он стоит на игровом поле с сильно бьющимся сердцем.
Все игроки стоят по местам — жребий брошен.
Мама с папой помочь не могут, он стоит совсем один.
Вбрасывание выигрывает его команда.
Мяч летит к нему, мальчик разворачивается и промахивается.

Толпа издает стон, кто-то улюлюкает, кто-то свистит.
Кто-то не думая кричит: «С поля!»
Глаза наполняются слезами, игра уже больше не в радость.
Так откройте же свое сердце и не ругайте его,
Потому что именно в такие минуты и рождается мужчина.

Пожалуйста, помните, когда кто-то забывает:
Он всего лишь маленький мальчик, пока еще не мужчина.
Священник Боб Фокс

Ты считаешь мне, папа?

Странно, какие воспоминания удерживает память. Когда жизнь внезапно рушится и ты остаешься один, то вспоминаешь не о больших, важных вещах, не о планах на годы вперед, не о любви или о надеждах, которые ты так старательно осуществлял. Ты вспоминаешь о незначительных событиях, на которые в свое время и внимания-то не обратил. О том, как чья-то рука коснулась твоей руки, но ты был слишком занят, чтобы это заметить, как голос зазвучал надеждой, а ты не озабочился прислушаться.

Джон Кармоди узнал об этом, глядя из окна гостиной на оживленную улицу. Он все пытался думать о больших, важных вещах, теперь потерянных, — о годах и планах, надеждах и любви. Но в этот

день он не мог на них сосредоточиться.

Эти важные вещи казались огромными туманностями на периферии сознания. На ум приходили только какие-то странные мелочи, ничего существенного. Всего лишь слова его маленькой дочки, с которыми она обратилась к нему в один из вечеров две или три недели назад. Ничего особенного, дети часто что-то такое говорят.

Но только это он сейчас и помнил.

В тот вечер он принес домой законченный текст доклада для ежегодного собрания акционеров. Это было очень важно и для его будущего, и для будущего его жены и маленькой дочери. Перед ужином он сел перечитать его еще раз. Он оказался прав: доклад значил очень много.

И тут с книгой под мышкой вошла Мардж, его маленькая дочь. Это была книжка в зеленой обложке, на которой красовалась картинка из сказки. Девочка сказала:

— Папа, посмотри.

Он поднял глаза и отозвался:

— Прекрасно. Новая книга, да?

— Да, папа. Ты прочтешь мне сказку?

— Нет, дорогая. Не сейчас, — ответил он.

Мардж стояла рядом, пока он читал раздел, в котором акционерам предлагалось заменить оборудование на фабрике. А голос Мардж, полный робкой надежды, все звучал:

— А мама сказала, что ты считаешь, папа. Он посмотрел на нее поверх доклада:

— Извини, но может, мама тебе почитает? Я занят, милая.

— Нет, — вежливо ответила Мардж. — Мама еще больше занята наверху. Прочитай мне только одну сказку. Посмотри, она с картинкой. Видишь? Смотри, какая красивая картинка, а, папа?

— Да-да, красивая, — согласился он. — Просто замечательная картинка. Но сегодня вечером мне надо поработать. Как-нибудь в другой раз...

После этого надолго воцарилось молчание. Мардж просто стояла рядом, держа книгу, открытую на «замечательной» картинке. Он же прочел еще две страницы с разъяснениями об изменениях на рынке за последние двенадцать месяцев, с планами, намеченными отделом продаж, чтобы разрешить некоторые проблемы, которые можно спокойно списать на местные условия, и с рекламной программой, которую разработали после долгих совещаний и которая была призвана стабилизировать и даже повысить спрос на их продукцию.

— Но это же очень красивая картинка, папа. И сказка очень интересная, — не отставала Мардж.

— Знаю. Э... В другой раз. Беги играй.

— Я уверена, что она тебе понравится, папа, — сказала девочка.

— А? Да, я знаю, что понравится. Но потом...

— Ну ладно, значит, как-нибудь в другой раз. Но в другой раз ты считаешь, да, папа?

— Ну конечно, обязательно.

Но она не ушла. Она продолжала стоять рядом тихо, как полагается послушному ребенку. И через какое-то время положила книгу на табуретку у его ног и сказала:

— В общем, когда ты освободишься, прочитай ее для себя, только читай громко, чтобы я тоже слышала.

— Конечно, — ответил он. — Конечно... попозже.

Именно об этом вспоминал сейчас Джон Кармоди, а не о планах на многие годы вперед. Он вспоминал, как дочь прикоснулась к его руке пальчиком и сказала: «Прочитай ее для себя. Только читай громко, чтобы я тоже слышала».

И потому сейчас он взял книгу со столика в углу, на который они сложили некоторые игрушки Мардж, оставленные ею на полу.

Книга уже не была такой новой, зеленая обложка покрылась пятнами и покорежилась. Он открыл ее на красивой картинке.

И, читая ту сказку, он старательно шевелил губами, произнося слова, он больше ни о чем не пытался думать, даже об ужасе, горечи и своей ненависти к пьяному водителю, который мчался по улице в своем подержанном автомобиле и который сидел теперь в тюрьме по обвинению в убийстве.

Он даже не заметил жену — бледную и тихую, — которая оделась, чтобы в последний раз быть рядом с Мардж. Стоя в дверях, она постаралась спокойно произнести:

— Я готова, дорогой. Мы должны ехать.

Джон Кармоди читал:

— «Давным-давно в избушке дровосека в Черном лесу жила-была девочка. И она была такая красивая, что, глядя на нее, птицы забывали свои песни. И вот настал день, когда...»

Он читал это про себя. Но достаточно громко, чтобы она тоже слышала. Возможно.

Майкл Фостер

Но ты не...

Недавно я посмотрел на тебя и улыбнулся,
Я думал, что ты меня видел, но ты не видел.
Я сказал: «Я тебя люблю», — и ждал, что ты ответишь,
Я думал, что ты меня слышишь, но ты не слышал.
Я попросил тебя выйти на улицу и поиграть со мной в мяч,
Я думал, что ты пойдешь за мной, но ты не пошел.
Я нарисовал для тебя рисунок,
Я думал, что ты сбережешь его, но ты не сберег.
Я выстроил, для нас крепость в лесу,
Я думал, что ты разобьешь там лагерь вместе со мной, но ты этого не сделал.
Я накопал червей для возможной рыбалки,
Я думал, ты захочешь пойти, но ты не захотел.
Я хотел просто поговорить с тобой, поделиться своими мыслями,
Я думал, что и ты захочешь, но ты не захотел.
Я сказал тебе про матч, надеясь, что ты придешь,
Я думал, что ты обязательно придешь, но ты не пришел.
Я попросил тебя разделить со мной мою юность,
Я думал, что ты захочешь, но ты не захотел.
Моя страна позвала меня на войну, ты попросил меня вернуться домой живым.
Но я не вернулся.
Стэн Гебхардт

Окончание университета, наследство и другие уроки

— С огромным удовольствием представляю вам выпуск 1978 года Университета Дрейка. Эти студенты успешно завершили свою учебу в колледже: Майкл Адаме; поздравляю, Майкл. Маргарет Аллен; поздравляю, Маргарет.

Он был таким упрямым! Как он мог не чувствовать моего страстного желания пойти в колледж? Да как он мог додуматься до того, что «если это имеет для тебя значение, пусть это будет твоим собственным достижением»?

— Джон Андерсон. Поздравления, Джон. Бетти...

Однажды он увидит, чего я добилась сама, и почувствует угрызения совести, что не принимал в этом участия, станет извиняться, что не следил за моими успехами — абитуриентка, первокурсница, старшекурсница... выпускница колледжа.

— ...Беррес. Поздрав...

Вот. У меня получилось. Я продралась сквозь трудности и бюрократические препоны. Колледж — это тест на твою устойчивость к стрессам! Четыре напряженных года, и почетный диплом на пергаменте — мой! Большое спасибо, папа! Я так нуждалась в твоей поддержке, так хотела, чтобы ты мною гордился, чтобы считал меня особенной. Что стало с теми принципами, которые ты прививал мне в детстве, с целями, этикой работы и дисциплиной? Почему ты отчески не гладил меня по голове все эти годы? От чего такого важного ты не мог оторваться, чтобы навестить меня в родительские дни, как делали другие родители?

А теперь ты не приехал и в день выпуска. Неужели ты не мог спланировать свой день так, чтобы увидеть свою дочь в такой памятный для нее день?

— ...ляем, Бетти.

Вопреки всему я искала его взгляд в море лиц. Но напрасно. Собственно, этого и следовало ожидать. Мое поступление в колледж совпало с рождением шестого ребенка в нашей семье и привычной рутинной на нашей большой ферме. Почему ему считать этот день каким-то особенным?

«Покори каждую вершину. Переберись через каждый поток».

Песня, выбранная выпускниками, казалась на редкость банальной. И причиняла боль.

«Иди за каждой радугой... пока не найдешь свою мечту».

В тот день на сцену вышли 102 выпускника. Я была уверена, что каждого из них поддерживают родители. Когда все выпускники получили свои дипломы, мы спустились со сцены и пошли по проходу между рядами, всем нам уже не терпелось скинуть мантии, в которых было жарко, и пойти на ужин или

на семейное торжество по случаю окончания колледжа. Мне было так одиноко. Грустно. Я злилась. Я послала папе не одно, а целых два приглашения. Не то чтобы я хотела его здесь видеть, но он был нужен мне. Нужен, чтобы мог увидеть, что я добилась чего-то совершенно особенного и превзошла все мечты и цели, которые он передо мной ставил. Неужели он не знал, что значит для меня его одобрение? Ты говорил серьезно, папа, или это были пустые разговоры?

— Папа, ты приедешь? Я хочу сказать, что не каждый день твой ребенок заканчивает колледж, — умоляла я.

— Наш приезд зависит от того, будем мы работать в поле или нет, — отвечал он. — Если будет подходящий для сева день, мы не можем позволить пропустить его перед предстоящим дождем. Этой весной мы и так пропустили много дней. Это решающее время для посадки. Если будет дождь, мы постараемся приехать. Но не настраивайся на это. Ты же знаешь, к тебе ехать два часа.

И все же я на это настроилась. Только это и было для меня важно.

«Покори каждую вершину. Переберись через каждый...»

Родители, бабушки, дедушки и родственники — все улыбались, старались разглядеть своих свежиспеченных выпускников, вежливо расталкивали других, чтобы увидеть дорогое лицо, гордились своим статусом матери, отца, дедушки или бабушки, брата, сестры, тети, дяди выпускника. На глазах у них блеснули слезы счастья, я же боролась со слезами полного разочарования и отвергнутости. Я не просто чувствовала себя одинокой, я была одна.

«Иди за каждой радугой...»

Я сделала 27 шагов от того места, где пожимала руку президенту университета, принимая диплом — мой билет в мир моего будущего.

— Бетти, — тихо позвал озабоченный голос, вырвав меня из удушающего, надуманного одиночества. Мягкий голос отца пробился сквозь гром аплодисментов огромной, ревущей аудитории. Я никогда не забуду открывшейся мне картины. В последнем ряду секции, предназначенной для студентов-выпускников, сидел мой отец. Он казался меньше и сдержаннее и совсем не походил на того уверенного и громогласного человека, рядом с которым я выросла. Глаза у него покраснели, и крупные слезы бежали по щекам и падали на синий костюм, явно купленный специально для этого случая. Выражение отцовского лица было красноречивее всяких слов. Папу переполняла отцовская гордость. До этого я видела его плачущим всего один раз. Сама же я постаралась сдержать слезы.

Отец сразу же поднялся. Я сделала то, что казалось единственно уместным в этот момент, — сунула свой диплом ему в руки.

— Вот, это тебе, — сказала я, и в моем голосе соединились любовь, высокомерие, месть, потребность, благодарность и гордость.

— А это для тебя, — ответил он, и в его голосе не было ничего, кроме нежности и любви. Из кармана пиджака он достал конверт и неуклюже подал мне своей огромной, грубой рукой. Другой рукой он утирал струившиеся по щекам слезы. Эти десять секунд были переполнены чувствами.

Процессия двигалась дальше. Мое сердце колотилось: папа приехал, о чем он думал те два часа, что добирался сюда, быстро или нет нашел университет, и ведь занял место в ряду для студентов, а не для родителей!

Мой папа приехал! Это был прекрасный весенний день — идеальный день для полевых работ. А этот новый костюм! Насколько я помню, в свое время он купил себе новый костюм к похоронам дяди Бена. Десять лет спустя он купил еще один костюм — к свадьбе моей сестры. Для фермера костюм — вещь не первой необходимости; кроме того, заимев костюм, ты лишаешься предлога не ходить туда, куда идти не хочется! Только действительно очень важный случай требует покупки нового костюма! И вот он здесь — папа в новом костюме.

«...Пока не найдешь свою мечту».

Я посмотрела на конверт, который мертвой хваткой зажала в руке. Поскольку я ни разу не получала от папы ни весточки, ни открытки, я не знала, что и думать. Может, там фотокарточка с надписью от него? Ведь все знали, что И.Х. Беррес крайне редко ставит свою подпись. Его рукопожатие стоит больше, чем подпись иного человека. Ни один банкир ни разу не отверг этого человека, который, отслужив два срока во время Второй мировой войны, начинал свою жизнь практически с нуля, не имея ничего, кроме рабочей этики, сильного характера и красивой любящей женщины рядом. Может, это просто экземпляр программы выпускного вечера? Может, он просто по инерции дал мне что-то в ответ на мой диплом? А может, это приглашение на торжественный вечер клана Берресов по случаю моего окончания колледжа? Боясь испытать разочарование, я решила вскрыть конверт в комнате для переодеваний. Шапочку и мантию я скинула, не выпуская конверта из рук.

— Смотри, что мне подарили родители на окончание, — закричала Марта, поднимая руку, на которой сияло колечко с жемчугом.

— А мой старик подарил мне машину, — возгласил через всю комнату Тодд.

— Здорово. А вот я ничего не получила, как обычно, — донесся чей-то голос.

— И я тоже! — отозвался кто-то еще.

— А тебе что подарили родители, Бетти? — спросила из другого угла моя бывшая соседка по комнате.

Мне показалось неуместным говорить: «Еще один невероятный урок, слишком ценный, чтобы говорить о нем, урок от самого восхитительного человека в мире», поэтому я отвернулась, сделав вид, что не слышу. Я аккуратно свернула мантию и положила ее в пакет, где она лежит и по сей день, — символ, который оживили слова и поступки моего отца.

Мои глаза увлажнились, когда я вспомнила папины слезы. Он все же приехал. Я важна для него. Или настояла мама! Медленно, осторожно, чтобы не порвать драгоценный сувенир от отца, я вскрыла конверт.

Дорогая Бетти!

Я знаю, ты помнишь, что моя семья потеряла свою ферму, когда я был еще совсем юным. Моя мама воспитывала шестерых детей практически в одиночку. Для всех это время было тяжелым. В тот день, когда у нас забирали ферму, я поклялся, что когда-нибудь стану владеть землей и что все мои дети получат эту землю в наследство. Они всегда будут надежно обеспечены. Где бы они ни жили, как бы ни сложилась их судьба, всегда будет существовать очаг Берресов, куда они смогут вернуться. У моих детей всегда будет дом. Прилагаемое письмо — твоя доля в твоей земле. Все налоги выплачены. Она твоя.

Когда я увидел, что ты идешь в колледж, ты не представляешь, какую гордость я испытал, и я надеялся, что ты закончишь его. Ты не знаешь, каким беспомощным я чувствовал себя, не имея возможности помочь тебе при поступлении деньгами. В то время я не знал, как сказать тебе об этом, не разрушив твою веру в меня. Но так было не потому, что я не ценил того, что ты делала, или не понимал, как много ты работала, чтобы осуществить свою мечту. Хотя я, возможно, и не следил за твоими успехами так пристально, как тебе хотелось бы, знай, что я всегда помнил о тебе. Я все время наблюдал за тобой, но издалека. Тебе могло показаться, что я не обращал внимания на то, что все эти усилия ты предпринимаешь в одиночку, но это не так. Я делал свою работу, чтобы содержать растущую семью и воплотить мечту, от которой я не хотел отказаться, потому что для меня это было так важно — это было моим наследством вам, моим детям.

Я постоянно за тебя молился. Знай, дорогая дочь, что твоя сила и способность идти вперед, когда, кажется, все против тебя, были зачастую тем самым, что поддерживало мою собственную мечту и давало мне новые силы двигаться вперед — и добиться достойных результатов. Понимаешь, ты была моей героиней, образцом силы, мужества и отваги.

Временами, когда ты приезжала домой на каникулы и мы гуляли по нашим угодьям и о многом разговаривали, мне хотелось рассказать тебе об этом, чтобы ты не потеряла веру в меня. Мне нужно было, чтобы ты верила в меня. Но, видя твою безграничную энергию и гордость, слушая, как ты с уверенностью говоришь о своей решимости закончить учебу, я знал, что ты справишься. Знал, что ты не только можешь, но и сделаешь это. Поэтому сегодня мы обменялись бумагами, которые символизируют осуществление наших мечтаний, сбывшихся потому, что мы приложили много труда и старания, чтобы добиться своих благородных целей. Бетти, я так горжусь тобой сегодня!

С любовью папа.

Бетти Б. Янгс

Мой отец, когда мне было...

4 года: Мой папа может все на свете.

5 лет: Мой папа много чего знает.

6 лет: Мой папа умнее твоего.

8 лет: Мой папа не знает всего на свете.

10 лет: В прежние времена, когда рос мой папа, все наверняка было по-другому.

12 лет: Ну да, ясное дело, отец ничего об этом не знает. Он слишком стар, чтобы помнить свое детство.

14 лет: Не обращайтесь на моего отца внимания. Он такой старомодный!

21 год: Он? Боже мой, да он безнадежно отстал от жизни.

25 лет: Папа кое-что в этом понимает, но в то же время он ведь уже так долго живет на свете!

30 лет: Может, нам спросить у папы, что он думает. В конце концов, у него большой опыт.

35 лет: Я ничего не делаю, не поговорив предварительно с папой.

40 лет: Интересно, как бы в этом случае поступил папа. Он был таким мудрым и обладал таким

огромным опытом.

50 лет: Я бы все отдала, чтобы папа сейчас был рядом. Я могла бы обсудить это с ним. Как жаль, что я не ценила его ум. Я столько могла бы у него почерпнуть.

Энн Ландерс



DENNIS THE MENACE® used by permission of Hank Ketcham and
© by North America Syndicate.

Дух Санта-Клауса не носит красного костюма

Я ссутулилась на пассажирском сиденье нашего старого «пontiака», потому что в четвертом классе сидеть так — высший шик. Папа ехал в центр города за покупками, а я поехала за компанию. По крайней мере я так ему сказала, но на самом деле мне нужно было задать ему важный вопрос, который мучил меня уже несколько недель, и я впервые оказалась с отцом наедине.

— Пап... — начала я и умолкла.

— Да?

— Некоторые ребята в школе кое-что говорят, а я не знаю, правда ли это. — Я почувствовала, как у меня задрожала нижняя губа, как в уголке правого глаза стали собираться слезы — этот глаз всегда начинал плакать первым.

— В чем дело, зайчонок?

Я поняла, что он в хорошем настроении, потому что назвал меня этим ласковым прозвищем.

— Дети говорят, что Санта-Клауса нет. — Судорожное сглатывание. По щеке покатилась слеза.

— Они говорят, что я дурочка, раз до сих пор верю в Санта-Клауса... это только для малышей. — Слезы начали собираться и в левом глазу. — Но я верю тому, что ты мне говорил. Что Санта настоящий. Правда ведь, папа?

Взглянув на меня, отец свернул на обочину и остановил машину. Выключив мотор, он придвинулся ближе ко мне, к своей все еще маленькой дочери, сжавшейся в комочек.

— Дети в школе ошибаются, Пэтти. Санта-Клаус настоящий.

— Я так и знала! — вздохнула я с облегчением.

— Но я должен рассказать тебе о Санта-Клаусе кое-что еще. Думаю, ты уже достаточно большая, чтобы понять. Ты готова?

Глаза у моего отца светились теплом, выражение лица было мягким. Я поняла, что узнаю сейчас что-то очень важное, и была к этому готова, потому что полностью ему доверяла. Он никогда меня не обманывал.

— Давным-давно жил один человек, который действительно путешествовал по миру и дарил хорошим детям подарки везде, где бывал. В разных странах у него разные имена, но чувства в его сердце везде одинаковые, на каком бы языке он ни говорил. В Америке мы называем его Санта-Клаус. Он дух бескорыстной любви и желания разделить эту любовь с помощью подарков, которые он дарит от всего сердца. Когда ты доживешь до определенного возраста, ты поймешь, что Санта-Клаус — это не парень, который вылезает из твоего камина в рождественский сочельник. Настоящий дух волшебного существа всегда живет в твоём сердце, в моём, в мамином и в сердцах и умах всех людей, которые получают радость, даря другим подарки. И настоящим духом Санта-Клауса становится желание, скорее, дать, чем получить. И как только ты это поймешь и это станет частью тебя, Рождество превращается в еще более волнующий и волшебный праздник, потому что ты осознаешь, что, когда Санта живет в твоём сердце, волшебство исходит от тебя. Ты понимаешь, что я хочу тебе сказать?

Я старательно смотрела в окно перед собой, на дерево перед машиной. Я боялась посмотреть на своего отца — на человека, который всю жизнь говорил мне, что Санта настоящий. Я хотела верить, как верила в прошлом году, что Санта — это большой толстый дух в красном костюме. Я не хотела глотать взрослую пилюлю и видеть все в ином свете.

— Пэтти, посмотри на меня.

Отец ждал. Я повернулась к нему. В его глазах стояли слезы, слезы радости. Его лицо сияло неземным светом, и я увидела в его глазах глаза Санта-Клауса. Настоящего. Того, который находил время, чтобы подобрать для меня особые подарки, которые мне хотелось получить на Рождество, с тех пор как я живу на этом свете. Санта-Клауса, который съедал мои тщательно украшенные печенья и выпивал теплое молоко. Который, вероятно, съедал морковку, которую я оставляла Рудольфу. Санты, который, несмотря на слабые познания в технике, смастерил велосипед, фургончик и другие незатейливые вещицы за недолгие часы рождественского утра.

Я поняла. Я поняла ту радость, которую доставляют любовь и взаимность. Папа прижал меня к себе и долго держал, не отпуская. И мы оба плакали.

— Теперь ты принадлежишь к особой группе людей, — продолжал он. — Отныне ты будешь испытывать радость Рождества круглый год, а не только в этот день. Отныне Санта живет в твоём сердце так же, как и в моём. И ты отвечаешь за то, чтобы дарить от имени Санта-Клауса, который живет в тебе. Это одна из самых важных вещей, которые могут случиться с тобой за всю жизнь, потому что теперь ты знаешь, что Санта-Клаус не может существовать без людей, таких, как ты и я. Как думаешь, ты с этим справишься?

Мое сердце наполнилось гордостью, а глаза наверняка горели от возбуждения.

— Конечно, папа. Я хочу, чтобы он жил в моём сердце, как живет в твоём. Я люблю тебя, папа. Ты самый лучший Санта в мире.

Когда наступит моя очередь объяснять своим детям реальность Санта-Клауса, я молюсь духу Рождества, чтобы оказаться такой же красноречивой и любящей, как мой отец в тот день, когда я узнала, что дух Санта-Клауса не носит красного костюма. Я и надеюсь, что в этот день они точно так же воспримут мои слова. Я полностью им доверяю и думаю, что они поймут меня.

Пэтти Хансен

Юная леди, изменившая мою жизнь

Когда я впервые ее увидел, ей было четыре года. Она несла тарелку с супом. У нее были очень красивые золотистые волосы, а на плечах лежала маленькая розовая шаль. Мне в то время было 29 лет, и я болел гриппом. И я совсем не предполагал, что эта юная леди изменит мою жизнь.

Мы с ее матерью много лет были друзьями. Со временем наша дружба переросла в более нежное чувство, а затем — в любовь и брак, а брак сделал нас троих семьей. Поначалу я чувствовал себя неловко, потому что думал, что мне приклеят ужасный ярлык «отчим». Молва всегда рисовала отчимов эдакими чудовищами, которые вбивают клин между ребенком и его биологическим отцом.

Я заранее стал готовиться к естественному переходу от своего холостяцкого состояния к отцовскому. За полтора года до женитьбы я снял квартиру в нескольких кварталах от дома, где жили они. Когда стало ясно, что мы поженимся, я потратил время на то, чтобы обеспечить плавное

превращение из друга в отца. Я старался не становиться стеной между будущей дочерью и ее настоящим отцом. Тем не менее я страстно желал стать особенным человеком в ее жизни.

С течением лет моя симпатия к девочке все росла. Она была не по годам развита: была честной, искренней и прямой. Я знал, что в этом ребенке живет очень отзывчивый и сострадательный взрослый человек. И все равно я жил под страхом того, что однажды, когда мне придется применить свою власть главы семьи, мне в лицо бросят обвинение, что я ей не «настоящий» отец. И если я не «настоящий», то зачем меня слушаться? Я стал поступать очень осторожно, гораздо осторожнее, чем хотел. Я делал так из желания нравиться, все время играя роль, которую, по моим понятиям, должен был играть, — думая, что я недостаточно хорош сам по себе.

Во время ее бурного подросткового периода эмоционально мы, похоже, отдалились друг от друга. Я как будто потерял контроль над нею (во всяком случае, родительскую иллюзию контроля). Она искала себя, мне все труднее было с ней общаться, и все сильнее одолевала тоска по тем дням ее детства, когда мы так хорошо ладили.

Поскольку училась она в приходской школе, ежегодно у всех старшеклассников бывал так называемый «уход от мира». Ученики, видимо, посчитали его чем-то вроде летнего лагеря. Они погрузились в автобус с гитарами и теннисными ракетками, понятия не имея, что это призвано быть духовным очищением, которое окажет на них неизгладимое воздействие. Нас как родителей уехавшей попросили писать нашей дочери — открыто, честно и только позитивное о наших отношениях. Я написал о маленькой девочке с золотыми волосами, которая принесла мне тарелку супа, когда я нуждался в заботе. За эту неделю ученики постигали самих себя. У них была возможность читать письма, которые приготовили для них родители.

Пока дочь отсутствовала, я заметил, что со мной что-то происходит, и понял то, что должен был понять уже давным-давно: чтобы меня любили, нужно просто быть самим собой. Я не должен был изображать кого-то другого, и тогда в наших отношениях ничего не разладилось

бы. Для кого-то это само собой разумеется, но для меня стало величайшим откровением моей жизни.

Подошел вечер, когда дети должны были вернуться из своей поездки. Родителей и друзей попросили приехать пораньше, а потом пригласили в большую комнату, почти не освещенную. Свет горел ярко только перед входом в комнату.

Ученики весело вошли в помещение, лица у них были грязные, словно они и правда вернулись из летнего лагеря. Они вошли, держась за руки и напевая песню, которую сделали за это время своим гимном. Их чумазные лица светились новым светом любви и уверенности в себе.

Когда дали полное освещение, дети увидели, что в комнате сидят пришедшие встретить их родители и друзья. Ученикам предложили поделиться своими впечатлениями о прошедшей неделе. Поначалу они нерешительно выдавливали фразы типа «Было хорошо» и «Чудесная неделя», но через несколько минут их глаза засветились по-настоящему. И дети стали говорить о том, что действительно важного произошло за это время. И вскоре они уже рвались к микрофону. Я заметил, что и моя дочь хочет что-то сказать. Я хотел услышать ее слова.

Я увидел, как она решительно прокладывает себе путь к микрофону. И вот наконец она говорит: «Я очень хорошо провела время и многое узнала о себе. Я хочу сказать, что есть люди и вещи, которых мы принимаем как само собой разумеющееся, а этого делать не следует, и я просто хочу сказать... я люблю тебя, Тони».

У меня подогнулись колени. Я не думал, не ожидал, что она скажет такие сердечные слова. Окружающие стали обнимать меня, хлопать по спине, словно понимая глубину этого замечательного выступления. Потому что девочке-подростку требуется мужество, чтобы открыто сказать перед целым собранием: «Я тебя люблю». Я был более чем тронут.

С того дня наши отношения улучшились. Я понял и оценил, что не должен был бояться своего статуса отчима. Мне нужно было только оставаться самим собой, человеком, который мог честно общаться с маленькой девочкой, с которой я познакомился много лет назад, — которая принесла мне тарелку, полную, как оказалось, доброты.

Тони Луна

Десятый ряд, центр

После одного из моих семинаров в Детройте, штат Мичиган, ко мне подошел познакомиться мужчина. Он сказал:

- Мистер Рон, вы меня проняли. Я решил изменить свою жизнь.
- Поразительно! — откликнулся я.
- Вы еще об этом услышите, — продолжал он.

— Не сомневаюсь, — ответил я.

И действительно, через несколько месяцев, когда я снова находился в Детройте с лекцией, ко мне подошел тот же мужчина.

— Мистер Рон, вы меня помните?

Я сказал:

— Да, вы тот мужчина, который собирался изменить свою жизнь.

— Все верно, и я расскажу вам свою историю. После того семинара я начал думать над тем, как изменить свою жизнь, и решил начать со своей семьи. У меня две чудесные дочери — лучшие дети в мире. Они никогда не причиняли мне неприятностей. А вот я все время давил на них, особенно когда они были подростками. В частности, они любили ходить на концерты рок-н-ролла, а я запрещал, говоря: «Нет, это слишком громкая музыка, у вас испортится слух, и публика там неподходящая».

Тогда они принимались меня умолять, говорили, что все будет хорошо. И через какое-то время, когда они упрашивали меня довольно долго, я давал им деньги и говорил: «Ну ладно, раз уж вам так хочется быть плохими». Вот отсюда я и решил начать. Не так давно я увидел объявление о выступлении их любимого исполнителя. Угадайте, что я сделал? Я лично купил им билеты. И, отдав их в конверте, сказал: «Девочки, можете верить, можете не верить, но там билеты на предстоящий концерт». Они не поверили. И тогда я сказал им еще вот что: «Вам больше никогда не придется меня умолять». Теперь мои дочки уж точно мне не верили. Напоследок я взял с них обещание не открывать конверт до концерта, и они согласились. И вот настал этот день. Девочки приехали на концерт, открыли конверт и передали билеты билетеру, тот повел их за собой в центральную часть партера, и мои дочери забеспокоились, что это ошибка, но билетер сказал, что никакой ошибки нет, и наконец они оказались в центре десятого ряда. Девочки были поражены. В тот вечер я не стал ложиться, дожидаясь возвращения дочерей. Около полуночи они буквально ворвались в дом, возбужденные и взволнованные. Одна плюхнулась мне на колени, вторая обняла за шею, и обе сказали: «Папа, ты самый лучший отец всех времен и народов!»

Вот вам прекрасный пример того, как можно жить в мире с самим собой, если совсем немного изменить к чему-то отношение и немного над чем-то задуматься.

Джим Рон

Ежегодные письма

Вскоре после рождения моей дочери Джули-Энн я положил начало прекрасной традиции. Подобной традиции, насколько я знаю, следуют и в других семьях.

Каждый год в день ее рождения я писал своей дочери Ежегодное письмо. Я наполнял его забавными историями о том, что случилось с ней за этот год, о трудностях и радостях, рассказами о том, что было важного в моей и ее жизни, о мировых событиях, моими предсказаниями будущего, разными мыслями и так далее. Я дополнял письмо фотографиями, открытками и другими памятными вещами, которые иначе со временем исчезли бы.

В ящике письменного стола у меня лежала папка, в которую в течение года я складывал все, что можно будет включить в Ежегодное письмо. Каждую неделю я делал краткие пометки о событиях, которые я хотел бы вспомнить в Ежегодном письме. Когда приближался ее день рождения, я вынимал папку и находил в ней мысли, стихи, открытки, разные сокровища, истории, случаи и воспоминания — о многом я уже к тому моменту забывал, — которые с энтузиазмом преобразовывал в очередное Ежегодное письмо.

Как только письмо было написано и все сокровища вложены в конверт, я запечатывал его. На конверте всегда писал: «Ежегодное письмо Джули-Энн от ее папы по случаю ее такого-то дня рождения — открыть, когда ей будет 21 год».

Наша традиция состоит в том, что я показываю дочери запечатанный конверт и читаю надпись, которая гласит, что она сможет прочесть письмо, когда ей исполнится 21 год. Затем я беру ее в банк, открываю банковскую ячейку и аккуратно кладу очередное письмо поверх стопки его предшественников. Иногда Джули-Энн берет их в руки, рассматривает, поглаживает. Иногда спрашивает, что внутри, но я всегда отказываюсь отвечать.

В последние годы дочь сама отдает мне какие-то из своих детских сокровищ, которые она перерастает, но с которыми не хочет расставаться, и просит включить их в Ежегодное письмо, чтобы они навсегда остались с ней.

Эта традиция написания для нее Ежегодного письма является теперь одной из священнейших моих отцовских обязанностей. И по мере того как подрастает Джули-Энн, я вижу, что и для нее это становится частицей ее жизни.

Как-то раз мы сидели с друзьями и представляли, чем будем заниматься в будущем. Не помню

точных слов, но я в шутку сказал дочери, что на свой 61-й день рождения она будет играть с внуками, потом добавил, что в день, когда ей исполнится 31 год, она повезет своих детей на хоккейную тренировку. Увлечшись этой игрой и видя явную радость, вызванную у дочери моими фантазиями, я продолжал, что в свой 21-й день рождения она окончит университет. «Нет, — перебила Джули-Энн, — я буду слишком занята чтением!»

Одно из сокровеннейших моих желаний — дожить до того дня и стать свидетелем чудесного момента, когда эти капсулы времени откроются и потоки любви, накопившиеся за прошедшие годы, вольются широким потоком во взрослую жизнь моей дочери.

Реймонд Л. Аарон

Мешковатая желтая рубашка

У мешковатой желтой рубашки были длинные рукава, четыре огромных кармана, отделанных черными нитками, застегивалась она на кнопки. Не самая красивая в мире рубашка, но, без сомнения, удобная. Я осознала это в декабре 1963 года, когда первокурсницей приехала домой на Рождественские каникулы.

Одна из прелестей пребывания дома заключалась в возможности порыться в грудах старых вещей, припасенных мамой для нуждающихся. Она регулярно перетряхивала дом на предмет уже ненужной одежды, постельного белья и посуды, чтобы отдать их, и все собранное всегда лежало в бумажных мешках в кладовке.

Копаясь в маминой коллекции, я наткнулась на очень большую желтую рубашку, слегка вылинявшую с годами, но все еще в хорошем состоянии. «Это то, что нужно мне для работы на занятиях по живописи!» — сказала я себе.

— Зачем ты берешь это старье? — спросила мама, видя, как я ее заворачиваю. — Я носила ее, когда ходила беременная твоим братом в 1954 году!

— Она идеально подходит для занятий живописью, мама. Спасибо! — И сунула ее в чемодан, прежде чем мама успела возразить.

Желтая рубашка стала частью моего гардероба во время пребывания в колледже. Я ее обожала. Она всегда была со мной, в ней я чувствовала себя удобно во время самых сложных проектов. Швы под мышками пришлось укрепить, но в целом эта старая одежда имела большой запас прочности.

После окончания колледжа я переехала в Денвер, и эта рубашка была на мне в тот день, когда я вселилась в свою квартиру. Потом я надевала ее субботними утрами, когда делала уборку. В этих четырех огромных карманах — два на груди и два внизу — я держала тряпку для вытирания пыли, воск и полировку.

На следующий год я вышла замуж. Забеременев, я отыскала желтую рубашку в комод и носила на последних сроках. Поскольку я не могла разделить радость своей первой беременности с родителями, которые жили в другом штате, эта рубашка напоминала мне об их тепле и заботе. Я улыбалась, вспоминая, что мама тоже носила эту рубашку, когда ждала ребенка.

В 1969 году, после рождения моей дочери, рубашке исполнилось не меньше 15 лет. В то Рождество я положила художественную заплатку на один из локтей, выстирала и выгладила рубашку, завернула ее в нарядную бумагу и послала маме. В карман же сунула записку: «Надеюсь, подойдет. Я уверена, что ты в ней будешь великолепна!» Поблагодарив меня в письме за «настоящий» подарок и сказав, что желтая рубашка просто великолепна, мама уже больше о ней не упоминала.

На следующий год мы с мужем и дочерью поехали из Денвера в Сент-Луис и по дороге остановились у моих родителей в Рок-Фоллсе, штат Иллинойс, чтобы забрать кое-что из мебели. Уже дома, когда мы распаковывали кухонный стол, я заметила что-то желтое, прикрепленное к нему. Рубашка! Так установились правила этой игры.

В наш следующий визит к моим родителям я тайком положила рубашку под матрас родительской кровати. Не знаю, как долго они ее искали, но получила я ее почти два года спустя.

Но к тому времени моя семья увеличилась.

Мама со мной поквиталась. Она подложила ее под лампу в гостиной, зная, что мать трех маленьких детей не каждый день делает генеральную уборку и передвигает лампу в гостиной.

Когда я наконец нашла рубашку, я стала часто надевать ее, когда реставрировала мебель, купленную на дешевых распродажах. Пятна от химикатов только добавили значимости истории рубашки.

К сожалению, и наша жизнь тоже полна пятен.

Мой брак оказался неудачным с самого начала. После нескольких попыток примирения мы с мужем развелись в 1975 году. Я с тремя детьми приготовилась к возвращению в Иллинойс, чтобы быть поближе к родителям и друзьям.

Вещи я собирала в состоянии глубокой депрессии. Я не знала, как смогу поднять троих детей. Беспокоилась, найду ли работу. И хотя я со школы не читала Библию, здесь я стала-обращаться к ней за утешением. В послании к Ефесянам я прочла: «Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостоять в день злый и, все преодолев, устоять».

Я попыталась представить себя во всеоружии, но смогла увидеть себя только в покрытой пятнами желтой рубашке. Ну конечно! Разве это не всеоружие любви моей мамы? Я улыбнулась, вспомнив, сколько веселья и теплых чувств внесла за эти годы в мою жизнь желтая рубашка. Я воспряла духом, будущее уже не казалось мне таким тревожным.

Раскладывая вещи в новом доме и чувствуя себя значительно лучше, я поняла, что должна вернуть рубашку маме. Во время следующего визита я аккуратно засунула ее в нижний ящик комода, зная, что до холодов еще несколько месяцев.

Тем временем моя жизнь чудесным образом изменилась. Я нашла хорошую работу на радио, а дети быстро осваивались в новой обстановке.

Через год, занимаясь мытьем окон, я нашла смятую желтую рубашку в пакете с тряпками в кладовке. Она обрела новую деталь. На нагрудном кармане красовалась вышивка зелеными нитками: «Я ПРИНАДЛЕЖУ ПЭТ». Не желая отставать, я достала вышивальные принадлежности и вставила слово «МАМЕ». Теперь надпись гласила: «Я ПРИНАДЛЕЖУ МАМЕ ПЭТ».

Еще раз укрепив все швы, я заручилась поддержкой своего доброго друга, Гарольда, пообещавшего переправить рубашку маме. Он устроил так, чтобы его друг выслал ее из Арлингтона, штат Виргиния. Мы сопроводили рубашку письмом, в котором говорилось, что мама получает ее как награду за добрые дела. Наградное письмо, которое было отпечатано в средней школе, где Гарольд работал помощником директора, пришло якобы от «Благотворительной организации для нуждающихся».

Это был мой звездный час. Я бы много дала, чтобы увидеть мамино лицо, когда она открыла пакет с «наградой» и обнаружила там рубашку. Но, разумеется, мама ни о чем таком не написала.

В пасхальную субботу на следующий год мама нанесла ответный удар. Она вошла в наш дом, надев поверх праздничной одежды эту старую рубашку, словно та составляла часть ее наряда.

Я только раскрыла рот от изумления, но промолчала. Во время пасхальной трапезы меня душил смех, но я была полна решимости не разрушать очарования, которое придавала нашей жизни эта рубашка. Я была уверена, что мама снимет рубашку и где-нибудь ее спрячет, но когда они с папой уходили, она шла к двери, как гербом, щеголяя надписью: «Я ПРИНАДЛЕЖУ МАМЕ ПЭТ».

Через год, в июне 1978 года, мы с Гарольдом поженились. В день нашей свадьбы мы спрятали свою машину в гараже у друзей, чтобы избежать обычных розыгрышей. После венчания, пока муж вез нас в свадебный номер в гостинице в Висконсине, я взяла лежавшую в машине подушку — подложить под голову. Подушка показалась бугристой. Я расстегнула наволочку и обнаружила там подарок в красивой бумаге.

Я было подумала, что это сюрприз от Гарольда, но он удивился не меньше меня. В коробке была свежесглаженная желтая рубашка.

Мама знала, что рубашка понадобится мне как напоминание о том, что чувство юмора, приправленное любовью, является одной из самых важных составляющих счастливого брака. В кармане лежала записка: «Прочитай Евангелие от Иоанна 14:27—29. Люблю вас обоих. Мама».

В тот вечер я открыла Библию, которую нашла в номере гостиницы, и отыскала эти строчки: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. Вы слышали, что Я сказал вам: «иду от вас и приду к вам». Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: «иду к Отцу»; ибо Отец Мой более Меня. И вот, Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется».

Эта рубашка была последним подарком моей мамы.

За три месяца до моей свадьбы она узнала о том, что смертельно больна. Мама умерла через 13 месяцев, в возрасте 57 лет. Должна признаться, что у меня было искушение положить желтую рубашку ей в могилу. Но я рада, что не сделала этого, потому что она остается живым напоминанием о полной любви игре, в которую мы с мамой играли 16 лет.

Кроме того, моя старшая дочь сейчас в колледже, изучает искусство... а для работы в мастерской каждому студенту этого отделения просто необходима мешковатая желтая рубашка с большими карманами!

Патрисия Лоренс

Подарок

— Дедушка, прошу тебя, приезжай, — сказал я, зная, что он не приедет.

В бледном свете, сочившемся сквозь пыльное кухонное окно, он застыл на своем обтянутом винилом стуле, его полные руки лежат на столе с жаропрочным покрытием, взгляд устремлен на стену мимо меня. Он был угрюмый, сварливый итальянец, долго помнивший обиды, как реальные, так и вымышленные. Когда он бывал в духе, то ворчливо отвечал мне. На этот раз он дал ответ, означавший «нет».

— Ну давай, деда, — умоляла моя шестилетняя сестра Кэрри. — Я хочу, чтобы ты приехал. — Она была моложе меня на 21 год — поразительно позднее прибавление в нашем семействе. — Я собираюсь специально для тебя приготовить твоё любимое печенье. Мама говорит, что научит меня.

— Бога ради, это же День благодарения, — сказал я. — Ты уже четыре года не садишься с нами за стол. Может, пришло время забыть старое?

Он посмотрел на меня, и его голубые глаза полыхнули тем самым яростным огнем, который годами держал в страхе всю семью. Кроме меня. Каким-то образом я понимал его. Может, я понимал его одиночество больше, чем сам хотел признаться, и обладал той же неспособностью выражать чувства. Но какова бы ни была причина, я знал, что творится у него внутри. Грехи отцов падают на их детей — было написано там, и так это и было. Сколько же страданий причиняет этот несчастный «дар», который каждый мужчина получает раньше, чем достаточно повзрослеет, чтобы решить, хочет ли он следовать этой неверно понятой идее мужественности. Все кончается тем, что снаружи мы черствеем, а внутри делаемся беспомощными, и те несколько футов, что отделяли меня от деда, могли с таким же успехом быть несколькими световыми годами.

Кэрри все щебетала, пытаюсь уговорить его. Она понятия не имела, насколько это безнадежно.

Я встал и подошел к окну, которое выходило на задний двор. В свете зимнего дня запущенный сад казался нежно-серым, он весь зарос сорняками и одичавшим виноградом. Обычно дед творил здесь чудеса, видимо, компенсируя этим неспособность сладить с собственной натурой. Но после смерти бабушки он забросил сад, все больше уходя в себя.

Отвернувшись от окна, я смотрел на деда в сгущавшихся сумерках. Все в нем — от выступающего подбородка до загрубелых рук — говорило о той строгой дисциплине, которую он соблюдал всю свою жизнь: работа с 13 лет, унижение безработицы во время Великой депрессии, десятилетия тяжкого труда в каменоломне. Нелегкая жизнь. Я поцеловал его в щеку.

— Нам пора, дедушка. Я заеду за тобой, если ты решишь поехать.

Он сидел неподвижно, глядя перед собой и попыхивая старой трубкой.

Через несколько дней Кэрри попросила у меня адрес деда.

— Зачем тебе? — поинтересовался я.

Она засовывала аккуратно сложенный листок бумаги в голубой конверт.

— Я хочу послать ему подарок. Я сама его сделала.

Я медленно продиктовал ей адрес, чтобы она успела записать. Кэрри выводила буквы и цифры медленно, сосредоточенно, стараясь, чтобы все они получились ровными и круглыми. Закончив, она положила карандаш и твердо заявила:

— Я хочу сама его отправить. Отведи меня к почтовому ящику.

— Позже, ладно?

— Мне надо сейчас. Пожалуйста.

Пришлось подчиниться.

В День благодарения я проснулся поздно от восхитительного запаха пасты с соусом. Мама приготовила свой особый обед: равиоли, индейка, брокколи, сладкий картофель и клюквенный соус — дивное смешение итальянских и американских традиций.

— Накрывай на четверых, Кэрри, — сказала она, когда я вошел в кухню.

Кэрри замотала головой:

— Нет, мама, на пятерых. Дедушка приедет.

— Ах, милая, — произнесла мама.

— Он приедет, — спокойно проговорила моя сестра. — Я это знаю.

— Кэрри, прекрати. Он не приедет, и ты это знаешь, — сказал я. Мне не хотелось, чтобы этот день был испорчен для нее несбывшимися надеждами.

— Ладно тебе, Джон. — Мама посмотрела на Кэрри. — Поставь лишний прибор.

Из гостиной пришел папа. Засунув руки в карманы, он стоял в дверях и наблюдал, как хлопчет Кэрри.

Наконец мы сели за стол. Какое-то мгновение все молчали. Потом, взглянув на Кэрри, мама сказала:

— Думаю, сначала мы прочтем молитву, Кэрри? Сестра посмотрела на дверь и, наклонив голову, забормотала:

— Благослови нас, Боже, и пищу, которую мы будем есть. И дедушку... и помоги ему

поторопиться. Спасибо, Боже.

Переглядываясь, мы сидели в молчании, не желая началом трапезы утвердить отсутствие деда и разочаровать Кэрри. В холле тикали часы.

Внезапно в дверь негромко постучали. Кэрри вскочила, помчалась по коридору и рванула дверь: — Деда!

Он стоял прямо, в своем черном, залоснившемся костюме, единственном, который у него был, одной рукой прижимая к груди черную шляпу, а в другой держа коричневый бумажный пакет.

— Я принес тыкву, — сказал он, поднимая пакет.

Через несколько месяцев дедушка тихо умер во сне. Разбирая его комод, я нашел голубой конверт со сложенным листком бумаги внутри. Это был детский рисунок: кухонный стол и пять стульев вокруг него. Один из стульев пустовал, на других сидели фигурки, подписанные «мама», «папа», «Джонни» и «Кэрри». У каждого из нас было нарисовано сердце с неровной трещиной посередине.

Джон Катеначчи

Она вспомнила

Моя мать самая милая, у нее самое доброе сердце из всех, с кем вам доводилось встречаться. Она всегда была очень умной и умела хорошо выражать свои мысли и все для всех делала. У нас с ней все время были близкие, особенные отношения. И именно ее мозг начал слабеть, а самосознание стало исчезать из-за болезни Альцгеймера. Она уходит от нас вот уже 10 лет. Для меня это постоянная смерть, медленное угасание и неизменная скорбь. Хотя мама уже совершенно не могла обслуживать себя, она все же узнавала своих ближайших родных. Я знала, что наступит день, когда уйдет и это, и наконец два с половиной года назад этот день настал.

Родители навещали нас почти ежедневно, и мы хорошо проводили время, но внезапно связь оборвалась. Моя мать больше не узнавала во мне суюей дочери. Она говорила отцу: «Какие приятные люди». Было бесполезно говорить, что я ее дочь. Отныне я перешла в ранг «приятных соседей». Когда я обнимала ее на прощание, то закрывала глаза и представляла маму такой, какой она была много лет назад, к какой я привыкла за 36 лет, — успокаивающее тепло ее тела, пожатие ее руки и нежный, сладкий запах, принадлежавший только ей.

Мне было трудно принять эту сторону ее болезни и справиться с ней. Я переживала трудный период и особенно нуждалась в маме. Я молилась за нас обеих.

Как-то летним вечером, когда я готовила ужин, мои молитвы были услышаны, и произошло это неожиданно. Мои родители и муж сидели в патио*, когда мама вдруг подскочила словно ужаленная. Она вбежала в кухню, нежно взяла меня за плечи и повернула к себе. Посмотрев на меня полными слез глазами, которые, казалось, видели сквозь пространство и время, она спросила с большим чувством, правда ли, что я — ее ребенок. Меня переполняли чувства, я воскликнула, что да, это правда. Мы обнялись и плакали и не хотели, чтобы эти волшебные минуты кончились. Я знала, что все это может кончиться так же внезапно, как и возникло. Мама сказала, что ее тянуло ко мне, что она чувствовала ко мне симпатию, но вдруг поняла, что я ее дитя. Мы испытали радость и облегчение. Я приняла этот Божий дар, наслаждаясь им, даже если бы это продолжилось минуту, час или день. Нам была дана отсрочка этого страшного заболевания, и между нами снова установилась особая связь. Глаза мамы светились, как уже давно не светились.

Хотя состояние мамы продолжает ухудшаться, она помнит, кто я такая, а с того чудесного летнего вечера прошел год. Она одаривает меня особым взглядом, как бы говоря: «У нас есть тайна, о которой знаем только мы с тобой». Несколько месяцев назад, когда у меня были родители и пришел еще один гость, мама погладила меня по волосам и с гордостью сказала ему: «А вы знаете, что она моя дочь?»

Лайза Бойд

* Патио — открытый внутренний дворик, часто окруженный галереями.

Спасенная

У одной маленькой девочки умерли родители, и она переехала жить к своей бабушке и спала в комнате наверху.

Однажды ночью в доме случился пожар, и бабушка погибла, пытаясь спасти ребенка. Огонь распространялся быстро, и скоро весь первый этаж был охвачен пламенем.

Соседи вызвали пожарных, а сами беспомощно стояли поблизости и не могли войти, потому что огонь перекрыл вход. Девочка появилась в окне второго этажа, зовя на помощь, как раз тогда, когда стало известно, что пожарные задержатся, — они были на другом пожаре.

Внезапно появился мужчина с лестницей, приставил ее к стене дома и исчез внутри. Когда же он

появился снова, то держал на руках девочку. Отдав ребенка стоявшим внизу людям, он исчез в ночи.

Расследование установило, что у ребенка больше нет живых родственников, и через несколько дней в ратуше было назначено собрание, на котором должны были решить, кто возьмет к себе и воспитает девочку.

Учительница сказала, что готова взять ребенка к себе. Она указала на то, что сможет дать ей хорошее образование. Фермер предложил растить ее на ферме. Он заметил, что жизнь на природе полезна для здоровья и души. Говорили и другие, и каждый доказывал, почему девочке будет у него хорошо.

Наконец встал самый богатый житель города и сказал:

— Я могу дать этому ребенку все преимущества, о которых вы говорили, а сверх того деньги и все, что на них можно купить.

В продолжение всех этих выступлений девочка сидела молча, уставясь в пол.

— Кто-нибудь еще хочет высказаться? — спросил председатель собрания.

Из последних рядов стал пробираться мужчина. Он шел медленно, казалось, что ему больно двигаться. Выйдя вперед, он встал прямо перед девочкой и протянул к ней руки. Все ахнули. Руки у него были страшно обожжены.

— Это человек, который меня спас! — воскликнула девочка. Она бросилась мужчине на шею и крепко обняла его, как в ту страшную ночь. Уткнувшись лицом в его плечо, она несколько минут плакала. Потом посмотрела на мужчину и улыбнулась.

— Собрание окончено! — возвестил председатель.

Автор неизвестен

Маленькие глаза, которые смотрят на тебя

На тебя смотрят маленькие глаза,
И смотрят они день и ночь.
А маленькие ушки быстро
Запоминают каждое твое слово.
Вот маленькие ручки, которые с готовностью
Сделают для тебя все, что угодно;
И маленький мальчик, который мечтает,
Что однажды он будет таким, как ты.

Ты кумир малыша,
Ты мудрейший из мудрых.
В его маленьком разуме никогда не возникает
Никаких сомнений на твой счет.
Он преданно верит в тебя,
Держится за все, что ты говоришь и делаешь;
Он будет говорить и делать по-твоему,
Когда он будет взрослым, как ты.

Вот малыш с широко раскрытыми глазами,
Который верит, что ты всегда прав;
И его глаза всегда открыты,
И он следит за тобой день и ночь.
Ты каждый день подаешь пример
Всем, что ты делаешь;
Ради маленького мальчика, который ждет,
Когда он вырастет, чтобы быть таким, как ты.

Автор неизвестен Предоставлено Рональдом Далстеном

3. О смерти и умирании

Смерть — это вызов.
Она велит нам не терять даром времени...
Она велит нам немедленно сказать друг другу,
Что мы любим друг друга.

Выйти к свету

Еще шесть лет назад городок Гилрой в штате Калифорния славился чесноком, но потом там родился маленький ангел. Шеннон Брейс была ребенком-чудом, дарованным ее матери Лори, которой много лет назад сказали, что у нее никогда не будет детей. Ее детям-близнецам было три с половиной месяца, когда один из них умер. Тогда маленькая Шеннон и проявила первые мужественные признаки того, что не собирается сдаваться и будет держаться за жизнь. В возрасте двух с половиной лет девочке поставили диагноз «рак». Врач сказал, что долго она не проживет, но, окруженная любовью, протянет еще два года.

В какой-то момент девочке понадобилась пересадка костного мозга из ее же тазовой кости. У Шеннон оказалась эндодермальная синусовая опухоль. Из 7500 детей, заболевших раком, такая его разновидность встречается только у 75.

После двух лет химиотерапии Шеннон сделали пересадку костного мозга. Это опасная для жизни операция, и исход ее предсказать нельзя. Пересадка собственного костного мозга в сочетании с почти смертельной дозой химиотерапии привела девочку на грань между жизнью и смертью.

Ей сказали, что после химиотерапии она больше никогда не сможет ходить и будет парализована. Но она пошла, хотя весила всего 12 килограммов. Лори сказала: «У этого ребенка невероятная воля». До самого конца потрясало ее мужество и неугасающее желание не сдаваться. На конкурсе красоты Санта-Клауса Шеннон получила приз за мужество.

Отец Шеннон, Ларри, стал инвалидом в результате аварии на мотоцикле, у него оказался сломан позвоночник, шея и обе ноги — примерно в это же время был поставлен диагноз Шеннон. Ларри, остававшийся дома вместе с дочерью, говорит: «У нее было немыслимое желание жить. Она хотела доказать, что ее диагноз — ошибка».

Лори объясняет, что ее семья живет надеждой. Глядя на Шеннон, никогда не подумаешь, что та понимает, что умирает. Она всегда была полна энтузиазма, любви и не уставала заботиться об окружающих. Во время пребывания Шеннон в Медицинском центре Станфорда она за несколько лет своей жизни потеряла больше друзей, чем взрослые люди теряют за целую жизнь.

Однажды она проснулась ночью, в самом серьезном настроении, села на постели и, крепко обняв родителей, попросила свою мать не заставлять ее уходить на небо. Прерывающимся голосом Лори ответила: «Боже, как бы я хотела это пообещать».

Иногда Шеннон могла даже поставить человека в неловкое положение своей серьезностью. Как-то в магазине один человек захотел пошутить с ней и сказал, что, мол, она слишком коротко подстриглась. На это девочка ответила: «Знаете, сэр, я маленькая девочка, у меня рак, и я могу умереть».

Как-то утром Шеннон сильно раскашлялась и ее мать сказала, что им снова придется поехать в Станфорд.

— Нет, я чувствую себя нормально, — заплакала Шеннон.

— Мне кажется, нам надо поехать.

— Но у меня же всего лишь простуда.

— Шеннон, мы должны поехать!

— Хорошо, но только на три дня, или я уеду домой автостопом.

Стойкость и оптимизм Шеннон дали ей возможность жить полной жизнью вместе с теми, кто имел счастье окружать ее.

Девочка не замыкалась на себе и своей болезни. Даже лежа на больничной койке в тяжелом состоянии, она то и дело вставала, чтобы помочь другим детям, лежавшим с ней в палате.

Однажды, увидев, как мимо их дома идет очень грустный человек, она выбежала на улицу и, подарив ему цветок, пожелала хорошего дня.

В другой раз она отходила от анестезии в Станфорд-ской больнице, икая и плача. Но опять она думала не о себе, а об окружающих. Как только она открыла глаза, одним из ее первых вопросов к матери был:

— Как ты себя чувствуешь?

И на такой же вопрос Лори сама Шеннон ответила, когда прошла икота и всхлипывания:

— Все нормально.

Шеннон принимала живейшее участие в сборе средств, потому что медицинская страховка ее семьи не могла покрыть лечение. Придя на консервную фабрику Гилрол, она подошла к первому попавшемуся человеку и завела с ним разговор. Она была полна любви и света ко всем. Она никогда не замечала различий между людьми. В конце концов она сказала: «У меня рак, и я могу умереть». Потом,

когда этого человека спросили, пожертвует ли он консервы с фабрики для Шеннон, он ответил: «Дайте ей все, что нужно».

Мать Шеннон так определяет свою дочь и других смертельно больных детей: «Они берут от жизни все, что можно, и полностью используют. Им важен мир вокруг них, а не они сами».

Когда Шеннон исполнилось четыре года, маленький ангел балансировал между жизнью и смертью, и родные поняли, что скоро ее не станет. Собравшись у ее кровати, они призывали девочку не бояться пойти по световому туннелю. Шеннон ответила: «Он слишком яркий». Когда ее призывали не бояться идти к ангелам, она отвечала: «Они слишком громко поют».

Если вам случится пройти мимо могилы маленькой Шеннон на Гилройском кладбище, вы увидите такую надпись: «Пусть ты всегда будешь гулять с другими ангелами, держа их за руки. Ничто в этом мире не изменит нашей любви».

10 октября 1991 года в местной городской газете поместили письмо от двенадцатилетнего Дамиена Кодары, которое он написал своей подруге Шеннон незадолго до ее смерти:

Иди к свету, Шеннон, где, предвкушая твое присутствие, тебя ждут те, кто ушел раньше. Они встретят тебя с распростертыми объятиями, с любовью, смехом и с ощущением счастья, равного которому нет ни на земле, ни на небе. Шеннон, боли и страданий нет. Печаль совершенно невыносима. Когда ты войдешь в свет, ты сможешь играть со всеми своими друзьями, которые таинственно исчезли, пока ты храбро сражалась со страшной болезнью — раком — и ловко уворачивалась от рук тьмы.

Те же, кто остался на земле, конечно, будут очень скучать по тебе и по твоей неповторимости, но ты будешь жить в наших сердцах и душах. Ты помогла знавшим тебя людям сплотиться.

Что самое поразительное, какие бы проблемы или сложности ни вставали на твоём пути, ты упорно преодолевала их. Однако, к сожалению, из последней схватки ты не смогла выйти победительницей. Но мы не считаем, что ты сдалась, нет, мы восхищаемся твоей смелостью и отвагой. Мы в каком-то смысле рады, что ты наконец-то почувствуешь свободу быть обычной девочкой и узнаешь, что достигла, вероятно, большего, чем когда-либо удастся большинству из нас.

Сердца, к которым ты прикоснулась, никогда не потеряют чувства любви. Поэтому, Шеннон, когда ты вдруг очутишься одна в темном туннеле, в конце которого виднеется точка света, вспомни о нас, Шенни, и найди мужество выйти к свету.

Донна Лозш

Сьюки... лучший друг на все случаи жизни

Ребенком я не мог понять, почему должен молиться только за людей. Когда моя мама целовала меня перед сном, я обычно читал про себя молитву, которую сам составил и в которой молился за всех живых существ.

Альберт Швейцер

Впервые я увидела ее сидящей в окружении нескольких прыгающих и лающих собак, которые пытались привлечь мое внимание. Со спокойным достоинством она взглянула на меня своими большими карими глазами, добрыми и влажными, с таким пониманием, что мы оба оказались очень далеко от приюта для животных. Самым красивым в ней были именно эти глаза. Остальное казалось взятым от других собак и слепленным в одно целое кем-то, обладавшим большим чувством юмора. Голова у нее была от дашхаунда, пятна — от терьера, ноги лучше смотрелись бы у шотландского корги, а хвост... возможно, у доберман-пинчера. В целом это было поразительное зрелище... уродливее собаки я не встречала.

Я назвала ее Сьюки Сью Шоу. Ей было месяца три-четыре, а выглядела она на 14—15 лет. Когда же ей исполнилось полгода, меня спрашивали: «Боже, сколько же этой собаке лет? Судя по ее виду, она уже давно живет на свете!» Я отвечала, что ей шесть месяцев, при этом неизбежно воцарялось долгое молчание и разговор заканчивался. Она никогда не была собакой, благодаря которой может завязаться пляжное знакомство с понравившимися мне ребятами, только с хрупкими старыми дамами, которые чувствовали в ней родственную душу.

И все же она была доброй, любящей и очень умной. Именно такой товарищ и был нужен мне, чтобы сгладить горькие воспоминания о неудачном романе. Она любила спать на моих ногах... именно на ногах, а не в ногах постели. Вес ее маленького, толстенького тела ощущался каждый раз, когда я пыталась перевернуться во сне на другой бок. В конце концов мы пришли к соглашению: она спала на моих ногах, а я научилась не слишком часто ворочаться во сне.

Сьюки была со мной, когда я познакомилась со своим первым мужем. Он был доволен, что у меня есть собака, так как и сам был владельцем пса. Его соседи по комнате уже видеть не могли его собаку,

потому что там уже не осталось мебели, его пес всю изгрыз. Вот мой друг и обрадовался: он подумал, что, проводя время с моей собакой, его пес отвлечется от уничтожения мебели. Так и получилось. Он обрюхатил мою собаку.

Я тогда только что вернулась со Сьюки с прогулки по пляжу, и хотя ее внешний вид, на мой взгляд, нисколько не изменился к лучшему, для всех собак мужского пола в радиусе мили она превратилась в искушение. Она задирала хвост и поднимала голову, словно королева дог-шоу. Псы, побросав свои занятия, шли за нами, скуля и подвывая, будто сейчас скончаются. И я догадалась... должно быть, у нее течка. Псу моего друга было всего восемь месяцев, и я в своем невежестве посчитала безопасным оставить их вдвоем, пока звонила в ветлечебницу, чтобы записать Сьюки на прием для стерилизации.

Когда я обернулась, Сьюки и пес моего друга уже соединились в моей гостиной! О, ужас! Что я могла сделать, кроме как сидеть в изумлении и ждать, чем все это кончится? Мы все ждали. Собаки начали тяжело дышать. У Сьюки сделался скучающий вид. Его пес казался усталым. Я позвонила другу и велела приехать и забрать своего сексуального террориста. Мы подождали еще. Потом я не выдержала и пошла поработать в саду. Когда после работы приехал мой друг, наши собаки сидели на ковре в гостиной, покусывая друг друга. У них был совершенно невинный вид, и я подумала, что, может, мне все это привиделось.

Вид беременной Сьюки — это отдельное зрелище. Ее и без того круглое тело стало походить на дирижабль. Она не могла ни ходить, ни трусить, а переваливалась с боку на бок, перетаскивая свои раздувшиеся формы из комнаты в комнату. Слава Богу, в это время она не спала у меня на ногах. Она просто не могла вспрыгнуть на постель, и я устроила ей лежанку под кроватью. Решив, что для поддержания тонуса ей необходимы ежедневные упражнения, я продолжала выгуливать ее днем на пляже. Как только мы доходили до песка, она вдруг вспоминала про свою прежнюю походку — хвост трубой, голова поднята — и мчалась по дорожке. Щенки внутри нее болтались из стороны в сторону и, вполне вероятно, страдали от тошноты во время этой стремительной пробежки.

До Сьюки я никогда не присутствовала при родах. Как-то среди ночи она подняла меня с постели, стянув с кровати одеяло и пытаясь пристроить его в своем спальном месте. Совершенно проснувшись и готовая во всем помочь ей, я сидела рядом, когда она вытолкнула первого щенка. Он был заключен в подобие мешка. Сьюки съела мешок, и я понадеялась, что она знает, что делает, потому что сама была абсолютно невежественна в этом отношении. Подумать только, это действительно оказался щенок, скользкий и неприглядный. Сьюки начисто вылизала младенца и уснула. Я вернулась в кровать.

Через двадцать минут я проснулась от того, что снова осталась без одеяла. Еще один щенок. На этот раз я помогала и разговаривала со своей собакой, пока она производила на свет очередного дитя. Мы разговаривали о разных вещах, которые я никогда до этого со своей собакой не обсуждала. Я изливала свое сердце, рассказывая о любви, которую потеряла, и о пустоте, которая исчезла только с ее появлением в моей жизни. Сьюки не жаловалась ни на мои слова, ни на испытываемые ею родовые муки. Мы бодрствовали всю ночь. Я говорила, Сьюки рожала и вылизывала. Она ни разу не заскулила, не застонала, а сразу окружала любовью этих своих крошечных детей, едва они появлялись на свет. Это был один из самых эмоционально насыщенных моментов в моей жизни.

Ни один из щенков не был похож ни на нее, ни на пса моего друга. Из шести щенков три казались маленькими черными лабрадорами, а три походили на дакхаун-дов с черной полосой на спине. Все были очень милыми. Друзья нарасхват разобрали детей Сьюки, так что мне не пришлось стоять у магазина с коробкой в руках.

Мы с моим другом поженились и переехали. Сьюки мы взяли, а его пса отдали. Мне кажется, что он так до конца мне этого и не простил. Там, куда мы переехали, были поля, и Сьюки с наслаждением бегала. Она на всех парусах мчалась в поле и исчезала в траве, и только временами видна была макушка и хлопающие на ветру уши. Возвращалась она довольная и запыхавшаяся. Не думаю, чтобы она когда-то поймала кролика, но знаю, что она прикладывала к этому все усилия.

Сьюки съест все что угодно, и без остатка. Однажды я испекла 250 шоколадных печений для церковного собрания, которое должно было состояться вечером. Каким-то образом Сьюки забралась в пакеты с печеньем и съела — не несколько, не большую часть, а все печенья до единого, 250 штук. Когда я вернулась домой, мне стало интересно, каким образом моя собака забеременела за один час, что меня не было. Только на этот раз она стонала, дышала с трудом и явно чувствовала себя плохо. Не зная, что она сделала, я повезла ее в ветлечебницу. Врач спросил, что она ела, и я ответила, что еще не кормила ее. Брови ветеринара взлетели на макушку. Он сказал, что она ела, и очень плотно.

Я оставила ее там на ночь, а сама вернулась домой, где обнаружила пропажу 250 печений. Я искала их повсюду. Я была уверена, что, прежде чем уехать, положила их в буфет. Я вышла на задний двор и там нашла аккуратно сложенные девять пластиковых пакетов, в которых до этого было печенье. Они не были даже порваны, но абсолютно пусты. Я позвонила ветеринару и объяснила про

исчезновение 250 шоколадных печений. Он сказал, что это невозможно. Ни одно животное не может остаться в живых, съев 250 шоколадных печений. Он будет внимательно наблюдать за ней всю ночь. Печений я больше уже не увидела, а вот Сьюки благополучно вернулась домой на следующий день. С того времени она перестала безумно любить печенье, но если кто-то настаивал, не отказывалась.

Затем настал момент, когда возраст Сьюки стал соответствовать ее внешности. Ей было 16 лет, и она переживала нелегкие времена. Слишком тяжело стало взбираться по лестнице, отказывались служить почки. Она была моей подругой, а иногда моей единственной верной подругой. Отношения со многими людьми протекали по-разному и обрывались, но моя дружба со Сьюки выдержала все испытания. Я развелась, снова вышла замуж и наконец ощутила, что моя жизнь как будто бы налаживается. Я не могла видеть, как она мучается от болей, и решила из милосердия усыпить ее.

Мне назначили время, и я на руках отнесла ее в машину. Она, как могла, прижималась ко мне, хотя я видела, как ей плохо. Она никогда не хотела, чтобы я из-за нее волновалась; она хотела от меня только любви. За всю свою жизнь она никогда не выла и не скулила. Во время нашей последней совместной поездки я говорила ей, как люблю ее и горжусь ею, такой, какая она есть. Ее подлинная красота всегда светилась изнутри, и я уже давно забыла, что когда-то считала Сьюки уродливой. Я сказала ей, как ценила то, что она никогда не выпрашивала моего внимания и любви, однако принимала их с достоинством существа, которое знает, что заслуживает их. Если когда и рождалась благородная собака, то это была она, настолько она умела наслаждаться жизнью с поистине королевским Достоинством.

Я внесла Сьюки в кабинет, и врач спросил меня, хочу ли я присутствовать при последних минутах ее жизни. Я хотела. Я обняла ее, лежавшую на холодном, стерильном столе, и пыталась согреть, пока врач готовил укол, который должен был оборвать ее жизнь. Она попыталась встать, но тело уже не слушалось ее. Поэтому мы просто долго смотрели друг другу в глаза... влажные карие глаза, добрые и доверчивые, и голубые, из которых текли слезы. Врач спросил, готова ли я, и я ответила, что да, но это была ложь. Я никогда не была бы готова к такому расставанию со Сьюки. Но мне пришлось. Нам обоим не хотелось разрушать существовавшую между нами связь, и поэтому мы до последней секунды смотрели друг на друга, а потом я увидела, как смерть туманит ее глаза, и моей лучшей подруги не стало.

Я часто думаю, что если бы люди обладали такими же качествами, которые демонстрируют нам животные, насколько лучше стал бы наш мир. Сьюки со всем благородством выказывала мне верность, любовь, понимание и сочувствие. Если я смогу научить своих детей такой же бескорыстной любви, я уверена, что они вырастут самыми счастливыми и защищенными людьми на планете.

Говорят, что после смерти мы встречаемся на том свете с теми, кого знали и любили. Я знаю, кто будет ждать меня... маленькая круглая собачка, черная с белым, со старческой мордой и куцым хвостом, которым будет без устали вилять от радости при виде своей лучшей подруги.

Пэтти Хансен

История героя

Военное командование во Вьетнаме благополучно переправило меня из Сайгона на военно-воздушную базу Кларк на Филиппинах, с Кларка на Гуам, с Гуама на Гавайи. Здесь я начал понемногу вспоминать, зачем дают отпуск: девушки, женщины, прекрасные создания, глядя на которых я улыбался. Сексуальная шовинистская свинья в образе мужчины? Признаюсь. Не забывайте, это было начало 70-х годов. Мужчины все еще имели право бросать плотоядные взгляды и улюлюкать... и Гавайи были для этого очень подходящим местом.

Я переночевал на Гавайях и улетел из Гонолулу в Лос-Анджелес, а потом в Даллас. Поселился в мотеле и проспал целый день и ночь и все равно чувствовал себя измученным. Я преодолел 9000 миль и все еще жил по сайгонскому времени. Думаю, я также сопротивлялся неизбежному. Я боялся встречи с Синди Колдуэлл, боялся сказать ей, что ее муж погиб, а я жив. Я чувствовал себя виноватым... и до сих пор чувствую.

В аэропорту Далласа я сел в автобус и начал 250-мильный путь в Бомонт. В Техасе было холодно. Холодно было и мне.

Я стоял на крыльце не в силах позвонить. Как я скажу этой женщине и ее детям, что ее муж и их отец не вернется домой? Я терзался между желанием убежать и обещанием, которое дал человеку, можно сказать, незнакомому, но перевернувшему всю мою жизнь.

Пошел дождь. Я стоял на открытом крыльце, парализованный страхом и чувством вины. Снова, в сотый раз, я увидел растерзанное тело Колдуэлл, услышал его тихий голос, заглянул в его темно-карие глаза, почувствовал его боль и заплакал. Я плакал о нем, о его семье и о себе. Я должен был жить дальше. Жить с сознанием того, что остался жив, а многие и многие погибли в этой трагической,

бессмысленной войне, которая ничего не доказала и не принесла никаких результатов.

Послышался шорох шин подъезжающего автомобиля. На подъездной дорожке остановилось старое, помятое такси, и из него вышла чернокожая женщина средних лет. Вышел и водитель, чернокожий старик в матерчатом шлеме, как у Шерлока Холмса. Они в изумлении молча уставились на меня, пытаюсь понять, что в этом по преимуществу «черном» районе делаю я, белый.

Я тоже стоял и смотрел на них, потом внезапно лицо женщины исказилось ужасом. Она закричала, уронила свои свертки и бросилась ко мне. Взлетев по ступенькам, она схватила меня за отвороты пальто и сказала:

— Что случилось, скажите мне. Кто вы и что с моим сыном?

«Час от часу не легче, — подумал я. — Это мать Колдуэлл». Я взял ее за руки и, как мог, мягко произнес:

— Меня зовут Фред Пале, я приехал повидать Синди Колдуэлл. Это ее дом?

Женщина смотрела на меня, пытаюсь понять, что я говорю. Через какое-то время она затряслась. По ее телу пошли такие жестокие судороги, что, не подхвати я ее, она упала бы с крыльца. Поддерживая женщину, я покачнулся и с треском ударился о дверь.

Водитель поспешил мне на помощь, и в этот момент дверь открылась. Синди Колдуэлл увидела такую сцену: на ее крыльце стоит незнакомый белый мужчина, поддерживая знакомую черную женщину. Она стала действовать.

Прикрыв на мгновение дверь, она появилась вновь, держа двенадцатизарядный пистолет, который очень ловко сидел у нее в руке, и процедила:

— Убери руки от моей матери и убирайся с крыльца. Надеюсь не погибнуть по недоразумению, я сказал:

— Если я ее отпущу, она упадет.

Тут в поле зрения Синди появился водитель, и ее лицо сразу же прояснилось.

— Мейнард, что тут происходит? — спросила она у него.

— Не пойму, милая. Этот белый стоял на крыльце, когда мы подъехали, а твоя мама бросилась к нему, крича про твоего брата Кеннета.

Она вопросительно посмотрела на меня. Я сказал:

— Меня зовут Фред Пале, и если вы Синди Колдуэлл, мне нужно с вами поговорить.

Уже не так крепко сжимая пистолет, она ответила:

— Да, я Синди Колдуэлл. Я пока плохо понимаю, в чем дело, но вы можете войти, только помогите заодно и маме.

Я со всей осторожностью провел мать Синди в дом. Водитель такси вошел за нами и положил забытые свертки у подножия лестницы, ведущей вверх. Он стоял в смущении, не зная, уйти или остаться, кто я такой и что у меня на уме.

Я помог усадить мать Синди в кресло и отступил назад, выжидая. Молчание стало невыносимым, и я откашлялся и заговорил одновременно с Синди.

— Извините, продолжайте, — сказал я.

— Простите, — проговорила она, — обычно я не встречаю своих гостей с оружием в руках, но я услышала треск, испугалась, а когда увидела на крыльце вас и маму, то, естественно...

— Прошу вас, не извиняйтесь, — перебил я. — Не знаю, как бы я повел себя в подобной ситуации. Главное, никто не пострадал.

— Хотите кофе? И может, снимете мокрое пальто? А то простудитесь и заболите.

Я согласился на то и на другое, тем более что, снимая пальто, я мог собраться с духом.

После нашего с Синди объяснения ее мать и Мейнард, похоже, успокоились и осторожно разглядывали меня. Видимо, испытание я выдержал, потому что женщина протянула руку и представилась:

— Ида Мэй Клемонс, а это мой муж, Мейнард. Садитесь, пожалуйста, устраивайтесь поудобнее. — И с этими словами она указала мне на большое кожаное кресло.

Я понял, что это кресло Марка Колдуэлл, и я должен был сидеть в нем, зная, что приехал нарушить душевный покой этой семьи. Я медленно сел и, понимая, что ступаю по очень тонкому льду, сказал:

— Ида Мэй, простите, что напугал вас, но я не знаком с вашим сыном Кеннетом. Где он?

Она собралась, выпрямилась в кресле и ответила:

— Мой мальчик Кеннет — морской пехотинец, он служит в посольстве США в Сайгоне, в Южном Вьетнаме, и через две недели возвращается домой.

— Я рад, что он цел и невредим и возвращается домой. Служба в посольстве — хорошая служба, безопасная. Я правда рад, что он скоро возвращается домой, — сказал я.

Заметив теперь мои короткие волосы и немодную одежду, она спросила:

— Вы тоже служите? Тоже были во Вьетнаме?

— Да, и я вернулся только вчера или, может, позавчера. Меня сбивают с толку 13 часов разницы во времени. — Они с Мейнардом сочувственно на меня посмотрели.

В этот момент в комнату вошла Синди с подносом, на котором стояли чашки, печенье, сливки, сахар и кофе.

Запах был восхитительный, я просто смертельно захотел кофе. Все что угодно, лишь бы сохранить непринужденную атмосферу и занять дрожащие руки. Мы немного поговорили, а потом Синди сказала:

— Что ж, Фред, приятно было с вами познакомиться и поговорить, но мне любопытно, что же привело вас в мой дом?

В ту же секунду входная дверь распахнулась, и появились две маленькие девочки. Обе они, едва войдя в гостиную, начали поворачиваться кругом, чтобы показать новую одежду. За ними вошла женщина средних лет с младенцем на руках.

Мое присутствие и цель моего визита были забыты. Все мы заахали и заохали и сказали девочкам, как им идет новая одежда. Когда возбуждение улеглось и девочек отправили в столовую поиграть, Синди представила мне пришедшую женщину:

— Это моя свекровь, Флоренс Колдуэлл. Флоренс, это Фред...

— Пале, — подсказал я.

— И он как раз собирался сказать нам, почему он здесь, — добавила Синди.

Я сделал глубокий вдох и сказал:

— Даже не знаю, с чего начать. Несколько лет назад я сбежал из лагеря военнопленных в Северном Вьетнаме. — Повернувшись к Синди, я посмотрел ей прямо в глаза. — Когда я был в заключении, вашего мужа, Марка, принесли в нашу хижину полумертвого. Его ранили и взяли в плен во время боевых действий и доставили в наш лагерь. Я делал все, что мог, но его рана была слишком серьезной, и мы оба понимали, что он умрет.

Зажав ладонью рот, Синди тихо вскрикнула, но не отвела глаз. Ида Мэй и Флоренс ахнули, а Мейнард проговорил:

— Боже Всемогущий.

— Марк сказал, что, если я кое-что ему пообещаю, он поможет мне бежать из лагеря. Честно говоря, я думал, что он бредит, поэтому пообещал сделать все, о чем он попросит.

К этому моменту мы все уже плакали, и мне пришлось остановиться, чтобы успокоиться. Я посмотрел на Синди и увидел, что ее взгляд устремлен куда-то в пространство, глаза остекленели, потом она расплакалась, уткнувшись в ладони. Когда смог, я продолжил:

— Он сказал: «Обещай мне, что ты съездишь в Техас и скажешь моей жене Синди, что она по-прежнему моя самая любимая девушка и что, умирая, я буду думать о ней и о наших девочках. Ты обещаешь?» — «Да, Марк, я обещаю съездить в Техас», — сказал я.

— Он отдач мне эту фотографию и обручальное кольцо, чтобы вы знали, что я говорю правду. — Я передал кольцо и фотографию Синди и на мгновение сжал ее руки в своих.

Потом я вынул из внутреннего кармана нож и сказал:

— Он дал мне свой армейский нож, и я сказал: «Спасибо, Марк. Обещаю, что как-нибудь сумею добраться до Техаса. Еще что-нибудь?» — спросил я. «Да, ты можешь меня обнять? — попросил он. — Просто обними меня. Я не хочу умирать один». Я обнял его и долго-долго баюкал. А он все время повторял: «Прощай, Синди, я люблю тебя, мне так жаль, что я не увижу, как подрастают наши девочки». Через какое-то время он тихо умер у меня на руках.

— Я хочу, чтобы вы знали, — продолжал я, — мне нужно, чтобы вы поняли, Синди, я сделал все, что мог, но он был слишком тяжело ранен. Я не знал, как остановить кровотечение, у меня не было никаких медикаментов, я... — Тут я замолк.

Какое-то время мы все плакали, и в комнату пришли девочки. Они хотели знать, почему мы все такие грустные и почему плачем. Я посмотрел на Синди, и мы оба поняли, что я не смогу рассказать все это еще раз, поэтому она ответила, что я сообщил плохие новости, но скоро все будет хорошо.

Дети вроде бы удовлетворились таким ответом и вернулись в столовую, но на этот раз расположились поближе, потом снова принялись играть.

Мне нужно было объяснить, какой героической поступок совершил Марк, поэтому я возобновил свой рассказ.

— Нож, который дал мне Марк, позволил обезвредить охрану и освободить из лагеря еще 12 американцев. Ваш муж — герой. Благодаря ему еще 12 американцев обрели свободу, а я сижу сейчас перед вами, в его кресле, и рассказываю вам о его смерти. Мне жаль, мне так жаль, что приходится сообщать вам об этом.

И я расплакался, и Синди подошла успокоить меня. Переживая такую потерю, она успокаивала

меня. Мне было стыдно, я чувствовал, что она оказывает мне честь. Взяв мое лицо в ладони, она сказала, глядя мне в глаза:

— Знаете, вы оба герои — и мой муж Марк, и вы, Фред. Вы тоже герой. Спасибо, спасибо вам, что приехали и лично мне все рассказали. Я знаю, чего вам стоило приехать сюда и в лицо сказать мне, что мой муж погиб, но вы достойный человек. Вы дали обещание и сдержали его. Немногие так поступили бы. Спасибо вам.

Я сидел потрясенный. Я не чувствовал себя героем, но эта скорбящая женщина говорит мне, что я герой и достойный человек. А я чувствовал только вину и злость: вину, потому что я выжил, а ее муж, отец ее дочерей, умер, и злость, всепоглощающую злость на бессмысленность и жестокость войны, приносящей такие потери. Я не мог простить ни свою страну, ни себя. Но передо мной была женщина, которая перенесла такую утрату, лишилась мужа и все же простила меня, благодарила меня. Я не мог этого слышать.

Меня охватил страшный гнев на правительство. Почему никто не приехал сказать этой женщине о смерти ее мужа? Где тело Марка Колдуэлла? Почему оно не здесь, почему не было похорон и траура? Почему? Почему?

Потом я сказал:

— Я привез тело Марка в Южный Вьетнам и уверен, что с вами свяжутся насчет его похорон. Мне жаль, что меня здесь не будет, но, прошу вас, знайте, что я буду думать о вас. Я буду всегда вас помнить.

Мы еще посидели, а потом я спросил Мейнарда, не подвезет ли он меня на автобусную станцию. Мне нужно было вернуться в Даллас. У меня был отпуск, и я хотел напиться, как следует надраться.

Фредерик Э. Пале Третий

Вспоминая мисс Мерфи

Прошлым летом, утомившись от скорости и однообразия езды по шоссе, мы с мужем решили поехать на пляж по менее известной дороге/Остановка в маленьком, ничем не примечательном городе на восточном побережье Мэриленда привела нас к встрече, которая навсегда останется в нашей памяти.

Все началось довольно просто. Мы стояли, ожидая зеленого сигнала светофора, и я посмотрела на блеклое кирпичное здание интерната для престарелых. На переднем крыльце в белом плетеном кресле сидела пожилая дама. Ее внимательный взгляд, устремленный на меня, казалось, звал, почти приказывал, чтобы я подошла.

Загорелся зеленый. Внезапно я выпалила:

— Джим, остановись за углом.

Взяв мужа за руку, я направилась к дорожке, ведущей к интернату. Джим остановился.

— Минуточку, мы же никого там не знаем.

Я мягко убедила мужа, что неспроста иду туда.

Дама с магнетическим взглядом встала из кресла и медленно пошла нам навстречу, опираясь на трость.

— Я рада, что вы остановились, — благодарно улыбнулась она. — Я молилась об этом. У вас найдется несколько минут посидеть и поговорить? — Мы поднялись за ней на крыльцо и устроились в тени.

Природная красота нашей хозяйки поразила меня. Она была стройной, но не тощей. За исключением морщинок в уголках ее ореховых глаз, мраморная кожа была гладкой и словно прозрачной. Ее серебристо-седые волосы были забраны в аккуратный узел.

— Многие проезжают мимо, — начала она, — особенно летом. Смотрят из окон машин и не видят ничего, кроме старого здания, в котором живут старые люди. Но вы увидели меня, Маргарет Мерфи. И нашли время для остановки. — Маргарет задумчиво продолжила: — Некоторые считают стариков слабоумными, а дело все в том, что мы просто одиноки. — Затем, посмеиваясь над собой, прибавила: — И еще мы, старики, любим поболтать, а?

Теребя красивую овальную камею в обрамлении бриллиантов, которая украшала ее хлопчатобумажное платье в цветочек, Маргарет поинтересовалась, как нас зовут и откуда мы едем. Когда я ответила, что из Балтимора, ее лицо прояснилось, а глаза заискрились.

— Моя сестра, благослови Господи ее душу, всю жизнь прожила в Балтиморе на Гораш-авеню.

Я возбужденно объяснила:

— В детстве я жила всего в нескольких кварталах отсюда, на Хоумстед-стрит. Как звали вашу сестру? — И тут же я вспомнила Мэри Гиббоне. Она была моей одноклассницей и лучшей подругой. Более часа мы с Маргарет делились воспоминаниями о нашей юности.

Мы оживленно беседовали, когда появилась сестра со стаканом воды и двумя маленькими розовыми табле-точками.

— Извините за вторжение, — приветливо сказала она, — но время приема лекарства и вашего дневного сна, мисс Маргарет. Нам надо поддерживать ваш моторчик. — Она с улыбкой подала Маргарет лекарство.

Мы с Джимом переглянулись. Маргарет без возражений приняла таблетки.

— Можно мне еще немного посидеть с друзьями, мисс Бакстер? — попросила она. Однако сестра мягко, но твердо отказала. Потом помогла Маргарет подняться из кресла. Мы заверили ее, что заедем к ней через неделю, на обратном пути. Лицо Маргарет прояснилось. — Это было бы чудесно, — сказала она.

После целой недели солнца уезжали мы с Джимом в облачный и сырой день. Под свинцовыми тучами интернат показался особенно неприглядным.

После нескольких минут ожидания к нам вышла мисс Бакстер. Она передала нам коробочку и письмо. Пока Джим читал его, она держала меня за руку:

Мои дорогие!

Прошедшие несколько дней были самыми счастливыми в моей жизни, с тех пор как два года назад умер Генри, мой любимый муж. У меня снова была любящая и внимательная семья.

Вчера вечером врача как будто обеспокоило состояние моего сердца. Однако я чувствую себя чудесно. И пока я испытываю такое счастье, я хочу поблагодарить вас обоих^за радость, которую вы принесли в мою жизнь.

Бeverли, дорогая, я дарю вам камею, которая была на мне в день нашего знакомства. Мне подарил ее мой муж в день нашей свадьбы 30 июня 1939 года. Она принадлежала его матери. Пусть она доставит вам удовольствие, и надеюсь, что в один прекрасный день вы передадите ее своим дочерям и их детям. С этой брошью я отдаю вам свою безграничную любовь.

Маргарет

Через три дня после нашего прошлого визита Маргарет тихо скончалась во сне. Взяв камею, я не смогла удержаться от слез. Осторожно перевернула ее и прочла выгравированную на серебряном ободке надпись: «Любовь — это навсегда».

Как и воспоминания, дорогая Маргарет, как и мои воспоминания.

Бeverли Файн

Все еще живет маленькая девочка

Приведенное нюке стихотворение было написано женщиной, которая работала сестрой в отделении для престарелых Королевской больницы в Монтрозе, Шотландия. Сначала оно было напечатано как анонимный материал в больничном журнале для персонала. Через несколько месяцев персонал больницы Эшльюди, рядом с Данди, нашел среди вещей умершей старой пациентки рукописную копию этого стихотворения. Оно настолько поразило персонал, что списки с него широко разошлись по больнице и за ее пределами. В конце концов отыскался автор стихотворения. Она умерла во сне в возрасте 80 лет.

Что ты видишь, сестра, что ты видишь?

Разве ты не думаешь, глядя на меня, —

Вот лежит старуха, не очень умная,

Неловкая, с отсутствующим взглядом?

Которая роняет пищу и не отвечает,

Когда ты громко говоришь: «Постарайтесь же!»

Которая словно бы не замечает того, что ты делаешь,

И все время теряет то чулок, то туфлю?

Которая, хочет она или нет,

Позволяет тебе делать, как ты хочешь,

И чей долгий день заполнен купаниями и кормлениями?

Ты об этом думаешь, ты это видишь?

Тогда открой глаза, сестра, ты смотришь на меня.

Я скажу тебе, кто я такая, что сидит тут так неподвижно,

Двигается по твоему знаку,

*Принимает пищу по твоему желанию...
Мне десять лет, у меня есть отец и мать,
Любящие друг друга братья и сестры;
Юная девушка шестнадцати лет, летящая, как на крыльях,
Мечтающая о любви, которую скоро встретит;
Двадцатилетняя невеста с бьющимся сердцем,
Помнящая клятвы, которые она обещала выполнять;
В двадцать пять лет у меня уже свой ребенок,
Для которого я должна построить надежный, счастливый дом;
Женщина тридцати лет, мой второй сын так быстро растет,
Связанный со мной неразрывными узами;
Мне сорок, сыновья выросли и покинули дом,
Но рядом со мной муж, который не дает мне грустить;
В пятьдесят вокруг меня снова играют малыши,
У нас снова дети — у моих дорогих и у меня.
Пришли темные дни, умер мой муж,
Я смотрю в будущее и содрогаюсь от ужаса,
Потому что мои младшие уже сами растят своих детей,
А я вспоминаю о годах и любви, которую знала.
Теперь я старуха, а природа жестока —
Она любит сделать так, чтобы старый человек казался дураком.
Тело разрушается, грация и сила уходят;
И там, где у меня когда-то было сердце, теперь камень.
Но внутри этого старого остова
Все еще живет маленькая девочка,
И мое ожесточившееся сердце снова переполняется чувствами.
Я помню радости, я помню боль,
Я снова люблю и живу,
Я думаю о годах, которых было так мало
И которые пролетели так быстро,
И принимаю неумолимый факт, что ничто не вечно.
Поэтому открой глаза, сестра, открой — и увидишь
Не раздражительную старуху,
Присмотришься — ты увидишь меня!
Филлис Маккормак Предоставлено Рональдом Далстеном
Reprinted by permission of Michael McCormack. © Michael McCormack.*

Последнее прощание

— Я собираюсь домой в Данию, сын, и хотел только сказать, что я тебя люблю.

В последнем телефонном звонке моего отца эта фраза повторилась семь раз за полчаса. Я плохо слушал. Я слышал слова, но не понимал их глубинного смысла. Я думал, что мой отец проживет больше 100 лет, потому что мой двоюродный дед прожил 107. Я не почувствовал его сожалений по поводу маминой смерти, не понял его отчаянного одиночества в «пустом гнезде», не осознал, что большинство его друзей уже давно покинули наш мир. Он постоянно требовал, чтобы мы с братом обзавелись детьми, чтобы он мог стать преданным дедом. Я был слишком занят антрепренерством, чтобы вслушаться в его слова.

— Папа умер, — со вздохом сообщил 4 июля 1982 года мой брат Брайан.

Мой младший брат — толковый юрист, у него отличное чувство юмора и быстрый ум. Я думал, что он разыгрывает меня, и ждал кульминации — ее не последовало.

— Папа умер в кровати, в которой родился, — в Роз-кельде, — продолжал Брайан. — Похоронные агенты отправят гроб с папиным телом и его вещи завтра. Нам надо готовиться к похоронам.

Я не мог произнести ни слова. Это не должно было случиться таким образом. Если бы я знал, что это последние папины дни, я бы предложил поехать в Данию вместе с ним. Я разделяю девиз хосписов: «Никто не должен умирать в одиночестве». При переходе из одной реальности в другую рядом должен сидеть любимый человек и держать тебя за руку. Я бы предложил ему утешение в последний час, я бы действительно слушал, думал и был бы настроен на вечность. Папа, как мог, объявил о своем уходе, а я не понял. Я почувствовал скорбь, боль и угрызения совести. Почему меня не было с ним рядом там?

Для меня он всегда был здесь.

Когда мне было девять лет, он входил в дом утром, проработав 18 часов в пекарне, и будил меня в пять утра, почесывая мне спину сильными, мощными пальцами и шепча: «Пора вставать, сын». К тому моменту, как я одевался и был готов в дорогу, мои газеты уже были сложены и сунуты в корзинку велосипеда. При воспоминаниях о щедрости его души на глазах у меня выступили слезы.

Когда я участвовал в велогонках, он каждый субботний вечер проезжал 50 миль до Кеноши, штат Висконсин, чтобы смотреть, как я соревнуюсь. Он был рядом, чтобы поддержать меня, если я проиграю, и разделить мою радость, если выиграю.

Потом он сопровождал меня на все местные выступления в Чикаго, когда я выступал в разных учреждениях и церквях. Он всегда улыбался, слушал и гордо заявлял сидящим рядом: «Это мой мальчик!»

Сердце мое разрывалось от боли, потому что папа был рядом со мной, когда мне это было нужно, а меня с ним не оказалось. Мой смиренный совет — всегда, всегда делитесь своей любовью с близкими вам людьми и предлагайте присутствовать рядом с ними в тот священный момент, когда наша физическая жизнь преобразуется в духовную. Если вы окажетесь рядом в момент смерти дорогого вам человека, вы подниметесь на новую, более высокую ступень существования.

Марк Виктор Хансен

Сделай это сегодня!

Если вы собираетесь скоро умереть и можете позвонить только одному человеку, кому вы позвоните и что скажете? И чего вы ждете?

Стивен Левайн

Когда я работал инспектором школ в Пало-Альто, штат Калифорния, Полли Тайнер, председатель нашего попечительского совета, написала письмо, которое опубликовали в газете «Пало-Альто тайме». Сын Полли, Джим, совершенно не справлялся с учебой. Его считали неспособным к овладению знаниями, и от его родителей и учителей требовалось огромное терпение. Но Джим был счастливым мальчиком, чья улыбка буквально освещала комнату'. Его родители признавали его неспособность постигать учебный материал, но всегда пытались помочь сыну видеть свои сильные стороны, чтобы он мог ходить с гордо поднятой головой. Вскоре после окончания средней школы он разбился на своем мотоцикле. После его смерти мать направила в газету письмо.

Сегодня мы похоронили нашего 20-летнего сына. В пятницу вечером он попал на мотоцикле в аварию и погиб на месте. Как жаль, что, разговаривая с ним в последний раз, я не знала, что этот раз — последний.

Если бы я только знала, я бы сказала: «Джим, я люблю тебя и очень тобой горжусь».

Я бы не пожалела времени оценить все то добро, что он сделал любившим его людям. Я бы наслаждалась его прекрасной улыбкой, звуком его смеха, его истинной любовью к людям.

Положив на одну чашу весов все хорошее, а на другую то, что раздражало, — радио, которое всегда играло слишком громко, прическу, которая нам не нравилась, грязные носки под кроватью, — то раздражающего набирается немного.

У меня уже не будет возможности сказать своему сыну все то, что я хотела бы сказать, но у вас, у других родителей, такая возможность есть. Скажите вашим детям все, что вы захотели бы сказать, узнав, что этот разговор последний. В последний раз я разговаривала с Джимом в день его гибели. Он позвонил мне, чтобы сказать: «Здравствуй, мама! Я просто позвонил сказать, что люблю тебя. Мне пора на работу. Пока». Он подарил мне сокровище на всю оставшуюся жизнь.

Если в смерти Джима есть хоть какой-то смысл, может, он заключается в том, чтобы заставить других больше ценить жизнь и научить других, особенно родственников, не забывать проявлять друг к другу заботу и любовь.

Другого случая вам может не представиться. Сделайте это сегодня!

Роберт Ризонер

Верные слова

После обширного инфаркта мой брат лежал в коме в реанимационной палате кардиологического отделения. С помощью трубок и проводов он был подсоединен к аппарату, который поддерживал в нем жизнь. На мониторе светились волнистые линии, обозначающие неровное биение его сердца. Единственным звуком в палате было ритмичное шипение насоса, нагнетавшего воздух в легкие брата. Рядом стояла не знающая чем помочь его жена.

Как священнику мне часто приходилось бывать в семьях при подобных обстоятельствах. Пытаясь

утешить их, я искал тогда нужные слова, идеально подходящий отрывок из Священного Писания, слова надежды. Но сейчас это было совсем другое дело.

В те трудные дни мы с моей невесткой разрывались между надеждой и смирением. Мы радовались каждому посетителю. Были благодарны за их рассказы о людях, которые вышли из комы и вернулись к нормальной жизни. Мы прислушивались к тем, кто с пониманием говорил о разных ступенях скорби. Мы понимали, что они относятся к нам с душой. Но многие входили говоря и все продолжали говорить. Может, и я так же справлялся с нервозностью, когда не знал, что сказать?

Потом пришел какой-то приятель брата. Он встал рядом с кроватью, глядя на него. Долго молчал. Затем, переполняемый чувствами, внезапно произнес: «Я сожалею». И снова наступила тишина. Наконец он обнял мою невестку и повернулся ко мне пожать руку. Он задержал ее в своих руках на секунду дольше, чем необходимо, и сжал чуть сильнее, чем принято. На глазах его выступили слезы. А потом он ушел. Спустя неделю мой брат умер. Прошли годы, а я до сих пор вспоминаю того посетителя. Я не запомнил его имени, но я никогда не забуду, как он поделился с нами нашей скорбью, тихо и искренне, без всякой неловкости. Его несколько слов стоили целых томов.

Роберт Дж. Макмаллен-младший Предоставлено Дейвом Поттером

Доброе дело для разбитого сердца

Я всего лишь один человек. Но тем не менее я — некая единица. Я не могу сделать все, но кое-что мне все же по силам. И поскольку я не могу сделать всего, я не откажусь сделать то, что могу.

Эдвард Эверетт Хейл

Мы с моим мужем Ханокем написали книгу «Добрые дела: как совершить революцию добра», которая вызвала большой интерес в Америке. Эту историю рассказал нам один человек, не назвавший себя. Он позвонил во время радио-ток-шоу в Чикаго.

— Привет, мама, чем занимаешься? — спросила Сьюзи.

— Делаю запеканку для соседки, миссис Смит, — ответила ее мать.

— Зачем? — спросила Сьюзи, которой было всего шесть лет.

— Потому что миссис Смит очень грустно, она потеряла свою дочь, и у нее разбито сердце. Мы какое-то время о ней позаботимся.

— Зачем, мама?

— Понимаешь, Сьюзи, когда человеку очень-очень грустно, ему не до обычных вещей, например не до приготовления ужина. А поскольку мы члены одной общины, а миссис Смит наша соседка, мы должны помочь ей. Миссис Смит уже больше никогда не сможет поговорить со своей дочерью, или обнять ее, или заняться каким-нибудь чудесным делом, каким матери занимаются вместе с дочерьми. Ты очень сообразительная девочка, Сьюзи, может, ты придумаешь, как позаботиться о миссис Смит?

Сьюзи серьезно обдумала этот вопрос и через несколько минут уже стучалась в дверь соседки. Миссис Смит открыла дверь и поздоровалась со Сьюзи.

Девочка не услышала в голосе миссис Смит обычной певучести. И еще миссис Смит выглядела так, словно плакала, потому что глаза у нее потускнели и опухли.

— Тебе что-нибудь нужно, Сьюзи? — спросила миссис Смит.

— Моя мама говорит, что вы потеряли дочку и у вас разбито сердце. — Девочка протянула руку, на ладонке у нее лежал пластырь. — Это для вашего разбитого сердца.

Миссис Смит ахнула, сдерживая слезы. Присев, она обняла малышку и сказала сквозь слезы:

— Спасибо тебе, милая девочка, это очень поможет. Миссис Смит приняла добрый поступок Сьюзи и даже

пошла дальше. Она купила маленькое колечко для ключей с брелоком в виде пластмассовой рамочки — в нее можно вставить фотографию. Миссис Смит поместила в эту рамочку принесенный Сьюзи пластырь, чтобы каждый раз при виде его немного залечивать свою рану. Она прекрасно знает, что на это требуется время и поддержка. Пластырь стал символом ее излечения, но при этом она никогда не забудет радость и любовь от общения со своей дочерью.

Мелэди Маккарти

Увидимся утром

Благодаря мудрости своей матери я не боюсь смерти. Мама была моим лучшим другом и самым главным учителем. Каждый раз при расставании, будь то перед сном или когда один из нас отправлялся в путешествие, мама говорила: «Я увижу тебя утром». И всегда сдерживала свое обещание.

Мой дед был священником, а в те времена, на рубеже веков, когда кто-нибудь из прихожан умирал, тело покойного выставлялось для прощания в гостиной священника. Восьмилетнюю девочку

это могло здорово напугать.

Однажды дед подвел мою маму к стене гостиной и попросил потрогать ее.

— И что ты почувствовала, Бобби? — спросил он.

— Она твердая и холодная, — ответила мама. Тогда он подвел ее к гробу и сказал:

— Бобби, мне очень трудно попросить тебя сделать то, что я сейчас попрошу. Но если ты это сделаешь, ты никогда не будешь бояться смерти. Я хочу, чтобы ты коснулась лица мистера Смита.

Поскольку мама любила своего отца, моего деда, и доверяла ему, она выполнила его просьбу.

— Ну и как? — спросил он.

— Папа, ощущение такое же, как от стены.

— Совершенно верно, — сказал он. — Это старые стены, наш друг мистер Смит просто переехал, так что, Бобби, нет причин бояться старого дома.

Этот урок пустил корни и прошел через всю жизнь моей мамы, и она совершенно не боялась смерти. За восемь часов до того, как нас покинуть, она высказала в высшей степени необычное пожелание. Мы стояли у ее кровати, пряча слезы, а она сказала:

— Не приносите мне на могилу цветов, потому что меня там не будет. Когда я избавлюсь от этого тела, я улечу в Европу. Ваш отец так и не свозил меня туда.

Комната взорвалась смехом, и остаток вечера мы уже не плакали. Когда мы целовали ее, желая спокойной ночи, она улыбнулась и сказала:

— Я увижу вас утром.

Однако в 6.15 утра ее не стало. Мне позвонил врач: она начала свой полет в Европу.

Два дня спустя, разбирая мамины вещи в родительской квартире, мы наткнулись на большую папку с рукописями. Когда я открыл ее, один листок упал на пол.

Это были приведенные ниже стихи. Не знаю, сама она их сочинила или с любовью сохранила чье-то произведение.

Наследство

Когда я умру, отдай то, что от меня останется, детям.

Если тебе надо поплакать, поплачь ради своих братьев, идущих рядом с тобой.

Обними всех и отдай им то, что ты хотел отдать мне.

Я хочу кое-что тебе оставить, кое-что получше слов и звуков.

Ищи меня в людях, которых я знала и любила.

А если ты не можешь без меня жить, то пусть я продолжу жизнь в твоих глазах, твоём разуме и твоих добрых делах.

Больше всего любви ты подаришь мне, если пожмешь чью-то руку и отпустишь детей, которым нужна свобода.

Умирают люди, но не любовь.

А так как все, что от меня осталось, — это любовь...

Отдай меня...

Мы с папой улыбнулись друг другу, ощутив ее присутствие, и снова было утро.

Джон Уэйн Шлаттер

Любовь никогда вас не покидает

Я рос в самой обычной семье, у меня были два брата и две сестры. И хотя тогда у нас было мало денег, я помню, что родители всегда вывозили нас по выходным на пикники или водили в зоопарк.

Моя мама была очень любящим и заботливым человеком. Она всегда была готова помочь ближнему и часто приводила домой бездомных или раненых животных. Несмотря на то что у нее было пятеро детей, она всегда находила время помочь другим.

Оглядываясь назад, на свое раннее детство, я вижу своих родителей не мужем и женой с пятью детьми, а влюбленными молодоженами. День они отдавали нам, а ночь была их временем.

Помню, как-то ночью я лежал в постели. Это было воскресенье, 27 мая 1973 года. Я проснулся, когда родители вернулись с какой-то вечеринки. Они смеялись и шутили, и когда я услышал, что они легли, я перевернулся на бок и уснул, но спал в ту ночь плохо, меня мучили кошмары.

Утро понедельника, 28 мая 1973 года, выдалось облачным. Мама еще не встала, поэтому мы все собрались сами и ушли в школу. Весь день внутри у меня была какая-то пустота. Вернувшись домой после школы, я с порога позвал:

— Мама, привет, я дома. — Ответа не последовало. Дом казался очень холодным и пустым. Я испугался. Дрожа, поднялся наверх и подошел к родительской комнате. Дверь была приоткрыта, но что

делается внутри, мне видно не было. Я позвал маму и толкнул дверь. Мама лежала рядом с кроватью. Я пытался ее разбудить, но она не просыпалась. Я понял, что она умерла. Я спустился вниз и сидел на диване, пока домой не пришла старшая сестра. Она увидела меня, сидевшего там, и сразу же бросилась наверх.

Я сидел в гостиной и смотрел, как отец разговаривает с полицейским. Смотрел, как санитары выносят на носилках тело моей матери. Я только сидел и смотрел, я не мог даже плакать. Я никогда не считал своего отца стариком, но в тот день он показался мне таким старым, как никогда после.

Во вторник, 29 мая 1973 года, был мой 11-й день рождения. Не было ни песенки, ни вечеринки, ни торта, мы просто сидели молча вокруг обеденного стола и смотрели на еду. Это все из-за меня. Если бы я пришел раньше, она была бы жива. Если бы был старше, она была бы жива. Если бы...

Многие годы я носил в себе чувство вины за мамину смерть. Я все вспоминал, что должен был делать и не делал. Все дерзости, которые я ей наговорил. Я действительно верил, что, поскольку был непослушным ребенком, Бог наказал меня, забрав мать. Больше всего меня волновало то, что я не смог с ней попрощаться. Я никогда больше не побываю в кольце ее теплых рук, не вдохну сладкого запаха ее духов, не получу поцелуя перед сном. Меня наказали, отняв у меня все это.

В свой 27-й день рождения, 29 мая 1989 года, я чувствовал одиночество и пустоту. Я так и не оправился от последствий, связанных со смертью матери, и не мог совладать со своими чувствами. Мой гнев на Бога достиг своего апогея. Я плакал и кричал Богу: «Почему ты забрал ее у меня? Ты не дал мне возможности попрощаться с ней. Я любил ее, а ты забрал ее у меня. Я только хотел обнять ее в последний раз. Ненавижу тебя!» Плача, я сидел в гостиной. Я чувствовал полное опустошение, когда вдруг на меня снизошло ощущение теплоты. Я физически почувствовал, что меня обнимают две руки. Я почувствовал знакомый, давно забытый аромат. Это была она. Я ощущал ее присутствие. Почувствовал ее прикосновение и ее аромат. Бог, которого я ненавидел, выполнил мое желание. Моя мать пришла ко мне, когда я нуждался в ней.

Сегодня я знаю, что моя мама всегда со мной. Я по-прежнему люблю ее всем сердцем и знаю, что она всегда будет пребывать в нем. Как раз в тот момент, когда я сдаюсь и смирился с тем, что она ушла навсегда, она дала мне знать, что ее любовь никогда меня не покинет.

Стэнли Д. Моулсон

Самый красивый ангел

Сердце глупца у него на языке, но язык мудрого человека у него в сердце.

Бенджамин Франклин

За последние 20 лет я выступал в образе Бенджамина Франклина перед самыми разными аудиториями. Хотя по большей части я работаю с корпоративными и профессиональными группами, я по-прежнему люблю выступать в школах. Работая с корпоративными клиентами за пределами Филадельфии, я прошу их спонсировать мои выступления в двух школах.

Я знаю, что даже очень маленькие дети прекрасно воспринимают то, что я стараюсь донести до них устами Бенджамина Франклина. Я всегда побуждаю их задавать любые вопросы, и нередко среди них попадаются очень интересные. Образ Бенджамина Франклина часто становится для учеников настолько реальным, что они с готовностью отбрасывают свое неверие и увлекаются беседой со мной, словно я действительно Бен Франклин.

Однажды после встречи в начальной школе я выступал перед пятиклассниками, отвечая на вопросы учеников, изучающих американскую историю. Один из них поднял руку и спросил:

— А разве вы не умерли?

Это был распространенный вопрос, и я ответил так:

— Да, я действительно умер 17 апреля 1790 года, когда мне было 84 года, но мне это не понравилось, и я больше никогда не собираюсь этого делать.

Я тут же попросил новых вопросов и вызвал мальчика из последнего ряда. Он спросил:

— Когда вы были на небесах, вы видели там мою маму? У меня остановилось сердце. Я захотел провалиться сквозь землю. Единственной моей мыслью было: «Не осрамись!» Я сообразил, что если 11-летний мальчик перед всем классом задает такой вопрос, значит, это событие случилось или совсем недавно, или имеет для него очень большое значение. Еще я понимал, что должен что-то сказать.

И тут я услышал свой голос:

— Не уверен, что та, о ком я думаю, была твоя мама, но если это так, то она там самый красивый ангел.

Улыбка на лице ребенка сказала мне, что я дал правильный ответ. Не знаю точно, откуда он взялся, но думаю, что мне немного помог оттуда самый красивый ангел.

Ралф Арчболд

4. Об отношении к обстоятельствам

Величайшее открытие моего поколения заключается в том, что человеческие существа могут изменять свою жизнь, изменяя установку своего разума.

Уильям Джеймс

Обескуражены?

Возвращаясь как-то домой после работы, я остановился, чтобы понаблюдать за игрой местной бейсбольной команды в парке рядом с моим домом. Сез позади скамьи первой линии, я спросил у одного из мальчиков, какой счет.

— Мы проигрываем четырнадцать очков всухую, — ответил он с улыбкой.

— В самом деле? Должен сказать, что вы не очень-то обескуражены этим.

— Обескуражены? — озадаченно переспросил мальчик. — А с чего нам быть обескураженными? Мы еще и за биты не брались.

Джеск Кэнфилд

Не место красит человека...

Те, кто хочет петь, всегда найдут песню.

Шведская пословица

Большинство людей счастливы настолько, насколько они сами этого хотят.

Авраам Линкольн

Если вы когда-нибудь проезжали через кассовую кабинку платного моста, вы знаете, что ваши отношения с человеком, сидящим в этой кабине, весьма поверхностные: вы подаете деньги, может быть, получаете сдачу, проезжаете. Я тысячу раз проезжал через все 17 кабинок на мосту через залив от Окленда до Сан-Франциско и никогда не перебросился ни с кем из кассиров хоть сколько-нибудь значащими словами.

В один из дней 1984 года, направляясь на ленч в Сан-Франциско, я подъехал к одной из кабинок и услышал громкую музыку. Похоже было на вечеринку или на концерт Майкла Джексона. Я осмотрелся. Автомобилей с открытыми окнами нет. Я посмотрел на кабинку кассы. Внутри танцевал мужчина.

— Что вы делаете? — спросил я.

— У меня вечеринка, — ответил он.

— А как же остальные? — Я посмотрел на другие кабинки, там все было спокойно.

— Они не приглашены.

Я хотел задать ему еще дюжину вопросов, но кто-то позади меня, пребывая в страшной спешке, начал давить на клаксон, чтобы я проезжал. Но я пообещал себе, что найду этого парня. Что-то в его глазах сказало мне, что в его кабине творятся чудеса.

Через несколько месяцев я действительно нашел его — все та же громкая музыка, снова вечеринка. И снова я спросил:

— Что вы делаете?

— Я помню вас с того раза, — ответил он. — Я по-прежнему танцую. У меня продолжается вечеринка.

— Но как же остальные...

— Стоп, — сказал он. — Что это вам напоминает? — Он указал на ряд кассовых кабинок.

— Ну... они похожи на... кассовые кабинки.

— Никакой фантазии!

— Ладно, сдаюсь, — сказал я. — А вам они что напоминают?

— Вертикально стоящие гробы, — ответил он.

— О чем это вы?

— Я могу доказать. В восемь тридцать каждое утро туда входят живые люди и умирают на восемь часов. В четыре тридцать они воскресают, как Лазарь, выходят и едут домой. Но в течение восьми часов их мозги не работают. Эти люди только выполняют движения.

Я был поражен. Этот парень подвел под свою работу философскую, мифологическую основу. Я не мог удержаться от следующего вопроса:

— А почему у вас по-другому? Вы неплохо проводите время.

Он посмотрел на меня.

— Я знал, что вы зададите этот вопрос. Когда-нибудь я стану танцором. — Он указал на административное здание. — Там сидит мое начальство, которое платит за мое обучение.

Шестнадцать человек мертвы на работе, а семнадцатый в точно таком же положении вырабатывает образ жизни. Этот человек устраивает вечеринку там, где мы с вами не продержались бы и трех дней. Скука! Потом мы как-то с ним обедали, и он сказал:

— Не понимаю, почему кто-то считает мою работу скучной. У меня свой рабочий уголок со стеклянными стенами. Я вижу Золотые Ворота, Сан-Франциско, холмы Беркли, здесь отдыхает половина Западного мира... а я просто вхожу каждое утро в свою кабинку и учусь танцевать.

Доктор Чарлз Гарфилд

Окно

Жизнь — это то, что мы из нее делаем, так всегда было и так всегда будет.

Бабушка Мозес

Жили как-то два человека, и оба они были серьезно больны. Они лежали в одной палате в большой больнице. В этой довольно маленькой палате было окно, откуда можно было смотреть на мир. Одному из мужчин в качестве лечебной процедуры разрешалось в течение часа сидеть днем на кровати (это было связано с оттоком жидкости из легких). Его кровать стояла у окна. А второй мужчина вынужден был весь день лежать на своей кровати пластом.

Каждый день первый мужчина, пока сидел в течение часа у окна, коротал время, описывая происходящее на улице. Окно выходило в парк, где было озеро. На озере плавали утки и лебеди, и дети приходили покормить их хлебом и запустить свои лодочки. Юные влюбленные гуляли рука об руку под деревьями, там росли цветы, зеленели лужайки, отдыхающие играли в мяч. А за деревьями парка виднелись величественные силуэты высотных зданий города.

Мужчина, который лежал на спине, слушал описания своего товарища, наслаждаясь каждой минутой. Он услышал о том, как один ребенок чуть не свалился в озеро и как красивы в летних платьях девушки. Благодаря описаниям своего соседа по палате у него со временем появилось чувство, будто он сам все это видел.

Но в один прекрасный день его посетила мысль: «Почему все удовольствие лицезреть мир за окном достается другому человеку? Почему бы и мне не попытаться счастья?» Ему было стыдно, но чем усерднее он старался не думать об этом, тем больше хотел перемены. Он сделает все, что угодно!

Однажды ночью, когда он лежал, уставясь в потолок, первый мужчина внезапно проснулся, кашляя и задыхаясь, его пальцы искали кнопку вызова сестры. Но второй мужчина смотрел не двигаясь — даже когда звук дыхания оборвался. Утром сестра нашла первого мужчину мертвым, и его тело тихо унесли.

Как только это показалось ему приличным, оставшийся мужчина попросил переместить его на кровать у окна. Его переложили, подоткнули одеяло, проследили, чтобы ему было удобно. Как только все ушли, он с трудом, с болью приподнялся на локте и посмотрел в окно.

За ним высилась глухая стена.

Автор неизвестен Предоставлено Рональдом Далстеном и Гарриет Линдси

Оптимист

Это история о близнецах. Один был полный надежд оптимист. «Все к лучшему!» — говаривал он. Второй был печальный и безнадежный пессимист, которого ничто не радовало. Встревоженные родители повели их к местному психологу.

Он предложил родителям план, чтобы как-то выровнять отношение близнецов к жизни.

— В следующий день рождения пусть ваши дети развернут свои подарки в разных комнатах. Пессимисту положите самые лучшие игрушки, которые вы можете себе позволить, а оптимисту подарите коробку навоза.

Родители последовали совету и терпеливо стали ждать результатов.

Когда они заглянули в комнату пессимиста, то услышали, как он жалуется вслух:

— Цвет компьютера мне не нравится... Готов спорить, что калькулятор сломается... Эта игра мне не нравится... Я знаю, что кто-то получил игрушечную машинку еще больше...

Родители на цыпочках прошли ко второй комнате и увидели, что их маленький оптимист весело подбрасывает навоз в воздух. Мальчик хихикал:

— Вы меня не обманете! Столько навоза — значит, точно есть пони!

Автор неизвестен Из книги Брайана Кавано «Новые семена для посева»

Красное платье мамы Милли

Оно висело в гардеробе, мамино красное платье,
Пока она умирала,
Оно, как вспышка, в ряду
Старой, темной одежды,
Которую она носила всю свою жизнь.

Меня позвали домой,
И когда я ее увидела, то поняла,
Что жить ей осталось недолго.

Когда я увидела это платье, я сказала:
— Мама... какое красивое!
Никогда тебя в нем не видела,

— Я никогда его не носила, — медленно ответила она.
Сядь, Милли... я бы хотела, прежде чем уйду,
Преподать тебе урок-другой, если смогу.

Я села у ее постели,
А она вздохнула так глубоко,
Что я подумала, она не выдержит.
— Теперь, когда меня скоро не станет,
Мне кое-что становится понятным.
О, я хорошо тебя воспитывала... но неправильно.
— Что ты хочешь сказать, мама?
— Я всегда думала,
Что хорошая женщина никогда не думает о себе,
Что она нужна, чтобы обслуживать других.
Сделать то, сделать это,
Всегда выполнять желания других,
А свои оставлять напоследок.

Может, когда-нибудь, ты до них и доберешься.
Но, разумеется, этого никогда не случается.
Моя жизнь была именно такой —
Я обслуживала твоего отца, сыновей, твоих сестер, тебя.

— Ты делала все, что может сделать мать.

— О, Милли, Милли, в этом не было ничего хорошего...
Ни для тебя... ни для него. Неужели ты не понимаешь?
Я сделала для тебя самое худшее, что можно, было сделать.
Я ничего не просила для себя!

Твой отец в соседней комнате,
Расстроенный, глядит в пустоту...
Когда доктор сказал ему,
Он очень плохо воспринял эту новость...
Подошел к моей кровати и чуть не вытряс из меня душу.
— Ты не можешь умереть,
Ты слышишь? Что будет со мной?
«Что будет со мной?»
Да, тяжело ему будет, когда я уйду,
Он и сковородки-то найти не сможет, ты же знаешь.

А вы, дети...

Вы все сидели у меня на шее.
Семь дней в неделю
Я первой поднималась и последней ложилась.
Я всегда брала себе подгорелый тост
И самый маленький кусок пирога.

Я смотрю, как некоторые из твоих братьев
Обращаются со своими женами,
И мне делается плохо, потому что это я
Научила их этому. И они усвоили урок.
Они усвоили, что женщина существует
Только для того, чтобы давать.
Естественно, ведь каждый сэкономленный мной пенни
Шел на вашу одежду или ваши книжки,
Даже когда в этом не было нужды.
Не припомню ни одного раза, чтобы я сходила
В центр города, чтобы купить что-нибудь красивое...
Себе.

Кроме прошлого года, когда я купила это красное платье.
У меня нашлись двадцать долларов,
Которые никто не потребовал.
Я шла заплатить судомойке.
Но почему-то... пришла домой с большой коробкой.
Твой отец здорово тогда на меня накинудся.
«Куда ты собираешься ходить в таком платье...
В оперу или еще куда?»
И думаю, он был прав.
Я никуда не надевала это платье,
Только в магазин.

О, Милли... я всегда думала, что если ты
Ничего не берешь для себя в этом мире,
Ты все получишь в следующем.
Я больше этому не верю.
Я думаю, что Господь хочет, чтобы мы имели что-то...
Здесь... и сейчас.
И я говорю тебе, Милли, что если случится чудо
И я встану с этой кровати, тебе следует поискать
Другую мать, потому что я буду одна.
О, я так давно пропустила свою очередь,
Что вряд ли соображу, как туда попасть.
Но я научусь, Милли.
Я научусь!

Оно висело в гардеробе, мамино красное платье,
Пока она умирала,
Оно, как вспышка, в ряду
Старой, темной одежды,
Которую она носила всю свою жизнь.
Ее последние слова ко мне были:
— Окажи мне честь, Милли,
Не ходи по моим стопам.
Обещай мне это.

Я пообещала.
У нее перехватило дыхание,
А затем мама нашла свою очередь
К смерти.

Установка — один из жизненных выборов

Счастливым человек — это не человек в определенных обстоятельствах, а, скорее, человек с определенным набором установок.

Хью Даунс

В декабре мы с женой Тией купили новый автомобиль. И хотя у нас были билеты на рейс из Калифорнии до Хьюстона — мы должны были навестить родных жены, — мы решили поехать в Техас на машине, чтобы обкатать новый автомобиль. Погрузив вещи, мы отправились в путь, предвкушая чудесную неделю, которую проведем с бабушкой.

Мы прекрасно провели время, до последнего оттягивая расставание с бабушкой. На обратном пути нам нужно было спешить, поэтому мы ехали без остановок — пока один вел машину, другой спал. Проехав под проливным дождем несколько часов, мы добрались до дома поздно ночью. Мы устали и мечтали о горячем душе и мягкой постели. Мне не терпелось, несмотря ни на какую усталость, разгрузить машину, но Тия хотела в душ и в постель, поэтому мы решили подождать до утра.

В семь утра мы встали свежие и готовые разгрузить машину. Когда же мы открыли парадную дверь, на подъездной дорожке автомобиля не было! Мы переглянулись, посмотрели на дорожку, снова переглянулись... Наконец Тия задала чудесный вопрос:

— А где ты оставил машину?

Я со смехом ответил, что на дорожке. Но мы все равно вышли, надеясь, что, может, наша машина волшебным образом съехала с дорожки и припарковалась на обочине, но ее там не было.

Потрясенные, мы позвонили в полицию и заполнили заявление, которое якобы приводило в действие нашу высокотехнологичную поисковую систему. Для верности я также позвонил в компанию этой поисковой системы. Они заверили, что в течение двух часов они рассчитывают на 98 процентов успеха. Я позвонил через два часа и спросил:

— Где моя машина?

— Мы еще ее не нашли, мистер Харрис, но теперь рассчитываем на 94 процента успеха в течение четырех часов.

Прошли еще два часа, я снова позвонил с тем же вопросом. И мне снова ответили:

— Мы еще не нашли вашу машину, теперь процент успеха — 90 в течение восьми часов.

На это я сказал:

— Ваши проценты ни о чем мне не говорят, поэтому позвоните, когда найдете.

Позднее в тот день по телевизору показывали рекламу, где производитель автомобилей спрашивал:

— Хотите такой автомобиль на своей подъездной дорожке?

Я ответил:

— Конечно! Вчера у меня уже был один.

День шел, а Тия все больше приходила в уныние, вспоминая все новые и новые вещи, которые были в машине, — наш свадебный альбом, невосполнимые семейные фотографии прошлых поколений, одежду, фотокамеру, мой бумажник, ее чековую книжку, и это далеко не все. Для нашего выживания эти предметы почти ничего не значили, но в тот момент казались вещами огромной важности.

Озабоченная и расстроенная, Тия спрашивала меня:

— Как ты можешь шутить по этому поводу, когда наша новенькая машина и все эти вещи пропали?

Я ответил так:

— Милая, мы можем огорчаться, оставшись без машины, а можем чувствовать себя счастливыми, лишившись ее. Машину у нас украли в любом случае. Я искренне верю, что наши установки и настроения — это наш выбор, и в настоящий момент мой выбор — быть счастливым.

Через пять дней машину нам вернули, без вещей и с повреждениями на 3000 долларов. Я отправил ее в ремонт и был рад услышать, что ее вернут через неделю.

В конце той недели, сдав взятый напрокат автомобиль, я получил наш и, радостный и довольный, поехал домой. К сожалению, эти чувства продлились недолго. По дороге домой, на съезде с нашего шоссе, я стукнул в задний бампер другую машину. Та машина не пострадала, а вот нашей был причинен ущерб — опять на 3000 долларов и опять надо обращаться в страховую компанию. Мне удалось добраться до дома, но когда я вышел, чтобы оценить повреждения, то обнаружил, что спустила передняя левая шина.

Пока я вот так стоял на подъездной дорожке, глядя на машину и прикидывая, что снова придется

брать напрокат автомобиль, домой вернулась Тия. Подойдя, она окинула взглядом эту картину и сказала, обняв меня:

— Дорогой, мы можем огорчаться, повредив машину, а можем чувствовать себя счастливыми, повредив ее. Так или иначе машина у нас повреждена, поэтому давай будем счастливы.

В ответ я от души расхохотался, и мы чудесно закончили этот день.

Боб Харрис

5. Об учениках и учителях

Через сто лет не будет иметь никакого значения, какой автомобиль вы водите, в каком доме живете, сколько у вас на банковском счете или как выглядит ваша одежда. Но мир может стать чуточку лучше, если вы сыграли важную роль в жизни какого-нибудь ребенка.

Маргарет Фишбэк Пауэре

Copyright ©1995 by Margaret Fishback Powers.



МИССИС ХЭММОНД! ПО ПОРТРЕТУ, СДЕЛАННОМУ МАЛЫШОМ БИЛЛИ,
Я УЗНАЮ ВАС ГДЕ УГОДНО.

Drawing by Frascino; ©1988 The New Yorker Magazine, Inc.

Волшебные камешки

Привычка ограничивает нашу жизнь. Она влияет на нас больше, чем самые личные социальные связи. На нашу жизнь влияют не столько наши ближайшие друзья, сколько наши мысли.

Дж. У. Тил

— Почему мы должны учить всю эту никому не нужную ерунду?

Именно этот вопрос чаще всего задавали мне ученики за годы моего преподавания. В ответ я рассказываю им следующую легенду.

Как-то вечером группа паломников готовилась остановиться на ночлег, когда внезапно вокруг них засиял небывалый свет. Они поняли, что к ним снизошло небесное существо. С трепетом ждали они важного божественного послания, которое было предназначено, как они считали, именно для них.

Наконец раздался голос: «Соберите как можно больше камешков. Положите их во вьючные мешки. Путешествуйте в течение дня, и к следующему вечеру вы обретете радость и печаль».

Покинув место стоянки, кочевники выражали разочарование и злились друг на друга. Они

ожидали откровения, касающегося великой вселенской истины, которая поможет им принести в мир богатство, здоровье и смысл существования. Но вместо этого им дали какое-то незначительное задание, в котором они не видели никакого смысла. Однако, памятуя о сиянии, исходившем от посетившего их существа, каждый из них, недовольно ворча, положил по несколько камешков в свой мешок.

Они проехали целый день и вечером, разбивая лагерь, заглянули в свои вьюки и обнаружили, что камешки превратились в алмазы. Люди обрадовались, что у них появились алмазы. И опечалились, что не взяли больше камешков.

Случай, произошедший с одним из моих учеников по имени Алан, проиллюстрировал для меня истинность этой легенды.

Когда Алан учился в восьмом классе, он очень преуспел в разного рода неприятностях. Он учился хулиганить и получал наивысшие оценки по воровству.

Каждый день мои ученики должны были запоминать какое-нибудь высказывание выдающегося мыслителя. Устраивая переключку, я по очереди называл учеников, начинал цитату, а ученик должен был ее закончить, чтобы подтвердить свое присутствие.

— Элис Адаме... Самая большая ошибка...

— ...Это отступать при первой же неудаче. Я здесь, мистер Шлаттер.

Таким образом, к концу года ученик запоминал 150 великих сентенций.

— Думайте, что вы можете, думайте, что вы не можете, — в любом случае вы правы!

— Если вы видите препятствия, значит, вы отвлеклись от цели.

— Циник — это тот, кто всему знает цену, но ничего не ценит.

И разумеется, высказывание Наполеона Хилла:

— Если вы можете задумать это и верить в это, значит, вы можете этого достичь.

Никто не жаловался на эту переключку больше Алана — до того дня, когда его исключили. И с тех пор я на пять лет потерял с ним связь. Затем он вдруг позвонил мне. Он только что вышел на поруки и учился по специальной программе в одном из соседних колледжей.

Он рассказал, что за свои выходки докатился до тюрьмы и в какой-то момент настолько опротивел сам себе, что вскрыл вены.

— И знаете, мистер Шлаттер, я лежал, и жизнь вытекала из меня, и вдруг я вспомнил одну дурацкую цитату, которую вы однажды заставили меня написать двадцать раз: «Самая большая ошибка — это отступать при первой же неудаче». И я словно очнулся. Пока я жив, я ничего не потерял, но как только я позволю себе умереть, я умру неудачником. Поэтому, собрав оставшиеся силы, я позвал на помощь и начал новую жизнь.

В тот момент, когда он впервые услышал эту фразу, она была для него камешком. Когда же она пришла к нему в критической ситуации, то превратилась в алмаз. Поэтому я и говорю вам: собирайте все камешки, какие можете, и со временем они превратятся для вас в алмазы.

Джон Уэйн Шлаттер

Мы отстающие

В первый день преподавания во всех классах у меня все шло хорошо. И я решила, что учительский хлеб дается мне легко. А затем пошла на седьмой урок, последний в тот день.

Подходя к классу, я слышала треск мебели. Войдя, я увидела, что один мальчик повалил другого на пол и сидит на нем верхом.

— Слушай, ты, отстающий! — говорил лежавший. — Мне плевать на твою сестру!

— Держись от нее подальше, ты понял? — угрожал сидевший на нем.

Напустив на себя строгий вид, я велела им прекратить драку. Внезапно ко мне повернулись 14 пар глаз. Я поняла, что вид у меня не слишком уверенный. Сердито поглядев друг на друга и на меня, мальчики заняли свои места. В этот момент из класса напротив выглянул учитель и закричал на моих учеников, велел им сесть по местам, молчать и слушаться меня. Я почувствовала свою полную беспомощность.

Я пыталась объяснить материал, который подготовила, но на меня были обращены настороженные лица. По окончании урока мальчик, который начал драку, назовем его Марк, сказал мне:

— Леди, не тратьте попусту время, мы отстающие. — И вышел из класса.

Потрясенная, я опустилась на стул, пытаюсь понять, зачем я стала учителем. И как справиться с этой проблемой — сбежать? Я сказала себе, что потерплю год, а следующим летом выйду замуж и займусь чем-нибудь более благодарным.

— Досталось вам от них, да? — Это был мой коллега из класса напротив. Я кивнула.

— Не переживайте, — сказал он. — Я учил большинство из них в летней школе. Их всего четырнадцать, и большинство все равно не окончит школу. Не тратьте время на этих детей.

— Что вы имеете в виду?

— Это дети сезонных рабочих. Они живут в хибарах в поле. Ходят в школу, когда им хочется. Старайтесь, чтобы они всегда были при деле и сидели тихо. Если что, посылайте их ко мне.

Собираясь домой, я не могла забыть лица Марка, когда он говорил: «Мы отсталые». Отсталые. Это слово не давало мне покоя. Я поняла, что должна сделать что-то из ряда вон выходящее.

Назавтра я попросила того коллегу больше не заходить ко мне в класс. Я должна была сама справиться с детьми. Войдя в класс, я посмотрела в глаза каждому ученику, а потом написала на доске СИНЬЕЖД:

— Это мое имя, — сказала я. — Вы можете его назвать? Они сказали, что оно «странное», что никогда такого раньше не видели. Тогда я написала на доске: ДЖЕЙ-НИС. Некоторые произнесли его вслух и удивленно на меня посмотрели.

— Вы правы, меня зовут Джейнис, — сказала я. — Я не способна к учению, это называется дислексия. Когда я пошла в школу, то не могла правильно написать свое имя. Я не могла запомнить порядок букв, и цифры путались у меня голове. Меня называли отсталой. Все верно... я была отсталой. До сих пор я слышу эти ужасные голоса и чувствую стыд.

— А как же вы стали учительницей? — спросил кто-то.

— Потому что я ненавижу ярлыки, я не тупая и люблю учиться. И таким будет и этот класс. Кому нравится ярлык «отсталый», тому лучше перейти в другой класс. А в этой комнате отсталых нет.

— Поблажек вам от меня не будет, — продолжала я. — Мы собираемся много работать, пока вы не нагоните материал. Вы закончите школу, и я надеюсь, что кто-то из вас пойдет в колледж. Это не шутка... это обещание. И я никогда больше не желаю слышать в этом классе слово «отсталый». Вы поняли?

Они как будто слегка выпрямились на своих стульях.

Нам действительно пришлось много работать, и результаты не замедлили сказаться. Особенно выделялся Марк. Я слышала, как он говорил какому-то мальчику в коридоре: «Это очень хорошая книга. Мы больше не читаем книжки для малышей». Он держал в руках «Убить пересмешника».

Шли месяцы, дети делали удивительные успехи. Потом однажды Марк сказал: «Но люди все равно считают нас глупыми, потому что мы неправильно говорим». Я ждала этого момента. Теперь мы могли приступить к глубокому изучению грамматики, потому что они сами этого хотели.

Мне было жаль, что приближается июнь, — им так хотелось учиться. Все мои ученики знали, что я собираюсь замуж и уеду из этого штата. Однако учащиеся из класса «седьмого урока» приходили в явное возбуждение, когда я об этом говорила. Мне было приятно, что они меня полюбили, но в чем тут дело? Неужели они злились, что я оставляю эту школу?

В последний день занятий у входа в школу меня встретил директор.

— Прошу вас, пройдемте со мной, — напряженно произнес он. — В вашем классе проблемы. «Что могло случиться?» — мысленно удивилась я.

Ничего подобного я никогда в жизни не видела! Во всех углах комнаты стояли цветы, букеты на партах, на шкафах, ковер цветов устилал мой стол. Как им это удалось? Большинство из них были настолько бедны, что получали теплую одежду и нормальное питание только за счет специальной школьной программы.

Я расплакалась, они заплакали тоже.

Позже я узнала, как они заполучили столько цветов. Марк, который по выходным работал в местном цветочном магазине, увидел заказы от нескольких других моих классов. Он сказал об этом одноклассникам. Слишком гордый, чтобы его заклеямили еще и ярлыком «бедный», Марк попросил у хозяина магазина разрешения забрать все вялые цветы. Затем он зашел в похоронное бюро и объяснил, что его классу нужны цветы для учительницы, которая уезжает. Там согласились отдать им букеты, оставшиеся от похорон.

Это был не единственный подарок, полученный от них. Два года спустя четыре ученика закончили среднюю школу, а шестеро получили стипендии на поступление в колледж.

Сейчас, через двадцать восемь лет, я преподаю в академически сильной школе недалеко от того места, где начиналась моя карьера. Я узнала, что Марк женился на девушке, которая нравилась ему в колледже, и теперь он преуспевающий бизнесмен. И кроме того, три года назад сын Марка с отличием закончил мой английский класс.

Иногда я со смехом вспоминаю окончание своего первого рабочего дня! Подумать только, я думала о том, чтобы заняться чем-нибудь другим, более благодарным!

Джейнис Андерсон Коннолли

Руководитель скаутов спасает выступление

На протяжении нескольких недель театральная труппа готовила программу для родительского дня. Все шло хорошо. Стены были украшены, скауты — полны энтузиазма, планировалось и вкусное угощение.

Тамада прекрасно справлялся со своей задачей. Собравшиеся пели песни с уважительно сдерживаемым энтузиазмом, характерным для программы родительского дня.

Затем поднялся желавший выступить Джимми Дэвис. Он много недель ждал этого момента. Увидев сияющее лицо матери и уверенное лицо отца, мальчик начал говорить с подъемом и, сознавая, какое уважение ему оказывают, слушая со вниманием, сделался еще более красноречивым.

Но потом что-то произошло. Все поплыло у Джимми перед глазами, он стал говорить медленнее, запнулся и остановился. Он покраснел, лихорадочно сжал руки и беспомощно посмотрел на руководителя скаутов.

Наставник Джимми, который много раз слышал речь своего воспитанника, репетируя ее с ним, подсказал забытые слова, и мальчик снова заговорил. Но все было уже не то. Идеального выступления не получилось.

Джимми снова замолчал — и снова его руководитель помог ему. И в оставшиеся две минуты говорил больше он, чем мальчик.

Но Джимми все же закончил и сел с тяжким грузом на сердце. Он понимал, что провалился. На лице его матери была написана досада, а на лице отца явно читалось болезненное сознание стыда.

Собравшиеся вежливо поаплодировали, жалея мальчика, который, по их мнению, с задачей не справился.

Поднялся руководитель скаутов. И всем пришлось прислушиваться, потому что говорил он негромко. Что же он сказал?

— То, что сейчас произошло, доставило мне больше радости, чем вы можете себе представить. Вы видели, как мальчик одержал блистательную победу там, где мог потерпеть сокрушительное поражение. Джимми мог не продолжать. Прекратить выступление было бы легче. Но закончить речь перед лицом двухсот человек — на это требовалось большое мужество. Уверен, сегодня вам еще предстоит услышать множество удачных речей, но я также уверен, что вы не увидите такой силы духа, какую только что продемонстрировал нам Джимми, — довести дело до конца, даже столкнувшись с трудностями!

Теперь присутствующие разразились аплодисментами. Мать Джимми сидела, гордо выпрямившись. К отцу мальчика вернулась прежняя уверенность. А Джимми, у которого в горле стоял комок, сказал сидевшему рядом другу:

— Я бы хотел когда-нибудь стать таким руководителем скаутов, как наш.

Уолтер Макпик Предоставлено Мартином Лоу

Что происходит с нынешней молодежью?

Если вы будете обращаться с человеком... словно он такой, каким должен и может быть, он и станет таким, каким должен и может быть.

Гете

Сегодня молодые люди растут быстрее. Им нужна наша помощь.

Но что я мог сделать?

Мой внутренний голос спрашивал меня, почему я не являюсь образцом для современного поколения молодых людей. Я не могу им быть. Я не психолог и не обладаю влиянием политика, способного изменять сознание масс.

Я инженер-электрик. Закончил Университет Виргинии и теперь работаю в компании «Хьюлетт-Паккард».

Но эта мысль не оставляла меня.

И в конце концов я решил что-нибудь предпринять. Я позвонил в соседнюю среднюю школу и сказал директору, что хотел бы помочь. Тот очень заинтересовался и пригласил меня приехать во время ленча. Я согласился.

Приехав в полдень в школу, я очень волновался, захотят ли ученики разговаривать с посторонним. Я уже несколько лет не бывал в школе, и ученики в коридорах казались мне старше своих лет. Большинство из них было одето в мешковатую одежду.

Наконец я добрался до нужного мне класса, до комнаты 103, где должен был побеседовать с учениками. Сделав глубокий вдох, я открыл дверь. В классе сидели и болтали 32 ученика. Когда я вошел, все замолчали, устремив на меня взгляды.

— Привет, я Марлон.

— Привет, Марлон, заходите.

«Они меня приняли», — с облегчением подумал я.

В то первое часовое занятие мы непринужденно разговаривали о жизненных целях, о важности школы и о разрешении конфликтов без применения силы. Когда прозвенел звонок, я не хотел заканчивать. Я только вошел во вкус, а уже надо было возвращаться на работу. Я не мог поверить, что все это мне так понравилось. На работу я приехал в приподнятом настроении.

Так продолжалось месяц. В школе у меня появились друзья. Мои занятия нравились ученикам, но не все были в восторге от моих визитов.

Там был такой парень — Пол. Я его никогда не забуду. Рост под два метра, килограммов 100 весом. Его перевели в эту школу недавно. Говорили, что у него уже были нелады с законом, и учителя его боялись. И неудивительно, потому что два года назад он толкнул одного учителя во время спора. Ему позволяли делать, что он хотел. Он опаздывал на занятия, я ни разу не видел у него в руках книгу, потому что учиться ему было неинтересно.

Иногда он приходил на мои занятия, но никогда ничего не говорил. Если я пытался вовлечь его в беседу, он только отвечал мне пристальным взглядом. Запугивал меня. Он был похож на бомбу замедленного действия, готовую взорваться в любой момент. Но я не собирался сдаваться. Каждый раз, когда он приходил, я пытался вовлечь его в обсуждение. Но он интереса не проявлял.

Однажды мне это надоело, и бомба взорвалась.

Мы обсуждали поступление в колледж. Ученики вырезали из журналов фотографии, касающиеся выбранных ими профессий, и приклеивали на специальную доску. Мы уже работали так 20 минут, когда вошел Пол.

Я спросил, кто желает рассказать классу о своей будущей профессии. Встала Джули, маленькая девчушка, которая поначалу была очень застенчивой, и сказала, что хочет стать врачом.

Внезапно с последнего ряда раздался смех.

— Да что ты говоришь! Врачом, ты? Да ты вообще никем не станешь.

Все обернулись, это смеялся Пол.

Я был в шоке, не мог поверить своим ушам. Воцарилась полная тишина. Все ждали, что я сделаю.

— Пол, так не поступают. Кто ты такой, чтобы так унижать человека?

— Слушай, учитель, отстань, а? Ты что, меня не уважаешь? Да ты знаешь, кто я такой? Я настоящий гангстер. Не связывайся со мной, а то пожалеешь. — И направился к двери.

— Нет, Пол, так не пойдет. Ты не имеешь права никого унижать. Хватит — значит хватит. Тебе не обязательно сюда ходить. Или ты работаешь с группой, или нет. Здесь собралась команда единомышленников, и у тебя, Пол, большой потенциал. Мы хотим, чтобы ты участвовал, ты можешь многое предложить своей группе. Мне дорог и ты, и вся группа. Поэтому я сюда и прихожу. Ты будешь игроком нашей команды?

Пол кинул на меня через плечо устрашающий взгляд и вышел, хлопнув дверью. Весь класс был потрясен разыгравшейся сценой, я тоже.

Когда после занятия я шел к своей машине, меня кто-то окликнул. Обернувшись, я с удивлением увидел Пола. Он быстро шел ко мне. Сначала я испугался, хотел позвать на помощь, но все произошло так быстро, что я даже не успел пошевелиться.

— Мистер Смит, вы помните, что сказали мне?

— Да, Пол.

— Вы правду сказали, что я вам дорог и что вы хотите взять меня в команду?

— Ну конечно, Пол.

— Мне еще никто в жизни не говорил, что я кому-то дорог. Вы первый. Я хочу быть частью команды. Спасибо, что вы смогли дать мне отпор. Я завтра попрошу извинения у Джули перед всем классом.

Я не верил своим ушам. Я снова был в шоке и не находил слов.

Когда же Пол ушел, меня охватила радость. Я действительно был тронут. В тот день я решил посвятить свою жизнь тому, чтобы помогать нашей молодежи осознавать свой истинный потенциал.

Марлон Смит

Шифр на снегу

Все началось с трагедии холодным февральским утром. Направляясь в школу, я ехала следом за автобусом из Милфорд-Корнере, как обычно делаю во время снегопада по утрам. Автобус остановился у гостиницы, чего обычно не делал, и я была раздражена из-за этой непредвиденной остановки. Из автобуса вышел мальчик, покачнулся, споткнулся и упал на снег, покрывавший тротуар. Мы с

водителем автобуса подбежали к нему одновременно. Худое лицо казалось белым даже на белом снегу.

— Он умер, — прошептал шофер.

Мгновение я ничего не соображала. Увидела испуганные юные лица в окнах школьного автобуса.

— Врача! Быстро! Я позвоню из гостиницы!

— Бесполезно. Говорю вам, он мертв. — Водитель посмотрел на неподвижное тело. — Он даже не сказал, что плохо себя чувствует. Только постучал меня по плечу и сказал, тихо так: «Извините, мне надо выйти у гостиницы». И все. Вежливый такой.

Когда печальная весть разнеслась по школе, все притихли. Дети в коридорах переспрашивали друг у друга, кто умер, но никто не знал, как его звали. «Кто-то из Милфорд-Корнерс», — говорили ученики.

Директор попросил меня съездить к родителям мальчика и сообщить им о смерти сына.

— Телефона у них нет, да и все равно кто-то из школы должен сказать им лично. Я вас подменю.

— Но почему я? Не лучше ли было бы поехать вам?

— Я не знал этого мальчика, — заметил директор. — А в прошлом году, как я заметил, он назвал вас в опросе своей любимой учительницей.

Я ехала по плохой, заснеженной дороге по каньону к дому Эвансов и вспоминала об этом мальчике, Клиффе Эван-се. Его любимая учительница! Да за два года он и двух слов мне не сказал! На моих уроках литературы он всегда сидел в последнем ряду. Приходил один и уходил один. «Клифф Эванс, — думала я, — мальчик, который никогда не улыбался. Я ни разу не видела, чтобы он улыбался».

В большой кухне на ферме было чисто и тепло. Я кое-как выложила свою новость. Миссис Эванс ощупью нашла стул, села.

— Он никогда не говорил, что у него что-то болит.

— Он никогда ничего ни о чем не говорил с тех пор, как я сюда переехал, — фыркнул его отчим.

Миссис Эванс встала, поставила сковородку назад на плиту и начала отвязывать фартук.

— Постой, — приказал ей муж, — мне нужно позавтракать. Мы уже все равно ничего не можем сделать. Если бы Клифф не был таким тупицей, он бы сказал нам, что плохо себя чувствует.

После занятий я сидела в кабинете и смотрела на разложенные передо мной бумаги. Я должна была закрыть дело мальчика и написать некролог в школьную газету. Материала было до смешного мало. «Клифф Эванс, белый, официально не усыновлен своим отчимом, имеет пять сводных братьев и сестер». Вот практически и вся информация, да табель успеваемости, очень невысокой.

Клифф Эванс молча входил в дверь класса утром и выходил вечером, вот и все. Он никогда не ходил ни в какой клуб. Не занимался спортом. Насколько я помнила, он ни разу не пошумел, не повозился, как любят дети. Он никогда никем не был.

Как мальчик превратился в нуль? Школьные записи подсказали мне ответ. В первом и во втором классах учителя отмечали, что это «милый, тихий ребенок; застенчивый, но полный энтузиазма». С третьего класса все изменилось. Кто-то из учителей написал красивым, твердым почерком: «Клифф не разговаривает. Не идет на контакт. Медленно воспринимает материал». Еще один умник написал: «Недалекий, несообразительный, низкий коэффициент интеллекта». Все правильно. В девятом классе его коэффициент интеллекта составлял 83. Но в третьем равнялся 106. Ниже ста он не опускался до седьмого класса. Даже у застенчивых, милых детей хватает жизнестойкости. Чтобы сломаться, нужно время.

Я бросилась к машинке и напечатала резкий отчет о том, что образование сделало с Клиффом Эвансом. Один экземпляр положила на стол директору, а другой сунула в потрепанное дело и, хлопнув дверью кабинета, поехала домой. Но лучше мне не стало. За мной все шел мальчик, с худым лицом, тщедушный, в потертых джинсах, с большими глазами, которые все искали ответа, а потом их заволокла смертная пелена.

Могу себе представить, сколько раз его выбирали в команду последним, сколько раз не допускали в ведущуюся шепотом беседу. Я словно видела лица и слышала голоса, которые без конца повторяли: «Ты глупый. Ты глупый. Ты пустое место, Клифф Эванс».

Ребенок — это существо, которое верит. Клифф, без сомнения, поверил им. Внезапно мне стало ясно: когда для Клиффа Эванса уже больше ничего не осталось, он упал на заснеженный тротуар и умер. Врач может написать в графе «Причина смерти» болезнь сердца, но я своего мнения не изменю.

Джин Тод Хантер

Reprinted by permission of Jean Tod Hunter

Простое прикосновение

Хлопнула задняя дверь — ко мне пришел мой друг Чарли. Он сразу же направился к

холодильнику, взял пиво и уселся на стул на кухне. Я с интересом смотрела на него.

Вид у него был потрясенный и озадаченный, как у человека, который встретил привидение или только что осознал свою собственную смертность. Под глазами у него залегли круги, и он периодически качал головой, словно вел внутреннюю беседу. Наконец он сделал большой глоток пива и встретился со мной взглядом.

Я сказала, что выглядит он ужасно. Он согласился и добавил, что чувствует себе еще хуже. А потом рассказал поразительную историю.

Чарли преподает искусство в местной школе. Он работает там уже много лет и пользуется уважением коллег и любовью школьников. В тот день Чарли навестила его бывшая ученица, вернувшаяся в город после четырех или пяти лет отсутствия. Она похвасталась ему обручальным кольцом, младенцем и успешной карьерой.

Чарли снова отхлебнул пива. Значит, дело в том, подумала я, что он осознал собственную смертность. Для учителя годы летят быстро, и всегда несколько обескураживает, когда недавняя твоя ученица уже молодая женщина с ребенком.

— Нет, дело совсем не в этом, я получил урок, урок через унижение, — сообщил мне Чарли.

Его гостьей была Анджела, она занималась в его художественном классе, и он помнил ее тихой, некрасивой девушкой, замкнутой, но с застенчивой улыбкой откликавшейся на дружеское участие.

Теперь это была уверенная в себе молодая женщина, мать, которая сама начинала разговор, а не отвечала на вопросы. И она не просто так приехала к своему бывшему учителю. После необходимых формальностей она сразу приступила к делу.

— Когда я училась в средней школе, меня изнасиловал отчим. Ночью он ударил меня и залез в мою постель. Это было ужасно. Мне было очень стыдно, и я никому ничего не сказала. Об этом никто не знал. Наконец родители уехали куда-то на выходные, и я впервые осталась дома одна. Я решила убежать.

Они уехали в четверг вечером, поэтому всю ночь я готовилась. Сделала домашнее задание, написала длинное письмо матери и привела в порядок свои вещи. Я купила большой рулон скотча и целый час заклеивала изнутри все окна и двери гаража. Вставила ключи в зажигание маминого автомобиля, посадила на пассажирское сиденье плюшевого мишку и пошла спать.

Мой план был таков: в пятницу я еду на автобусе в школу и на нем же возвращаюсь домой, жду звонка родителей, разговариваю с ними, а затем иду в гараж и включаю мотор. Я рассчитала, что до вечера воскресенья, когда вернутся родители, меня никто не найдет. Я буду мертва. Я буду свободна.

Анджела придерживалась своего плана до восьмого урока, когда Чарли, ее учитель по художественному классу, сел рядом с ней на табурет, посмотрел ее работу, что-то подправил и, слегка обняв за плечи, поговорил еще о чем-то незначительном и пошел к другим ученикам.

Вернувшись в тот день домой, Анджела написала матери другое прощальное письмо. Она отклеила скотч, упаковала медведя вместе с другими вещами и позвонила священнику, который немедленно за ней приехал. Так она покинула родительский дом и больше в него не вернулась. Она была уверена: ее жизнь удалась благодаря Чарли.

Когда он закончил свой рассказ, мы еще немного поговорили о школе, о том, что учителям запрещают касаться учеников, о подходе к общению в школе как к пустой трате времени, о том, что само число учеников мешает подходить к каждому персонально. Мы задумались о том, сколько же раз мы лишь мимоходом узнавали о проблемах своих подопечных. Потом мы посидели в тишине, размышляя. Сколько подобных прикосновений происходит каждый день в школах, церквях, магазинах. В этом нет ничего особенного. Такие взрослые, как Чарли, делают это неосознанно, не думая.

Затем Чарли поделился своим видением этого случая. Анджела решила в тот момент, что если она настолько небезразлична даже просто дружелюбно настроенному учителю, что он нашел время остановиться, посмотреть на нее, выслушать, тогда, наверное, должны быть и другие такие люди. И она может их найти.

Потом Чарли посмотрел на меня и медленно произнес, подчеркивая каждое слово:

— Нэнси, что самое постыдное в этой истории, я даже не помню такого эпизода!

И спустя столько лет она вернулась, чтобы сказать ему, что он спас ей жизнь.

Нэнси Мурман

Адам

После второй операции на сердце в детской больнице Западного Онтарио мою шестилетнюю дочь Келли перевели из реанимации в обычную палату. Но поскольку часть этого этажа была закрыта, Келли перевели в крыло для раковых больных.

В соседней палате боролся с лейкемией шестилетний мальчик Адам. Каждый месяц он какое-то

время проводил в больнице, получая химиотерапию. Адам ежедневно приходил навестить Келли, толкая перед собой стойку с прикрепленной к ней емкостью с лекарством. Несмотря на все неприятности, связанные с лечением, Адам всегда улыбался, был весел и приветлив. И часами развлекал нас многочисленными историями. Адам умел в любой ситуации, какой бы трудной она ни была, найти положительные и смешные стороны.

В какой-то из дней я чувствовала себя уставшей и была озабочена выпиской Келли из больницы. Серый, мрачный день давил на меня. Я стояла у окна, глядя на дождь, когда вошел Адам. Я что-то сказала насчет ужасного дня, и мальчик ответил мне со своей постоянной улыбкой: «Для меня каждый день прекрасен».

С того дня у меня не бывает мрачных дней. Даже самый серый день приносит мне радость, когда я с благодарностью вспоминаю мудрые слова, произнесенные очень храбрым шестилетним мальчиком по имени Адам.

Пэтти Мерритт

Reprinted by permission of Patty Merritt. ©1995 Patty Merritt.

Мисс Харди

И вот в жизни происходит та таинственная встреча, когда кто-то говорит нам, кто мы, какими можем быть, и раскрывает наш самый большой потенциал.

Расти Беркус

Я начал жизнь как ребенок, неспособный к обучению. Я страдал искажением восприятия, которое называется дислексия. Ребенок-дислексик часто довольно быстро выучивает слова, но не подозревает, что видит их не так, как другие люди. Я воспринимал свой мир как чудесное место, наполненное формами, которые называются словами, и имел значительный зрительный словарный запас, что позволило моим родителям оптимистически оценивать мои способности к обучению. В первом классе я, к своему ужасу, обнаружил, что буквы важнее слов. Дети-дислексики переворачивают их, пишут задом наперед и даже ставят их не в том порядке. Поэтому учительница первого класса назвала меня неспособным к обучению.

Она написала свое заключение и на лето передала его учительнице второго класса, чтобы заранее создать у нее предубеждение против меня. Во втором классе я вполне справлялся с арифметическими задачками, но понятия не имел, как их оформлять, и обнаружил, что оформление гораздо важнее ответа. Теперь я был окончательно запуган учебным процессом, поэтому стал заикаться. Я не мог внятно говорить, не умел записать задачку и, следовательно, решить ее, не мог составить из букв слова — полная катастрофа. На каждом предмете я стал садиться на последнюю парту, стараясь не попадаться учителям на глаза, а когда меня все же вызывали, то, заикаясь, бормотал: «Я н-не з-знаю». Участь моя была решена.

Моя учительница в третьем классе уже также заранее знала, что я не умею ни говорить, ни писать, ни читать, ни считать, и поэтому не горела желанием уделять мне внимание. Я обнаружил, что наилучший способ отмучиться в школе — это симуляция болезней. Это позволяло мне проводить больше времени со школьной медсестрой, чем с учителями, или отыскивать малоубедительные причины для того, чтобы остаться дома или отпроситься домой. Этой стратегии я придерживался в третьем и четвертом классах.

И вот, когда я уже вот-вот должен был умереть интеллектуально, я перешел в пятый класс, и здесь Господь поставил надо мной внушающий благоговейный ужас мисс Харди. На всем западе Соединенных Штатов ее знали как самую грозную учительницу начальных классов. Эта невероятная женщина, росту в которой было не менее метра восьмидесяти, нависла надо мной, потом обняла меня и заявила:

— Он отнюдь не неспособен к обучению, он просто чужак.

Потенциал ребенка-чужака окружающие стали рассматривать с большим оптимизмом, чем ребенка, неспособного к обучению. Но на этом она не остановилась. Она сказала:

— Я разговаривала с твоей мамой, и она говорит, что когда она тебе читает, ты запоминаешь практически все, у тебя потрясающая память. Ты просто не стараешься, когда тебя просят составить из букв слова, и читать вслух тебе сложно. Поэтому я буду заранее предупреждать тебя, и ты будешь выучивать нужный отрывок наизусть, чтобы потом ответить в классе. Еще твоя мама говорит, что если тебя что-то интересует, ты объясняешь это с большим пониманием, но когда она просит тебя записать сказанное, ты застреваешь на буквах, и смысл от тебя ускользает. Поэтому когда другие дети будут отвечать мне в классе чтение и письмо, ты можешь спокойно сделать эти задания дома и принести их мне на следующий день. — И еще она добавила: — Я заметила, что ты не решаешься и боишься высказывать свои мысли, но я считаю, что любую мысль надо обсуждать. Я подумала над этим и не

уверена, что моя затея сработает, но она помогла одному человеку по имени Демосфен... ты можешь сказать: «Демосфен»?

— Д-д-д-д...

— Ну что ж, ты сможешь. У него была плохая дикция, и он практиковался, набирая в рот камешки. Вот здесь у меня пара мраморных шариков, они большие, ты их не проглотишь, и я их вымыла. Отныне, когда я вызову тебя, мне бы хотелось, чтобы ты положил их в рот, встал и говорил до тех пор, пока я не услышу и не пойму тебя.

И разумеется, поддерживаемый ее недвусмысленно выраженной верой в меня и пониманием моих проблем, я рискнул, укротил свой язык и смог заговорить.

В шестом классе, к моей радости, мисс Харди опять вела наш класс. Поэтому мне посчастливилось провести под ее началом целых два года.

Все последующие годы я не упускал мисс Харди из виду и несколько лет назад узнал, что она смертельно больна раком. Решив, что ей, наверное, будет приятно увидеть своего единственного особого ученика, который живет за 1000 миль, я, наивный, купил билет и полетел к ней, чтобы встать в очередь (по крайней мере фигуральную) за несколькими сотнями других ее особых учеников — людей, которые тоже следили за ней все это время и совершили паломничество, чтобы возобновить отношения и подарить ей свою любовь в этот последний период ее жизни. В этой группе подобрались очень интересные люди — 3 сенатора, 12 представителей законодательных собраний, большое число директоров корпораций и разных предприятий.

Сравнивая свои воспоминания, мы обнаружили интересную вещь: три четверти из нас перешли в пятый класс, совершенно запуганные учебным процессом, не веря в свои способности, считая себя незначительными и полагаясь на волю случая. После обучения у мисс Харди мы стали считать себя способными, важными, влиятельными людьми, которым по плечу справиться с жизненными трудностями — стоит только попытаться,

Г. Стивен Гленн

Три письма от Тедди

Тедди Столларда явно можно было назвать «одним из малых сих»: нет интереса к школе, грязная, мятая одежда, всегда нечесанные волосы, ничего не выражающее лицо и безжизненный, стеклянный, блуждающий взгляд. Когда мисс Томпсон обращалась к Тедди, он отвечал односложно. Некрасивого, неопрятного, его было совершенно невозможно любить.

И хотя его учительница говорила, что одинаково любит своих учеников, в глубине души она лукавила. С каким-то извращенным удовольствием она отмечала в тетради неправильные ответы Тедди и с наслаждением писала «плохо» в конце его работы. А ведь она должна была бы задуматься, ей были известны сведения о Тедди, и знала она о нем больше, чем хотела признать. В этих записях значилось:

1-й класс: Тедди много обещает своей работой и отношением, но дома обстановка плохая.

2-й класс: Тедди мог бы успевать лучше. Мать серьезно больна. Дома он помощи практически не получает.

3-й класс: Тедди хороший мальчик, но слишком серьезный. Обучается медленно. В этом году умерла его мать.

4-й класс: Тедди учится очень плохо, но ведет себя хорошо. Отец не проявляет интереса к его учебе.

* * *

Наступило Рождество, и мальчики и девочки из класса мисс Томпсон принесли ей подарки. Сложив подарки на стол, они столпились вокруг и смотрели, как учительница их открывает. Среди подарков был один и от Тедди Столларда, завернутый в грубую бумагу, скрепленную скотчем. Прямо на бумаге было написано: «Мисс Томпсон от Тедди». Она развернула подарок, и оттуда выпал кричащий браслет с горным хрусталем, половина камней в котором отсутствовала, и флакончик с дешевыми духами.

Остальные дети захихикали, но у мисс Томпсон хватило ума тут же надеть браслет и капнуть на запястье духами. Протягивая руку, она просила школьников понюхать, говоря: «Ну разве не чудесный запах?» Одноклассники Тедди поняли намек учительницы и с готовностью заахали и заохали.

В конце этого дня, когда все дети уже ушли, Тедди медленно подошел к учительскому столу и тихо произнес: «Мисс Томпсон... Мисс Томпсон, вы пахнете, как моя мама... и браслет смотрится на вас так хорошо. Я рад, что вам понравились мои подарки». Когда Тедди ушел, мисс Томпсон встала на

колени и попросила у Бога прощения.

На следующий день пришедших в школу детей встретила новая учительница. Мисс Томпсон стала совсем другим человеком. Она больше не была просто учительницей, она стала посланцем Всевышнего. Теперь она действительно любила своих детей и делала для них то, что останется с ними всегда. Она помогала всем детям, но особенно не очень способным, и первому из них — Тедди Столларду. К концу того учебного года Тедди добился поразительных успехов. Он догнал большинство учеников, а некоторых даже обогнал.

Мисс Томпсон долго ничего не знала о Тедди, а потом однажды получила от него записку:

Дорогая мисс Томпсон!

Я хотел, чтобы вы узнали первой: я заканчиваю вторым в своей группе.

С любовью, Тедди Столлард.

Через четыре года она получила еще одно письмо:

Дорогая мисс Томпсон!

Мне только что сказали, что я заканчиваю первым в своей группе. Я хотел, чтобы вы узнали об этом первая. Университет — это было нелегко, но мне понравилось.

С любовью, Тедди Столлард.

И еще через четыре года:

Дорогая мисс Томпсон!

Сегодня я, Теодор Столлард, стал магистром. Как вам такая новость? Я хочу, чтобы вы первой узнали, что я собираюсь жениться в следующем месяце, 27-го числа, если быть точным. Я хочу, чтобы вы приехали и сидели бы там, где сидела бы моя мать, будь она жива. Вы теперь единственный мой близкий человек. Папа умер в прошлом году.

С любовью, Тедди Столлард.

Мисс Томпсон поехала на ту свадьбу и сидела там на месте матери Тедди. Она заслужила это, она сделала для Тедди то, что он никогда не забудет.

Элизабет Сайленс Боллард

from Home life, March 1976. ©The Sunday School Board of the Southern Baptist Convention. All rights reserved. Used by permission of the author.

Жемчужина огромной ценности

Учитель лучше всего проявляется в том, как он поощряет способного ученика, ибо среди них встречаются подлинные открытия, как кометы среди звезд.

Карл Линней

В последнюю неделю моей учебы в средней школе меня среди 20 других учеников вызвал к себе наш учитель физики, мистер Йорк. Мы недоумевали, что это за таинственная встреча.

Мистер Йорк, в своем знаменитом галстуке-бабочке и очках в роговой оправе, вручил каждому из нас по маленькой белой коробочке.

— Внутри, — с улыбкой сказал он, — вы найдете брелок или зажим для галстука, украшенные жемчужинкой. Мальчики и девочки, эти жемчужинки символизируют ваш потенциал — то, что вам помогает. Как песчинка, попав в раковину устрицы, может вырасти в жемчужину огромной ценности, так и в каждом из вас есть зерно большого таланта.

Я прикусила губу, чтобы не расплакаться, глядя на маленькую жемчужинку на серебряном брелоке. Еще вчера, до того как я узнала о своей беременности, эти слова значили бы для меня очень много. Но теперь мы с мамой должны были попрощаться с мечтой.

Сколько себя помню, каждую неделю мама откладывала несколько долларов на колледж для моей сестры Марианны и для меня. «Образование, — говаривала она, — единственный способ избежать работы на угольной шахте в нашем городе». Мы жили в Коуддейле, штат Пенсильвания.

Мне было три года, когда отец лег в санаторий для лечения туберкулеза. И даже когда через несколько лет он вернулся домой, мы зачастую жили только на мамины деньги, которые она зарабатывала в продуктовом магазине на углу. Тяжелая жизнь и породила в ней мечту, что в один прекрасный день мы с Марианной вырвемся из этого круга.

И вот теперь вместо радости я принесла в семью позор. В нашем тесном сообществе, принадлежавшем украинской православной церкви, половая жизнь до брака считалась скандалом.

Хотя мы с Дэном хотели бы сначала закончить колледж, нам пришлось пожениться, как только я закончила школу. К тому времени как Дэн окончил колледж, родился второй ребенок. Учитывая, что нужно было кормить растущую семью, Дэн пошел в армию. Мы переезжали с базы на базу, у нас родился еще один ребенок. Все это время я смотрела на брелок, который прикрепила к браслету и так носила, и пыталась угадать, какой такой «талант» разглядел во мне мистер Йорк. В конце концов я

засунула браслет в ящик комода.

Через семь лет Дэн нашел себе гражданскую работу недалеко от Коулдейла. Теперь, когда самый младший из детей пошел в школу, я с головой окунулась в общественную работу. Но поскольку этого мне оказалось мало, я перепробовала разные занятия — продавца, тренера по аэробике.

Я была занята, я помогала другим, вносила деньги в наш семейный бюджет и тем не менее, открывая ящик комода и глядя на жемчужинку, спрашивала себя: «Неужели это именно то, о чем говорил мистер Йорк? У тебя же есть потенциал. Найди его! Используй!» Ночами, когда все уже спали, я не смыкала глаз, вспоминая о том школьном собрании. А потом говорила себе: «Но ведь мне уже тридцать пять!»

Моя мама, видимо, ощутила эти мои терзания, потому что как-то позвонила и сказала: «Ты не забыла о деньгах на колледж, которые я копила? Они никуда не делись».

Я устала на телефонную трубку. Даже семнадцать лет не заставили маму отказаться от своей мечты. Когда мистер Йорк сказал о вещах, которые «вам помогают», я не поняла, о чем речь. Но теперь помощь шла отовсюду. Вера в Бога. Мамина мечта. Поддержка мужа.

Мне понадобилось еще полгода, чтобы собраться с духом, и в сентябре 1985 года я подала документы в Университет Куцтауна. Когда предварительные тесты показали, что мне следует стать учителем, я просто не поверила. Учителя были такими уверенными в себе людьми, как мистер Йорк. Но тесты были настолько убедительными, что я поступила на педагогическое отделение. Однако учеба оказалась еще более трудной, чем я опасалась. Мне приходилось не отставать от студентов вдвое моложе меня, и свой ленч, принесенный из дома, я съедала, уединяясь в укромном уголке.

Как-то майским днем в первый год своей учебы, после особенно напряженных занятий, я вернулась домой в срезях. Меня одолевала сомнения насчет моего учительского призвания. Сомневающимся в себе людям кажется, что бросить — это самая разумная вещь. Осенью наша старшая дочь должна была идти в колледж, и я подумала: «Вместо того чтобы создавать прорехи в семейном бюджете, мне следовало зарабатывать деньги на образование Керри».

Через несколько дней я столкнулась у дантиста с миссис Йорк. Я не видела ее много лет и рассказала про жемчужинку и про то, как она привела меня назад в школу.

— Но мне слишком тяжело, — закончила я свою исповедь.

— Понимаю, — ответила миссис Йорк. — Мой муж тоже пошел в колледж в тридцать лет.

Я в изумлении слушала, как она описывает трудности, похожие на мои. Я всегда думала, что мистер Йорк преподавал много лет, а на самом деле мой класс был одним из первых его выпускных классов. В этой случайной встрече я увидела добрый знак и решила продержаться еще три года.

Окончив университет, я получила работу учителя английского языка в местной средней школе. Мне хотелось, чтобы на моих занятиях ощущалось дыхание реальной жизни. Газетные статьи были такой же частью моей программы, как и классики литературы, посещение фабрики и разговоры с местными работодателями были так же важны, как Шекспир.

В конце года директор ошеломил меня заявлением, что выдвигает мою кандидатуру на национальную премию за лучший первый год преподавания. В своем заявлении я должна была рассказать о том, как меня вдохновил один из моих учителей, и я рассказала историю о жемчужинке. Я поняла, что она действовала в точности, как песчинка, попавшая в раковину, — как раздражитель, который постоянно беспокоит устрицу, пока она не создаст нечто прекрасное.

В сентябре 1990 года я в числе других ста учителей получила премию за первый год преподавания, а вдохновившие нас учителя, включая мистера Йорка, были награждены специальной премией за вклад в преподавание. Когда мы оба встретились, чтобы дать интервью газете, выяснилось, что все получилось очень вовремя — на следующий год мистер Йорк уходил на пенсию.

В тот день я узнала кое-что еще. Мой бывший учитель признался, что тоже сомневался в своем успехе. Окончив школу с плохими оценками, он опустил руки, не веря в свое будущее, потому что не верил в себя. Что же помогло ему?

— Обновление духа и вера в меня других людей, — сказал он.

Внезапно я все поняла.

— Значит, вот что нас объединяло? Школьников, которым вы подарили жемчужинки? Вы увидели двадцать человек, которым не доставало уверенности в себе.

— Нет, — сказал мистер Йорк, — я увидел двадцать человек, в каждом из которых было скрыто зерно большого таланта.

Марсия Эванс

Что посеешь...

Когда я учился в младших классах средней школы, один хулиган-восьмиклассник ударил меня в

живот. Мне было больно, я разозлился, а стыд и унижение были почти невыносимыми. Я отчаянно хотел с ним покончить! На следующий день я собирался подкараулить его в школьной раздевалке и отомстить.

Почему-то я рассказал об этом Нане, своей бабушке, — и напрасно. Она прочитала мне свою часовую нотацию (что-что, а говорить эта женщина умела). Нотация была жутко скучной, но среди прочего я смутно запомнил слова о том, что мне не стоит волноваться из-за этого мальчишки. Она сказала: «Добрые дела порождают добро, а злые дела — зло». На это я ответил, в вежливой форме разумеется, что, постоянно делаю добрые дела, а в ответ получаю «кукиш с маслом» (я употребил другие слова). Тем не менее бабушка не сдавалась: «Все добрые дела вернутся к тебе в один прекрасный день, и все злые — тоже вернутся».

Мне понадобилось тридцать лет, чтобы понять мудрость ее слов. Нана жила в пансионе в Лагуна-Хиллс, штат Калифорния. Каждый вторник я возил ее ужинать. Она ждала меня в кресле у входа, всегда опрятно одетая. Я очень живо помню наш самый последний ужин, после которого ее положили в специальный санаторий. Мы поехали в ближайший семейный ресторанчик. Для Наны я заказал тушеное мясо, а себе — гамбургер. Блюда принесли, но, принявшись за еду, я заметил, что Нана не ест. Она сидела и смотрела на свою еду. Тогда я взял ее тарелку, порезал мясо на маленькие кусочки и вернул тарелку бабушке. И когда она с большим трудом начала есть, ко мне вдруг пришло воспоминание, от которого на глазах у меня выступили слезы: сорок лет назад, когда я был совсем маленьким, Нана всегда резала мое мясо маленькими кусочками, чтобы мне было удобнее есть.

Прошло сорок лет, но за свое доброе дело она была вознаграждена. Нана оказалась права. Мы пожинаем то, что посеяли. «В один прекрасный день все добрые дела вернутся к тебе».

А что насчет того хулигана восьмиклассника?

Он получил свое от хулигана девятиклассника.

Майк Бьюттл

6. Осуществи свою мечту

Будущее принадлежит тем, кто верит в красоту своей мечты.

Элеонора Рузвельт

Маленький мальчик

Маленький мальчик

Посмотрел на звезду

И заплакал.

Звезда спросила:

— Мальчик,

Почему ты плачешь?

И мальчик ответил:

— Ты так далеко,

Что я никогда не смогу

Дотронуться до тебя.

И звезда сказала:

— Если бы я уже не находилась

В твоём сердце,

Ты не смог бы Увидеть меня.

Джон Мальола

Мечта девочки

Обещание пришлось держать очень долго. И столько же времени понадобилось на осуществление мечты.

В начале 50-х годов XX в. маленькая девочка, живущая в небольшом южнокалифорнийском городке, выложила на узкую стойку библиотекаря очередную стопку книг.

Девочка любила читать. В доме у них было много книг, но не всегда тех, что ей хотелось бы. Поэтому каждую неделю она совершала поход в желтое с коричневым здание библиотеки, маленькое, в одну комнату здание, где детскому отделу был отведен буквально закуток. Девочка часто покидала этот закуток, отправляясь на поиски более интересной добычи.

Пока седая библиотекарша проставляла срок возврата на книгах, выбранных десятилетней девочкой, та с восторгом смотрела на «новинку» — книгу из новых поступлений, красовавшуюся на стойке с этой табличкой. Девочка задумывалась над чудом написания книги и явления ее миру — вот как здесь и сейчас.

Именно в тот день она рассказала о своей мечте.

— Когда я вырасту, то стану писательницей. Я буду писать книги.

Библиотекарша оторвалась от своего занятия и с улыбкой посмотрела на девочку, и посмотрела не снисходительно, как обычно смотрят в таких случаях на детей, а ободряюще.

— Когда ты напишешь свою книгу, — сказала она, — пришли ее в нашу библиотеку, и мы выставим ее на стойке. И девочка пообещала.

Она подрастала, подрастала и ее мечта. Первую свою работу девочка получила в девятом классе, написав для местной газеты биографии знаменитостей и получив за каждую по полтора доллара. Деньги не значили почти ничего по сравнению с чудом увидеть свои слова напечатанными на бумаге.

До книги было еще очень далеко. В старших классах она выпускала школьную газету, потом вышла замуж и обзавелась детьми, но в глубине души ее сжигало желание писать. Она стала подрабатывать, поставляя в местную газету новости школьной жизни. Это помогало занимать голову, пока она, теперь уже молодая женщина, растила детей. Но книги не было.

Потом она пошла работать на полный день в крупную ежедневную газету. И даже пыталась счастья в журналах. Книга по-прежнему не появлялась. Наконец она решила, что ей есть что сказать, и села за книгу. Направила ее в два издательства, но те вернули рукопись назад. Она с грустью отложила ее в сторону. Через несколько лет старая мечта снова настойчиво заявила о себе. Женщина нашла агента и написала новую книгу, достала из ящика стола первую, и обе они были проданы.

Но в мире книгоиздания все движется медленнее, чем в ежедневных газетах, и ей пришлось ждать еще целых два года. И вот настал день, когда ей доставили пакет с авторскими экземплярами. Она вскрыла его и расплакалась. Она так долго ждала, чтобы осуществить свою мечту.

Затем она вспомнила о приглашении библиотекарши и своем обещании.

Разумеется, та библиотекарша давно умерла, а маленькое здание снесли, чтобы на его месте построить большую библиотеку.

Женщина узнала имя нового директора библиотеки и написала ей, рассказав, как помогли маленькой девочке слова ее предшественницы. Еще она написала, что будет в городе на 30-летию своего школьного выпуска, и просила разрешения передать библиотеке две свои книги. Это значило бы так много для той десятилетней девочки, и таким образом можно было бы почествовать всех библиотекарей, когда-либо поощрявших своих юных читателей.

Директор библиотеки дала свое согласие, и вот женщина приехала в тот городок и привезла свои книги.

Новое здание библиотеки стояло как раз напротив старой средней школы, окна в окна с классом, в котором девочка продиралась в свое время сквозь дебри алгебры, думая о том, что писателю этот предмет явно никогда не пригодится, и почти на том самом месте, где стоял ее старый дом, который вместе с несколькими другими снесли, чтобы на их месте выстроить зал для собраний и эту огромную библиотеку.

Директор тепло приветствовала гостью и представила корреспондента из местной газеты, той самой, в которой она когда-то вымолила возможность писать.

Потом женщина вручила свои книги библиотекарше, и та разместила их на стойке, снабдив табличкой с пояснениями. Слезы покатались по щекам женщины.

Она обняла библиотекаршу и ушла, попозировав перед зданием библиотеки для фотографии, которая доказывала, что мечты сбываются и обещания сдерживаются. Даже если на это требуется 38 лет.

Десятилетняя девочка и писательница, которой она стала, позировали перед плакатом, на котором значилось:

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, ДЖИН МИТЧЕЛЛ

Джин Митчелл

Первая продажа

Держитесь подальше от людей, которые стремятся обуздать ваши амбиции. Маленькие люди так всегда и делают, но по-настоящему великие заставляют вас поверить, что и вы можете стать великими.

Марк Твен

Осенним днем 1993 года я спешил домой, чтобы привести в порядок задний двор, что давно уже

нужно было сделать. Когда я сгребал листья, подошел мой пятилетний сын Ник и потянул меня за штанину.

— Пап, помоги мне написать объявление, — попросил он.

— Не сейчас, Ник, я очень занят, — ответил я.

— Но мне нужно объявление, — не отставал он.

— Для чего, Ник?

Ник обожал камни и камешки. Он собирал их повсюду, знакомые приносили их ему. В гараже стояла корзина, полная камней, которые он периодически мыл, сортировал и перекладывал. Это были его сокровища.

— Мне сейчас некогда, Ник. Нужно собрать листья. Сходи к маме, пусть она тебе поможет.

Через некоторое время Ник вернулся с листком бумаги. На нем рукой пятилетнего ребенка было написано: «СЕГОДНЯ В ПРОДАЖЕ, 1 ДОЛ.» Мама помогла ему сделать объявление, и Ник, взяв его, маленькую корзинку и четыре лучших своих камня, пошел в конец нашей подъездной дорожки. Там он выложил камни в ряд, поставил позади них корзинку и сел рядом. Я наблюдал за ним издали, меня забавляла его решимость.

Прошло полчаса, но никто за это время мимо не проехал. Я пошел к сыну посмотреть, как у него настроение.

— Как дела, Ник?

— Хорошо.

— А для чего тебе корзинка?

— Чтобы складывать деньги, — совершенно серьезно ответил он.

— И сколько же ты просишь за свои камни?

— По доллару за каждый.

— Ник, никто не заплатит тебе по доллару за камень.

— Заплатит!

— Ник, по нашей улице ездит мало машин, твоих камней почти никто не увидит. Может, соберешь свои вещи да пойдешь поиграешь?

— Нет, папа, люди ходят и ездят по нашей улице на велосипедах, они тренируются, а некоторые проезжают на машинах, чтобы посмотреть на дома. Людей достаточно.

Мне не удалось убедить Ника в тщетности его затей, и я вернулся к своей работе во дворе. А он терпеливо сидел на своем посту. Совсем скоро на улице показался пикап. Я смотрел, как Ник вскочил, держа свое объявление и показывая его сидевшим в машине. Автомобиль ехал медленно, и я увидел молодых мужчину и женщину, которые, вытянув шеи, читали объявление. Они проехали дальше, развернулись в тупике в конце улицы, и, когда снова поехали мимо Ника, женщина опустила стекло. Я не слышал, о чем они говорили, но она повернулась к сидевшему за рулем мужчине, и я увидел, что он достал бумажник! Он передал ей доллар, она вышла из машины и подошла к Нику. Осмотрев камни, выбрала один, дала Нику доллар, и пара уехала.

Я сидел во дворе потрясенный, а Ник бежал ко мне, размахивая долларом и крича:

— Я же говорил тебе, что смогу продать камень за доллар — если веришь в себя, то сможешь все на свете!

Я взял фотоаппарат и сфотографировал Ника с его надписью. Маленький мальчик не отступил от своего убеждения и был рад показать, на что он способен. Это был прекрасный образец того, как не надо воспитывать детей, но мы все кое-чему научились в этот день и обсуждали это.

Вечером того же дня мы все втроем поехали ужинать. По дороге Ник спросил, можно ли ему иметь карманные деньги. Жена объяснила, что карманные деньги надо заработать и что нам придется определить круг его обязанностей.

— Хорошо, — сказал Ник. — И сколько я буду получать?

— Тебе пять лет, как насчет доллара в неделю? — предложила Тони.

С заднего сиденья донесся ответ:

— Доллар в неделю — да я получу его, продав камень.

Роб, Тони и Ник Харрисы

Давайте снова прогуляемся по саду

Одна из самых прекрасных компенсаций в этой жизни состоит в том, что каждый человек, который искренне старается помочь ближнему, помогает самому себе.

Ралф Уолдо Эмерсон

Я — лектор, обучающий канадцев, как творчески покупать недвижимость. Один из моих первых выпускников, полицейский по имени Рой, применил мои идеи самым трогательным образом.

История начинается за несколько лет до того, как Рой пришел на мой курс. Во время своих регулярных обходов он обычно заходил к одному старому господину, который жил в великолепном поместье площадью более 4500 квадратных метров и с видом на лошину. Старик прожил здесь большую часть своей жизни и очень дорожил этим видом — старыми деревьями и ручьем.

Когда Рой раз или два в неделю заходил к старику, тот угощал его чаем, и они сидели и разговаривали или несколько минут гуляли по саду. В один из таких визитов старик с горечью пожаловался, что здоровье его ухудшается и он вынужден продать свой прекрасный дом и переехать в интернат.

К этому времени Рой уже занимался у меня, и у него родилась безумная идея, как творчески подойти к покупке этого поместья.

Тот человек хотел за свой дом, который не был заложен, триста тысяч долларов. У Роя было скоплено три тысячи долларов. За свое жилье он в то время платил пятьсот долларов и получал обычную зарплату полицейского. Казалось невозможным разработать план сделки между владельцем дома и полным надежд полицейским... невозможным, если не брать в расчет силу любви.

Рой вспомнил слова из моего курса — узнайте, чего на самом деле желает продающий, и дайте ему это. Как следует поразмыслив, Рой наконец докопался до сути: больше всего владельцу дома будет не хватать прогулок по саду.

И Рой выпалил: «Если вы каким-нибудь образом продадите мне дом, я обещаю привозить вас сюда раз или два в месяц, и мы с вами будем гулять или сидеть в саду, как в прежние времена».

Удивленный и обрадованный старик улыбнулся и велел Рою составить договор на основании того, что тот может предложить, и подписал его. Рой выплатил свои три тысячи долларов, а на оставшиеся двести девяносто семь тысяч старик выдал закладную с выплатой по пятьсот долларов в месяц. Владелец дома был так счастлив, что в качестве подарка оставил Рою всю старинную мебель во всем доме, включая кабинетный рояль.

Как бы ни был Рой потрясен своей невероятной финансовой победой, настоящим победителем стал счастливый старик, а также дружба, которая связала их обоих.

Реймонд Л. Аарон

18 мысленных лунок

У майора Джеймса Несмета была мечта — добиться больших успехов в игре в гольф, и он разработал уникальный метод достижения своей цели. До этого он был обычным игроком в гольф, который занимается по выходным и достигает в лучшем случае средних результатов. Затем он на несколько лет практически забросил игру. Не прикасался к клюшке, не ступал на поле для гольфа.

По иронии судьбы именно в эти несколько лет перерыва майор Несмет и придумал свою потрясающе эффективную технику улучшения игры, которой мы все можем научиться. И действительно, когда он впервые вышел на поле после перерыва, то набрал потрясающее количество очков — всего семьдесят четыре! Он сделал на двадцать ударов меньше, чем раньше, и это при том, что за семь лет ни разу не взял в руки клюшку! Невероятно. И не только это, но и его физическое состояние претерпело изменения за семь лет.

Что же за секрет был у майора Несмета? Мысленная игра.

Дело в том, что майор Несмет семь лет провел в качестве военнопленного в Северном Вьетнаме. Все эти семь лет он просидел в одиночной камере размером 1,4 метра в высоту и полтора метра в длину.

Во время своего заключения он никого не видел, ни с кем не разговаривал и не имел возможности для физической активности. В первые месяцы он не делал в буквальном смысле ничего, только надеялся и молился об освобождении. Затем он осознал, что должен чем-то занять свой мозг, иначе утратит разум, а возможно, и жизнь. Так он и научился играть мысленно.

Он мысленно выбрал свое любимое поле и начал играть в гольф. Каждый день он в мечтах проходил все восемнадцать лунок. Он ощущал все — до последней детали. Он видел себя, одетого в соответствующую одежду. Чувствовал запах листвы на деревьях и свежестриженной травы. Он представлял себе разные погодные условия — ветреный весенний день, хмурый зимний и солнечное летнее утро. В своем воображении он во всех подробностях видел метки для мячей, каждую травинку, деревья, слышал пение птиц, замечал игривых белок, и поле для гольфа стало для него абсолютно реальным.

Он чувствовал клюшку в руках. Он инструктировал сам себя по части стойки и ударов. Затем смотрел, как мяч по нужной траектории летит в нужное место и, подпрыгнув пару раз, останавливается точно в том месте, которое он мысленно для него наметил.

В настоящем мире ему было некуда спешить. Некуда идти. Поэтому мысленно он проделывал каждый шаг до мяча, словно действительно ступал по полю. На мысленное прохождение восемнадцати

лунок ему требовалось столько же времени, сколько потребовалось бы наяву. Он не пропускал ни одной мелочи. Он ни разу не промазал по мячу, ни разу не сделал неверного удара, всегда посылал мяч в лунку с одного удара.

Семь дней в неделю. Четыре часа в день. Восемнадцать лунок. Семь лет. На двадцать ударов меньше. Семьдесят четыре очка.

Автор неизвестен

Не упускай свою цель из виду

Посмотрев вперед, Флоренс Чедвик не увидела ничего, кроме плотной стены тумана. Все тело у нее онемело. Она плыла уже почти шестнадцать часов.

Она уже стала первой женщиной, переплывшей Ла-Манш туда и обратно. Теперь, в возрасте тридцати четырех лет, она поставила перед собой цель стать первой женщиной, которая доплывет от острова Каталина до побережья Калифорнии.

В то утро 4 июля 1952 года море было ледяным, а туман таким густым, что она едва различала лодки сопровождения. К женщине постоянно направлялись акулы, которых отпугивали ружейными выстрелами. Борясь с суровыми объятиями океана, она час за часом плыла вперед — по национальному телевидению за ней наблюдали миллионы людей.

В одной из лодок плыли ее мать и ее тренер, подбадривавшие Флоренс. Они говорили, что осталось совсем немного. Но она видела только туман. Они убеждали ее не сдаваться. И она никогда раньше не сдавалась... до этой минуты. Ей оставалось всего полмили, когда она попросила вытащить ее.

Спустя несколько часов, все еще пытаясь согреть свое промерзшее тело, Флоренс сказала журналисту: «Понимаете, я не пытаюсь оправдать себя, но если бы я могла видеть сушу, я бы справилась». Ее победили не усталость и даже не холодная вода. Ее победил туман. Она не видела цели.

Два месяца спустя она предприняла новую попытку. На этот раз, несмотря на такой же густой туман, она плыла, не теряя веры и мысленно четко представляла свою цель. Она знала, что где-то там, за туманом, лежит земля, и на этот раз она доплыла! Флоренс Чедвик стала первой женщиной, доплывшей до Каталины на два часа быстрее, чем рекордсмен-мужчина!

Автор неизвестен Предоставлено Мишелем Борбой

История ковбоя

Когда я создавал свою телекоммуникационную компанию, я знал, что мне понадобятся продавцы, чтобы расширять дело. Я дал знать, что набираю опытных продавцов, а затем приступил к собеседованиям. Предполагаемый продавец должен был иметь опыт работы в сфере телекоммуникаций, знать местный рынок, знать различные типы имевшихся систем, профессионально держаться и быть инициативным человеком. У меня не было времени на обучение персонала, поэтому было очень важно, чтобы продавец мог сразу приступить к работе.

Когда уже шли утомительные собеседования с потенциальными продавцами, ко мне в офис пришел ковбой. Я понял, что он ковбой, по его одежде. На нем были вельветовые штаны и вельветовая куртка, не сочетавшаяся со штанами, рубашка с коротким рукавом и на кнопках, слабо повязанный галстук с узлом размером с мой кулак, ковбойские сапоги и бейсбольная кепка. Можете представить, что я подумал: «Вот только его мне и не хватало в моей новой компании». Он сел напротив меня за стол, снял кепку и сказал:

— Мистер, я был бы душевно рад получить шанс преуспеть в телефонном бизнесе.

Он именно так и произнес: «бизнес».

Я пытался придумать, как бы повежливее спровадить этого парня, объяснив ему, что он совсем не отвечает моему представлению о продавце, а пока предложил рассказать о себе. Он закончил сельскохозяйственный факультет Университета Оклахомы и последние несколько лет работал летом на ранчо в Бартсвилле, штат Оклахома. Он заявил, что с этим покончено, что он готов добиться успеха в «бизнесе» и был бы «душевно рад шансу».

Мы продолжали разговаривать. Он был настолько настроен на успех и так заранее благодарил за «шанс», что я решил дать ему этот шанс. Я сказал, что потрачу на него два дня. За эти два дня я научу его всему, что, по моему мнению, нужно для продажи любой маленькой телефонной системы. Через два дня у него начнется самостоятельная работа. Он спросил, сколько, по моему мнению, он может заработать за месяц.

Я ответил, что с его внешним видом и познаниями самое большее, на что он может рассчитывать, это 1000 долларов в месяц. И стал объяснять, что средний размер комиссионных с одной проданной телефонной системы составляет 250 долларов. Я сказал также, что если он посетит сто потенциальных

покупателей, то продаст четыре системы в месяц. Это и даст ему 1000 долларов. Я нанял его на одни комиссионные, без оклада.

Он ответил, что это просто прекрасно, потому что, помогая на ранчо, он получал 400 долларов и созрел, чтобы зарабатывать побольше. На следующее утро мы сели, и я принялся пичкать сведениями о телефонном «бизнесе» двадцатидвухлетнего ковбоя, у которого не было ни делового опыта, ни опыта работы с телефонными системами, ни опыта работы продавцом. Он был совершенно не похож на профессионала телекоммуникационного бизнеса. Строго говоря, у него не было ни одного качества, которые я хотел бы видеть в своем подчиненном, за исключением одного: он обладал невероятной нацеленностью на успех.

По окончании двух дней обучения Ковбой (так я стал его называть и так называю до сих пор) повесил на стену своей кабинки-кабинета листок бумаги, на котором значились следующие четыре пункта:

1. Я добьюсь успеха в бизнесе.
2. Я обойду 100 человек за месяц.
3. Я продам четыре телефонные системы за месяц.
4. Я заработаю 1000 долларов за месяц.

И приступил к работе.

К концу первого месяца он продал не четыре системы. Нет, он продал семь телефонных систем за первые десять дней своей работы.

К концу первого года работы Ковбой заработал не 12 000 долларов комиссионных. Нет, он заработал более 60 000 долларов комиссионных.

Он меня поражал. Однажды он пришел в офис с контрактом на проданную телефонную систему и деньгами за нее. На мой вопрос, как ему удалось ее продать, он ответил:

— Я просто сказал ей: «Мэм, даже если она не будет делать ничего, а только звонить, и вы будете отвечать, она все равно гораздо симпатичнее той, что у вас есть». И она ее купила.

Женщина выписала ему чек на всю стоимость телефонной системы, но Ковбой не был уверен, возьму ли я чек, поэтому повез женщину в банк, чтобы она заплатила ему наличными. И вот он пришел в офис, неся 1000 долларов наличными, и спросил:

— Ларри, я все правильно сделал?

Я заверил его, что он все сделал правильно!

Через три года он уже владел половиной моей компании. Еще через год он был хозяином еще трех компаний. Тогда мы и расстались как деловые партнеры. Он водил черный пикап за 32 000 долларов. Носил сшитые на ковбойский манер костюмы за 600 долларов, ковбойские сапо-

га за 500 долларов и кольцо в форме подковы с бриллиантом в три карата. Он добился успеха в «бизнесе».

Что помогло Ковбою добиться успеха? Тяжелый труд? Да, это помогло. Он знал больше других? Нет. Он ничего не знал о телефонном бизнесе, когда начинал. Так что же это было? Я считаю, он знал **секрет успеха:**

Он был нацелен на успех. Он знал, чего хочет, и стал этого добиваться.

Он взял на себя ответственность. Он взял на себя ответственность за то, где он, кто он и что он (рабочий на ранчо). Затем он стал действовать, чтобы изменить ситуацию.

Он принял решение покинуть ранчо и поискать возможности добиться успеха.

Он изменился. При таком подходе он получил именно такой результат, какой получил. И он хотел сделать все необходимое для достижения успеха.

Он видел перед собой цель. Он видел себя добившимся успеха. Он сформулировал и повесил в своей кабинке свои четыре цели. Он видел эти цели каждый день и сосредоточивался на их достижении.

Он делал **все возможное, чтобы осуществить свои цели**, и придерживался их, даже когда приходилось туго. Ему не всегда было легко. Он терпел неудачи, как это бывает со всяким. Перед ним чаще, чем перед любым другим продавцом, захлопывали двери, ему чаще других отвечали отказом. Но он не позволял этому остановить себя. Он продолжал работу.

Он спрашивал. Он обо всем спрашивал! Сначала попросил дать ему шанс, затем спрашивал буквально у каждого встречного, не хочет ли тот купить у него телефонную систему. И его вопросы оправдали себя. Как он любит повторять: «Даже слепая собака время от времени находит кость». Проще говоря, это означает: если ты спросишь достаточное количество раз, в конце концов кто-то ответит «да».

Он беспокоился. Он беспокоился обо мне и моих клиентах. Он обнаружил, что когда он больше заботится о клиентах, чем о себе, очень скоро ему уже не нужно будет о себе беспокоиться.

И самое главное, **Ковбой каждый день начинал победителем!** Он стучал в парадную дверь, ожидая приятного. Он верил, что все пойдет, как он задумал, невзирая ни на какие препятствия. Он не

ждал поражения, он ожидал успеха. И я обнаружил: если ты ждешь успеха и предпринимашь действия в этом направлении, то ты почти наверняка успеха добьешься.

Ковбой сделал миллионы долларов. Он также потерял их все, чтобы снова вернуть. В его жизни, как и в моей, работает правило: если ты однажды узнал принципы успеха, то они будут срабатывать снова и снова.

Его пример может вдохновить и вас. Он доказывает, что ни среда, ни образование, ни практические навыки не ведут вас к успеху. Он доказывает, что нужно кое-что еще: принципы, которые мы часто не замечаем или принимаем как должное. Это принципы под названием «Секрет успеха».

Ларри Уингет



МЫ ИЩЕМ ЭНЕРГИЧНОГО, НАСТОЙЧИВОГО ПРОДАВЦА, ВРОДЕ ТОГО,
ЧТО ПРОДАЛ ВАМ ЭТОТ КОСТЮМ.

Зачем ждать? Просто сделай это!

Главный вопрос в том, способны ли вы от всей души сказать «да» своему приключению.

Джозеф Кэмпбелл

Мой отец говорил мне, что у Бога наверняка есть причина сделать меня таким, как сейчас. Я начинаю в это верить.

Я был из тех детей, которым все всегда удастся. Я вырос в Лагуна-Бич, штат Калифорния, и любил серфинг и другие виды спорта. Но в то время когда большинство моих сверстников думали только о телевизоре и пляже, я начал задумываться о том, как стать более независимым, увидеть страну, и о планах на будущее.

Работать я начал в возрасте десяти лет. Когда мне исполнилось пятнадцать, после уроков я ходил на одну из своих трех работ и заработал достаточно денег, чтобы купить себе мотоцикл, хотя не умел на нем ездить. Но, заплатив наличными за мотоцикл и годовую страховку, я отправился на парковочную стоянку и научился ездить. Пovýписывав 15 минут «восьмерки», я поехал домой. В пятнадцать с половиной лет я получил права и купил новый мотоцикл. Это изменило мою жизнь.

Я был не из тех, кто развлекается ездой на мотоцикле по выходным. Я любил ездить. Используя каждую свободную минуту, каждую возможность, я накручивал на этом мотоцикле до 100 миль в день. Закаты и рассветы кажутся красивее, когда любишь ими, несясь по извилистой горной дороге. Даже теперь — закрою глаза и чувствую под собой мотоцикл, и для меня это более знакомое ощущение, чем ходьба. Я ехал, и прохладный ветер приносил ощущение полного расслабления. И знакомясь со все новыми дорогами, я тем временем мечтал о том, какой хочу видеть свою жизнь.

Спустя два года и пять новых мотоциклов я изъездил все дороги Калифорнии. Каждый вечер я

читал специальные журналы, и однажды мое внимание привлекла реклама мотоцикла «БМВ». Она изображала заляпанный грязью мотоцикл с рюкзаком на заднем сиденье, припаркованный на обочине проселочной дороги перед огромным щитом «Добро пожаловать на Аляску». Через год я сфотографировался на еще более грязном мотоцикле на фоне того же щита. Да, это был я! В семнадцать лет я добрался до Аляски один, на своем мотоцикле, покрыв более 1000 миль грунтовых дорог.

Перед отъездом в свое семинедельное приключение длиной 17 000 миль я слышал от своих друзей, что я, мол, сошел с ума. Родители сказали, чтобы я подождал. Сошел с ума? Подождать? Чего? С самого детства я мечтал пересечь Америку на мотоцикле. Настойчивый внутренний голос подсказывал мне, что если я не поеду в это путешествие сейчас, то не поеду никогда. Кроме того, где я возьму время? Очень скоро я уже должен был начать учебу в колледже, я получил стипендию, а затем — карьера, может быть, даже семья. Я не знал, принесет ли эта поездка удовлетворение или, как я предчувствовал, каким-то образом превратит меня из мальчика в мужчину. Но одно я тем летом знал точно — меня ждет приключение всей моей жизни.

Я бросил все свои работы и получил от мамы письмо, в котором она давала мне разрешение на эту поездку, — мне было всего семнадцать лет. С 1400 долларами в кармане, обувной коробкой, полной географических карт, и двумя рюкзаками, привязанными к заднему сиденью моего мотоцикла, карманным фонариком и горой энтузиазма я отправился на Аляску и Восточное побережье.

Я повстречал множество людей, наслаждался суровой красотой их образа жизни и природы, ел у костра и каждый день благодарил Бога за то, что он подарил мне эту возможность. Иногда я по два-три дня никого не видел и не слышал, только ехал на своем мотоцикле в бесконечной тишине, и только ветер свистел вокруг моего шлема. Я не стриг волосы, принимал, когда удавалось, холодный душ в кемпингах и даже несколько раз за время своего путешествия сталкивался с медведями. Это было грандиозное приключение!

И хотя позднее я совершил еще несколько путешествий, ни одно из них не идет ни в какое сравнение с тем летом. Оно навсегда заняло в моей жизни особое место. Я никогда не смогу вернуться туда и снова проехать по тем дорогам и горам, лесам и рекам, как тогда, потому что когда мне было 23 года, меня сбил пьяный водитель-наркодилер, и нижняя часть тела осталась у меня парализованной.

К моменту аварии я находился в хорошей форме, как физически, так и психически. Я работал в полиции и по-прежнему ездил на мотоцикле в свободное время. Я был женат и финансово обеспечен. Я всего этого добился. Но в одну секунду вся моя жизнь перевернулась. Я провел восемь месяцев в больнице, развелся, не мог вернуться к привычной работе в прежнем ее виде и должен был научиться справляться с постоянной болью и инвалидным креслом. Я видел, что все мои мечты, связанные с будущим, отдаляются от меня. По счастью, новая помощь и поддержка помогли родиться новым мечтам, помогли их осуществить.

Когда я вспоминаю все свои путешествия, все дороги, по которым я проехал, я думаю о том, как мне повезло, что я смог это сделать. Каждый раз, когда я ехал, я говорил себе: «Делай это сейчас. Наслаждайся окружающим, даже если ты стоишь на загазованном городском перекрестке, радуйся жизни, потому что у тебя может не оказаться второй возможности побывать в этом же месте или сделать те же вещи».

После аварии отец сказал мне, что Господь, вероятно, неспроста захотел, чтобы я остался парализованным. Я верю в это. Это сделало меня более сильным человеком. Я нашел работу референта, купил дом и снова женился. У меня есть свой консультационный бизнес, я профессиональный лектор. И каждый раз, когда возникают трудности, я напоминаю себе обо всем, что мне удалось сделать, обо всем, что еще предстоит совершить, и слова своего отца.

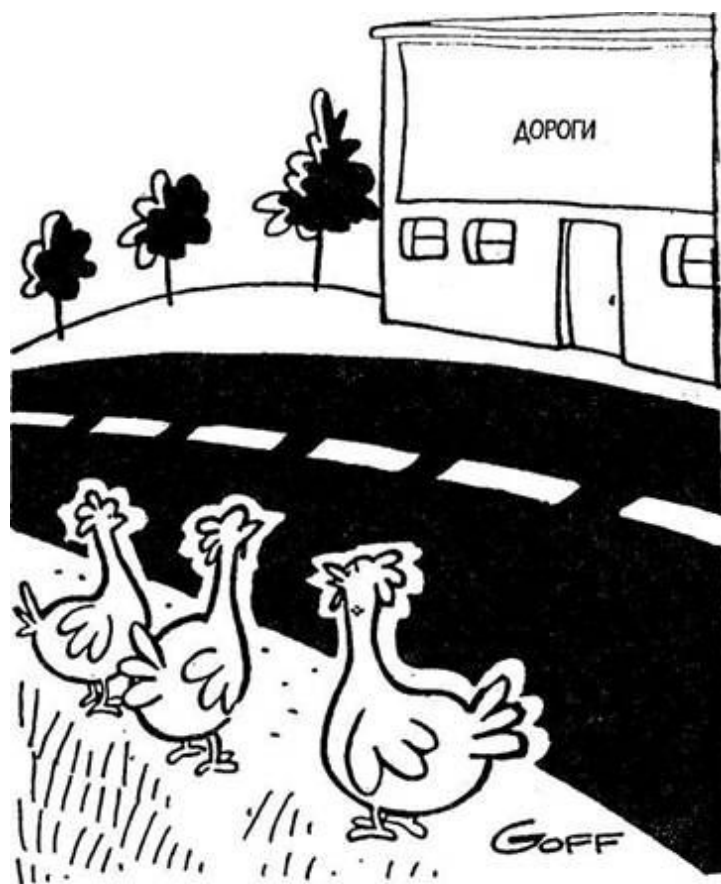
Да, он был прав. У Бога действительно была причина. И что еще важнее, я стараюсь не забывать радоваться каждой минуте каждого дня. И если вы можете что-то сделать, сделайте это. Сделайте это сейчас!

Гленн Макинтайр

7. Преодолевая препятствия

Несметные сокровища человеческого опыта утратили бы часть вознаграждающей радости, если бы не существовало препятствий, которые нужно преодолевать. Триумф взойшедшего на вершину и вползавшего на вершину не был бы так чудесен, если бы не пришлось идти темными долинами.

Хелен Келлер



И КАК ЖЕ НАМ ТУДА ПОПАСТЬ?

Рисунок Теда Гоффа

Подумайте над этим

Усилие только тогда вознаграждается полностью, когда человек отказывается сдаться.

Наполеон Хилл

История показывает, что наиболее известные победители обычно сталкивались с огромными трудностями, прежде чем добиться успеха. Они выигрывали, потому что отказывались падать духом из-за неудач.

Б. Ч. Форбс

Подумайте над этим:

- Вуди Аллен, удостоенный «Оскаров» сценарист, продюсер и режиссер, провалился при поступлении на киноотделение Нью-Йоркского университета и Городского колледжа Нью-Йорка. Он также не сдал английский язык в Университете Нью-Йорка.

- Леон Юрис, автор бестселлера «Исход», трижды заваливал экзамен по английскому языку в средней школе.

- Когда в 1927 году Люсиль Болл начала изучать актерское мастерство, старший преподаватель Драматической школы имени Джона Мюррея Андерсона, сказал ей: «Попробуйте себя в какой-нибудь другой профессии. Любой другой».

- В 1959 году компания «Юниверсал пикчерз» уволила Клинта Иствуда и Берта Рейнолдса, сопроводив это следующими замечаниями. Берт Рейнолдсу: «У вас нет таланта». Клинт Иствуду: «У вас щербатый зуб, торчит кадык, и вы очень медленно говорите». Как вы, без сомнения, знаете, Берт Рейнолдс и Клинт Иствуд стали крупными звездами в киноиндустрии.

- В 1944 году Эммелайн Снивли, директор модельного агентства «Синяя книга», сказала Норме Джин Бейкер (Мэрилин Монро): «Вы бы лучше пошли в секретарши или вышли бы замуж».

- Лив Ульман, которую дважды номинировали на «Оскар» как лучшую актрису, провалилась на прослушивании в государственную театральную школу Норвегии. Ей сказали, что у нее нет таланта.

- Малкольм Форбс, покойный главный редактор журнала «Форбс», одного из наиболее успешных

деловых изданий в мире, не смог войти в число сотрудников университетской газеты на последнем курсе Принстонского университета.

- В 1962 году четыре нервничающих юных музыканта играли для своей первой пробной записи руководству компании «Декка». Впечатления на руководство они не произвели. Отвергая эту британскую рок-группу, которая называлась «Битлз», один из тех руководителей сказал: «Нам не нравится их звучание. Группы с гитарами сходят на нет».

- Пол Коэн, отвечавший в «Декка» за артистов и репертуар и в 1956 году уволивший Бадди Холли, сказал, что это «самый большой не-талант, с которым мне довелось работать». Двадцать лет спустя журнал «Роллинг стоун» назвал Холли вместе с Чаком Берри теми, кто «оказал решающее влияние на рок-музыку 60-х годов».

- В 1954 году Джимми Денни, менеджер «Гранд оул оупри», уволил Элвиса Пресли после первого выступления. Он сказал Пресли: «У тебя нет будущего, сынок. Возвращайся лучше за баранку своего грузовика». Элвис Пресли стал одним из самых популярных певцов Америки.

- Когда в 1876 году Александр Белл изобрел телефон, тот отнюдь не разрывался от звонков потенциальных покупателей. После демонстрационного звонка президент Разерфорд Хейс сказал: «Поразительное изобретение, но кому оно может понадобиться?»

- Томас Эдисон был, вероятно, величайшим изобретателем в истории Америки. Когда он пошел в школу в Порт-Гуроне, штат Мичиган, учителя жаловались, что у него «замедленное восприятие» и с ним трудно справляться. В результате мать Эдисона оставила сына дома и учила его сама. Юного Эдисона пленила наука. В возрасте 10 лет он уже создал свою первую химическую лабораторию. Неистощимая энергия Эдисона и его гений (который, как он считал, «на 1 процент состоял из вдохновения и на 99 процентов — из пота») со временем позволили ему сделать более 1300 изобретений.

Прежде чем Томас Эдисон изобрел лампочку накаливания, он провел более 2000 экспериментов, чтобы она заработала. Молодой репортер спросил его, что он чувствует, испытав столько провалов. Тот ответил: «У меня не было ни одного провала. Я изобрел лампочку. Просто это был процесс длиной в 2000 шагов».

- В 40-х годах XX в. другой молодой изобретатель по имени Честер Карлсон предложил свое изобретение 20 корпорациям, включая самые крупные в стране. И все они отклонили его предложение. В 1947 году — после семи лет неудач! — он наконец убедил маленькую компанию «Хэлойд компани» в Рочестере, штат Нью-Йорк, купить права на его электростатический метод копирования печатных текстов.

«Хэлойд» превратилась в корпорацию «Ксерокс» и стала, вместе с Карлсоном, очень богатой.

- Джон Мильтон ослеп в 44 года. Шестнадцать лет спустя он написал классическое произведение «Потерянный рай».

- Когда Пабло Касальсу исполнилось 95 лет, молодой журналист задал ему такой вопрос: «Мистер Касальс, вам 95 лет, вы — величайший из всех когда-либо живших виолончелистов. Почему вы до сих пор занимаетесь по шесть часов в день?» Мистер Касальс ответил: «Потому что, по-моему, я до сих пор совершенствуюсь».

- После нескольких лет прогрессирующей глухоты немецкий композитор Людвиг ван Бетховен оглох полностью в возрасте 46 лет. Тем не менее в последующие годы он написал великую музыку, включая пять симфоний.

- Потеряв в результате авиакатастрофы обе ноги, британский летчик-истребитель Дуглас Бейдер вернулся в Военно-воздушные силы Британии с двумя протезами. Во время Второй мировой войны его трижды брали в плен немцы, и трижды он бежал.

- Потеряв в результате ракового заболевания ногу, молодой канадец Терри Фокс дал обещание устроить пробег на одной ноге от одного побережья Канады до другого, чтобы собрать 1 миллион долларов на исследования в области онкологии. Он сошел с дистанции на полпути — рак поразил его легкие, но он и созданный им фонд собрали более 20 миллионов долларов на исследования в области онкологии.

- Вилма Рудольф была 20-й из 22 детей. Она родилась недоношенной, и надежд, что она выживет, было мало. В 4 года она заболела двусторонней пневмонией и скарлатиной, в результате чего левая нога у нее осталась парализованной. В возрасте 9 лет она сняла с ноги металлическую скобу и стала ходить без нее. В

13 лет она уже ходила ровно, врачи посчитали это чудом. В тот же год она решила стать бегуньей. Приняла участие в соревнованиях и пришла последней. Следующие пять лет она приходила последней во всех соревнованиях, в которых участвовала. Все советовали ей отказаться от своей мечты, но девушка продолжала бегать. И однажды действительно выиграла забег. А потом другой. В конце концов эта девочка, которой сказали, что она никогда не сможет ходить, выиграла три золотые

олимпийские медали.

Моя мама рано научила меня верить в то, что я добьюсь чего угодно, если захочу. Первым стало желание ходить без скобы.

Вилма Рудольф

- В результате перенесенного полиомиелита Франклин Д. Рузвельт оказался парализованным в возрасте 39 лет, и тем не менее он стал одним из самых любимых и влиятельных политических деятелей. Он четыре раза избирался на пост президента Соединенных Штатов.

- Сара Бернар, которую многие считают величайшей актрисой всех времен и народов, в результате травмы потеряла в 70 лет ногу, но продолжала выступать еще восемь лет.

- Луис Л'Амур, автор более 100 романов-вестернов, имевших большой успех и проданных более чем в 200 миллионах экземпляров, получил 350 отказов, прежде чем продал издателю свою первую книгу. Позднее он стал первым американским романистом, получившим специальную золотую медаль конгресса в знак признания его выдающейся карьеры как писателя и человека, принесшего нации большую пользу с помощью своих исторических романов.

- В 1953 году Джулия Чайлд и две ее сотрудницы подписали контракт на издание книги, скромно озаглавленной «Французские блюда для американской кухни». Джулия и ее коллеги работали над книгой пять лет. Издатель отклонил рукопись объемом 850 страниц. Чайлд с партнерами еще год работала над рукописью, полностью переделав ее. И снова издатель отклонил книгу. Но Джулия Чайлд не сдалась. Она с соавторами снова засела за работу, нашла нового издателя и в 1961 году, через восемь лет после начала работы, издала книгу «Овладение искусством французской кулинарии», которая разошлась тиражом более 1 миллиона экземпляров. В 1966 году журнал «Тайм» запечатлел Джулию Чайлд на своей обложке. И 30 лет спустя Джулия Чайлд по-прежнему была на вершине в своей области.

- Генерал Дуглас Макартур никогда не добился бы власти и славы, если бы не проявил настойчивости. Его заявление на учебу в Вест-Пойнте было отклонено дважды. Но он предпринял третью попытку, был принят и вошел в учебники истории.

- Авраам Линкольн начинал войну с индейцами капитаном. К концу войны его разжаловали в рядовые.

- В 1952 году Эдмунд Хиллари попытался покорить Эверест, самую высокую гору мира — 8848 метров. Через несколько недель после неудачи его попросили выступить на встрече в Англии. Хиллари подошел к краю сцены, погрозил кулаком фотографии с изображением этой горы и громко сказал: «Гора Эверест, в первый раз ты меня победила, но в следующий раз победу одержу я, потому что ты уже достигла своих пределов... а я все еще расту!» 29 мая, всего через год, Эдмунд Хиллари стал первым человеком, поднявшимся на Эверест.

Джек Кэнфилд

Тридцать девять лет — слишком мало — слишком долго — достаточно много

О, самая страшная трагедия — не смерть в молодом возрасте, но когда, дожив до семидесяти пяти лет, ты понимаешь, что в действительности не жил.

Мартин Лютер Кинг-младший

С 1929 до 1968 года всего 39 коротких лет.

Слишком мало, чтобы вкушать плоды своего труда.

Слишком мало, чтобы утешить родителей, когда твой брат утонул.

Слишком мало, чтобы увидеть, как твои дети закончили школу.

Слишком мало, чтобы вообще увидеть внуков.

Слишком мало, чтобы дожить до пенсии.

Тридцати девяти лет просто слишком мало.

С 1929 до 1968 года всего 39 коротких лет, однако они тянутся слишком долго.

Слишком долго, если ты ограничен оковами сегрегации и цепями дискриминации.

Слишком долго, чтобы устоять на зыбучем песке расовой несправедливости.

Слишком долго, чтобы получать телефонные звонки с угрозами — по сорок за день.

Слишком долго, чтобы жить под изнурительным гнетом непрерывного давления.

Слишком долго, 39 лет — это просто слишком долго.

С 1929 до 1968 года — всего 39 коротких лет, однако это достаточно много.

Достаточно много для путешествия в Индию, чтобы научиться у великого учителя, как проходить сквозь разозленную толпу и оставаться спокойным.

Достаточно много, чтобы тебя травил полицейскими собаками и поливали водой из пожарных шлангов, потому что ты подчеркиваешь тот факт, что правосудие не распространяется на меня и моего

брата. Это достаточно много.

Достаточно много, чтобы немало дней провести в тюрьме, протестуя против плохого положения других.

Достаточно много, чтобы в твой дом бросили бомбу.

Достаточно много, чтобы научить злых и агрессивных людей молчать, пока ты молишься за бросивших бомбу.

Это достаточно много.

Достаточно много, чтобы привести многих к христианству.

Достаточно много, чтобы понять: лучше пойти на войну за справедливость, чем жить в мире с несправедливостью.

Достаточно много, чтобы понять: отвратительнее фанатизма и ненависти молчаливое взирание на несправедливость.

Достаточно много, чтобы осознать: несправедливость не знает расовых ограничений, и люди всех рас рано или поздно испытают на себе ее жестокое воздействие.

Это достаточно много.

Достаточно много, чтобы понять: гражданское неповиновение одного человека в борьбе за его гражданские права не означает нарушения Конституции Соединенных Штатов Америки, — скорее, этот человек одобряет принципы равенства всех людей; он хочет нарушить местные порядки, которые уже и так нарушили Конституцию Соединенных Штатов Америки.

Это достаточно много.

Достаточно много, чтобы принять предложение выступить перед руководителями нации.

Достаточно много, чтобы обратиться к тысячам людей по сотням разных поводов.

Достаточно много, чтобы привести в столицу страны 200 000 человек, подчеркнув тем самым, что все народы Америки — наследники права на жизнь, свободу и поиски счастья.

Достаточно много, чтобы поступить в колледж в 15 лет.

Достаточно много, чтобы закончить его, получив несколько званий.

Достаточно много, чтобы получить сотни наград.

Достаточно много, чтобы жениться и родить четверых детей.

Достаточно много, чтобы стать главным тамбурмажором в борьбе за мир.

Достаточно много, чтобы получить Нобелевскую премию мира.

Достаточно много, чтобы отдать полученные с премией деньги (54 000 долларов) на дело справедливости.

Достаточно много, чтобы оказаться на вершине. И конечно же, достаточно много, чтобы взлелеять мечту.

* * *

Когда мы отмечаем, как много успел за свои 39 лет Мартин Лютер Кинг, мы понимаем, что их достаточно много для любого человека, который любит свою страну и своего ближнего настолько, что жизнь уже не имеет для него ценности — если только все люди не смогут сесть за стол братства как братья. Для любого человека, который сознательно играл со смертью каждый день своей жизни, 39 лет — это достаточно много, потому что позволить себе сердечную боль и скорбь означало бы, что завтра его брат сделает два шага назад.

Мартин прожил несколько веков, сжатых в 39 коротких лет. Память о нем будет жить вечно. Как было бы чудесно, если бы мы все могли так жить.

Мартин, как и все другие, приветствовал бы долгую жизнь, однако, взвесив факты, он сказал: «Не важно, сколько прожил человек, важно, насколько хорошо он распорядился отпущенным ему временем».

И поэтому мы воздаем должное памяти человека, который все свои слишком короткие, слишком долгие, достаточно долгие 39 лет прожил в мире несправедливости.

«Ибо он свободен наконец».

Уилла Перрье

Ничего, кроме проблем

Человек, у которого нет проблем, выпадает из игры.

Элберт Хаббард

Накануне Рождества 1993 года в возрасте 95 лет умер Норман Винсент Пил, автор бестселлера на все времена «Сила позитивного мышления». Он находился дома, окруженный любовью, покоем и нежной заботой. Норман Винсент Пил заслуживал этого. Его служение, наполненное позитивным мышлением, принесло мир целым поколениям и укрепило уверенность в себе людей, которые из его проповедей, речей, радиовыступлений и книг поняли, что мы ответственны за то состояние, в котором находимся. Уверенный в том, что Господь ничего не делает просто так, Норман напоминал нам, что каждое утро, проснувшись, мы слышим два голоса: мы можем выбрать любовь к себе, а можем преисполниться к себе отвращением. И я до сих пор слышу, как Норман восклицает: «Так зачем же нам выбирать второе?»

Впервые я встретился с Норманом в июле 1986 года. Ларри Хьюз, который был президентом моей издательской компании «Уильям Морроу энд компани», предложил нам с Норманом написать книгу по этике. И следующие два года, пока мы с Норманом работали над «Силой этичного менеджмента», стали самыми восхитительными в моей жизни.

С первой же встречи Норман оказал огромное влияние на мою жизнь. Он всегда подчеркивал, что позитивно мыслящие получают позитивные результаты, потому что не боятся проблем. И действительно, вместо того чтобы думать о проблеме как о чем-то негативном, от чего следует как можно скорее избавиться, Норман рассматривал проблемы как знаки жизни. Вот одна из его любимых историй, иллюстрирующая данную мысль. Я часто использую ее в своих презентациях.

Однажды я шел по улице и увидел идущего навстречу моего друга Джорджа. По его подавленному взгляду было ясно, что он пребывает не на вершине счастья, проще говоря — едва тащится по дну жизни:

Естественно, я спросил его, как дела. Хотя это был практически риторический вопрос, Джордж воспринял его очень серьезно и 15 минут просвещал меня, как ему плохо. И чем больше он говорил, тем хуже я себя чувствовал.

Наконец я сказал:

— Да, Джордж, мне очень жаль, что ты так отчаялся. Как ты до такого дошел?

— Это все мои проблемы, — последовал ответ. — Проблемы... ничего, кроме проблем. Я сыт ими по горло. Если ты сможешь избавить меня от всех проблем, я дам 5000 долларов на твою любимую благотворительность.

Что ж, я не из тех, кто отмахивается от такого предложения, поэтому я хорошенько поразмыслил и нашел ответ, который мне показался очень удачным. Я сказал:

— Вчера я был в одном месте, где отдыхают тысячи людей. Насколько я мог определить, ни у кого из них нет никаких проблем. Ты хочешь туда попасть ?

— Когда мы можем выехать? Звучит очень заманчиво, — ответил Джордж.

Пока они обшаривали нас, я уповал на то, что их интересуют только деньги. Я испугался, потому что слышал рассказы о том, как взрослые бродяги насилуют молодых ребят. В этот момент спичка погасла... тут же зажгли новую. Мы не двинулись! Воры нашли у меня доллар и тридцать центов, но не нащупали десять долларов, зашитых в подкладку пальто. У моего друга Денвера Фокса они взяли два доллара.

Спичка погасла, и я почувствовал, что бандиты колеблются и не знают, что с нами делать. Я услышал, как щелкнул взводимый курок пистолета, и похолодел. Я понял, что они решили нас убить. Они ничем не рисковали. По крыше вагона барабанил дождь, который заглушил бы любой звук. Застыв от ужаса, я подумал о своем отце, о том, как он молился бы за меня, если бы знал. Внезапно страх оставил меня, и вернулись умиротворение и спокойствие. Словно почувствовав мою вновь обретенную уверенность в себе, бандиты снова наклонились над нами. И я почувствовал, как один из них сует что-то мне в руку.

— Вот твои тридцать центов, — сказал он. — Это тебе на завтрак.

Сегодня с высоты своих 45 лет в качестве звезды двух самых продолжительных шоу в истории радиовещания я могу поразмышлять над успехом, которого я достиг как бизнесмен, писатель и лектор, и могу гордиться своей чудесной семейной жизнью — 58 лет со своей единственной женой, пятеро детей, семь внуков и восемь правнуков. Я говорю обо всем этом не ради хвастовства, но чтобы воодушевить тех, кто находится на самой нижней ступеньке экономической лестницы. Не забывайте, с чего начинал я, и помните, что если я смог это сделать, сможете и вы! Да — вы сможете!

Арт Линклеттер

Что случилось?

Один молодой человек играл, а скорее, учился играть в американский футбол в Университете Лиги плюща. Умения Джерри хватало только на то, чтобы иногда участвовать в плановых играх сезона, но за четыре года этот исполнительный молодой человек не пропустил ни одной тренировки.

Преданность молодого человека команде производила на тренера большое впечатление, а еще его поражало почтение Джерри к своему отцу. Несколько раз тренер видел, как Джерри и навещавший его отец смеялись и разговаривали, прогуливаясь по университетскому городку. Но с отцом тренер знаком не был и никогда не говорил о нем с Джерри.

Как-то вечером, за несколько дней до самой важной игры сезона, в дверь кабинета тренера постучали. Он открыл и увидел опечаленного Джерри, тот был тогда на одном из старших курсов.

— Только что умер мой отец, тренер, — пробормотал Джерри. — Ничего, если я пропущу несколько тренировок и съезжу домой?

Тренер выразил соболезнования и, разумеется, отпустил молодого человека, добавив:

— Ты не обязан возвращаться к субботней игре, я разрешаю пропустить и ее.

Джерри кивнул и ушел.

Но вечером в пятницу, за несколько часов до матча, Джерри снова стоял на пороге квартиры тренера.

— Тренер, я вернулся, — сказал он, — и у меня есть к вам просьба. Пожалуйста, разрешите мне начать завтрашнюю игру.

Тренер пытался отговорить юношу ввиду важности предстоящей игры, но в конце концов разрешил. Всю ночь он ворочался с боку на бок, размышляя, почему согласился на просьбу этого юнца. Противник был очень силен, и на протяжении всей игры его команде потребуются самые лучшие игроки. Предположим, первая подача пойдет к Джерри, а он с ней не справится. Предположим, он неудачно начнет игру, и они проиграют.

Он явно совершил ошибку, дав такое обещание, но что делать?

И вот играет оркестр, толпа ревет, Джерри стоит на линии ворот, ожидая вбрасывания мяча. «Может, мяч вообще к нему не попадет», — подумал тренер. И тогда после первой подачи он заменит молодого человека, а до тех пор защитник и полузащитник позаботятся о мяче. И тогда и беспокоиться будет не о чем, и обещание свое он выполнит.

— О нет! — простонал тренер, когда с первой же подачи мяч попал прямо в руки Джерри. Но совершенно неожиданно для тренера тот крепко прижал к себе мяч, увернулся от трех нападающих противника и помчался на середину поля раньше, чем его схватили.

Тренер никогда не видел, чтобы Джерри бежал так быстро и мощно, все его маневры были удачны, он прекрасно взаимодействовал с другими игроками и скоро занес мяч за линию ворот.

Именитые соперники были поражены. Кто этот малыш? О нем даже не подавали никаких сведений, потому что за год он не сыграл в общей сложности и трех минут.

Тренер оставил Джерри на поле, и первую половину игры тот действовал как в нападении, так и в защите. К перерыву их более слабая команда имела в своем зачете на два «заноса» мяча в ворота противника больше, чем именитые соперники.

Вторую половину игры Джерри продолжал вдохновлять свою команду, и, когда прозвучал финальный свисток, его команда выиграла.

В раздевалке, где царил бедлам, какой может царить только в раздевалке команды-победительницы, выигравшей невозможную игру, тренер отыскал Джерри, который тихо сидел в дальнем углу, закрыв лицо ладонями.

— Сынок, что случилось? — спросил тренер, обнимая его. — Ты не можешь играть так, как ты сыграл. Ты бегаешь не так быстро, ты не так силен, не так опытен. Что случилось?

Подняв голову, Джерри ответил:

— Понимаете, мой отец был слепым. Это первая игра с моим участием, которую он видел.

Автор неизвестен Предоставлено Чаком Доджем

Да воцарится покой

Один мудрый старый джентльмен вышел на пенсию и купил себе скромный домик рядом со средней школой. Первые несколько недель своего заслуженного отдыха он провел в тиши и довольстве... пока не начался учебный год. На следующий же день трое мальчишек, полных сил и энергии, рвущейся наружу после занятий, шли по улице и колотили по всем мусорным контейнерам, которые стоя вдоль улицы. Эта металлическая музыка продолжалась день за днем, пока мудрый старик не решил, что настало время действовать.

Как-то раз он вышел навстречу юным ударникам и, остановив их, сказал:

— Дети, вы такие славные. Мне нравится, когда вы так выражаете свою радость жизни. В вашем

возрасте я и сам так делал. Вы не окажете мне услугу? Я буду давать каждому из вас по доллару, если вы пообещаете мне приходить сюда каждый день и стучать.

Дети пришли в восторг и продолжали колотить по мусорным контейнерам. Через несколько дней старик снова вышел к детям, но на этот раз с печальной улыбкой.

— Спад в экономике нанес удар по моему карману. Теперь я могу платить вам только по пятьдесят центов.

Юным производителям шума это не понравилось, но они согласились с этим и продолжали свои дневные нашествия.

Еще через несколько дней хитрый пенсионер снова подошел к барабанившим по бакам мальчишкам.

— Послушайте, я еще не получил свой чек социального страхования, поэтому могу давать вам всего по двадцать пять центов. Ничего?

— Жалкий четвертак? — воскликнул предводитель возмутителей спокойствия. — Если вы думаете, что мы согласимся терять наше время, стуча тут за четвертак, то вы рехнулись! Не выйдет, мистер. Мы уходим!

И старик до конца своих дней наслаждался миром и покоем.

«Новости мирных небес»

8. Мудрые мысли

Жизнь — это череда уроков, которые надо прожить, чтобы понять.

Хелен Келлер



ТЫ ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ, ЧТО Я КРУЧУСЬ И ЛЕЗУ ВОН ИЗ КОЖИ,
И В ЭТОМ ВЕСЬ СМЫСЛ?

Мудрость

Три ковбоя, один из которых был индеец навахо, с раннего утра объезжали свой участок. Весь день собирая отбившийся скот, они не нашли времени, чтобы поесть. К концу дня два ковбоя стали говорить о том, как они голодны и как наедятся, когда вернутся в город. Когда один из этих двоих спросил навахо, голоден ли он, тот пожал плечами и ответил «нет».

Прибыв в город, все трое заказали по огромному бифштексу. И когда навахо с аппетитом принялся есть, один из его друзей напомнил, что всего час назад он утверждал, что не голоден. «Тогда было глупо хотеть есть, — ответил навахо, — еды-то не было».

Наполеон и скорняк

Не оглядывайся в гневе, не смотри вперед со страхом, но смотри вокруг с осторожностью.
Джеймс Тербер

Во время вторжения Наполеона в Россию, когда его войска вели сражение в одном из городов этой огромной заснеженной страны, он был случайно отрезан от своих людей. Его заметил отряд казаков и стал преследовать по извилистым улицам. Спасая жизнь, Наполеон нырнул в лавчонку скорняка в каком-то переулке. Переведя дыхание, он жалобно воскликнул: «Спаси, спаси меня! Где можно спрятаться?» Скорняк велел Наполеону залезть под грудку мехов, лежавших в углу.

Не успел он как следует замаскировать своего гостя, как в дом с криками: «Где он? Мы видели, как он сюда вошел!» — ворвались казаки. Невзирая на протесты скорняка, они обыскали весь дом. Потыкали саблями в кучу мехов, но Наполеона не нашли и удалились.

Через какое-то время Наполеон, целый и невредимый, выполз из своего укрытия, тут подоспела и его личная охрана. Скорняк смущенно спросил у Наполеона: «Простите, что я задаю такой вопрос вам, великому человеку, но что вы чувствовали, сидя под мехом и зная, что каждое мгновение может стать для вас последним?»

Наполеон выпрямился во весь рост и с негодованием набросился на скорняка: «Да как ты смеешь спрашивать об этом меня, императора Наполеона! Охрана, взять этого наглеца, завязать ему глаза и расстрелять. Я лично отдам команду!»

Несчастливого скорняка схватили, выволокли на улицу и, поставив к стенке, завязали глаза. Скорняк ничего не видел, но слышал передвижения охраны — они медленно выстраивались в ряд, готовили свои ружья. Еще он слышал, как тихо шуршит на холодном ветру его старая одежда, чувствовал, как ветер холодит его щеки и как против воли подгибаются колени. Потом он услышал, как Наполеон, откашлявшись, медленно скомандовал: «Готовьсь... Целься...» В этот момент, когда скорняк понял, что даже эти немногие ощущения сейчас отнимут у него навсегда, его переполнило какое-то невыразимое чувство, и по щекам его заструились слезы.

После долгой тишины скорняк услышал приближавшиеся к нему шаги, и с глаз его сорвали повязку. Щурясь от солнечного света, он поймал пристальный взгляд стоявшего перед ним Наполеона. Казалось, этот взгляд проникает в самые потаенные уголки души. Потом Наполеон тихо произнес: «Теперь ты знаешь».

Стив Андреас

Следы

Однажды мне приснился сон.
Я шла по пляжу вместе с Господом.
На темном небе проносились сцены из моей жизни.
И каждый раз я замечала
Две цепочки следов на песке,
Одна принадлежала мне,
А другая — моему Господу.
Когда последняя сцена из моей жизни промелькнула,
Я посмотрела на следы на песке.
Там была только одна цепочка следов.
Я осознала, что так бывало в самые тяжелые
И печальные периоды в моей жизни.
Это всегда волновало меня,
И я попросила у Господа
Ответа на свой вопрос.
«Господи, когда я решила следовать за Тобой, ты сказал,
Что все время будешь идти рядом со мной и разговаривать.
Но я вижу, что в самое тяжелое время моей жизни
На песке отпечаталась только одна цепочка следов.
Я просто не понимаю, почему, когда я нуждалась в Тебе больше всего,
Ты оставил меня». Он прошептал: «Мое дорогое дитя,
Я люблю тебя и никогда не оставляю тебя
Во дни тягот и испытаний.

Когда ты видела только одну цепочку следов,
Я нес тебя на руках».
Маргарет Фишбэк Пауэре
Copyright ©1964 by Margaret Fishback Powers.

Глазами ребенка

Один старик день за днем сидел в своем кресле-качалке. Он дал обещание не двигаться с этого места, пока не увидит Бога.

Однажды прекрасным весенним утром, по-прежнему качаясь в своем кресле в визуальном поиске Бога, старик увидел девочку, игравшую через дорогу. Мяч девочки закатился во двор старика, она прибежала за мячом и, подняв его, спросила:

— Господин Старик, я каждый день вижу, как вы качаетесь в своем кресле и смотрите в никуда. На что это вы смотрите?

— О, мое дорогое дитя, ты слишком мала, чтобы понять, — ответил старик.

— Может быть, — ответила девочка, — но моя мама всегда говорит мне, что если у меня есть какая-то мысль, нужно ее обсудить. Для лучшего понимания, говорит она. Моя мама всегда говорит: «Мисс Лиззи, поделись мыслями. Поделись, поделись, поделись», — все время говорит мама.

— Мисс Лиззи, девочка, не думаю, что ты сможешь мне помочь, — проворчал старик.

— Может, и нет, господин Старик, но вдруг вам поможет то, что я просто вас выслушаю.

— Хорошо, мисс Лиззи, дитя, я ищу Бога.

— При всем уважении к вам, господин Старик, неужели вы качаетесь туда-сюда целыми днями в поисках Бога? — спросила озадаченная мисс Лиззи.

— Ну да. Мне нужно поверить, что Бог есть, до того как я умру. Мне нужен знак, а я еще ни одного не видел, — сказал старик.

— Знак, сэр? Знак? — переспросила мисс Лиззи, совершенно сбита с толку словами старика. — О, господин Старик, сэр, Бог дает вам знак, когда вы делаете свой следующий вдох. Когда можете вдохнуть аромат цветов. Когда слышите пение птиц. Когда рождаются дети. Сэр, Бог дает вам знак, когда вы смеетесь и когда плачете, когда чувствуете, как из глаз у вас текут слезы. Это знак в вашем сердце, призывающий любить. Бог дает нам знак в ветре, и в радуге, и в смене времен года. Все знаки здесь, но вы в них не верите? Не нужно поисков, потому что, возможно, любой знак все время находится рядом.

Уперев одну руку в бок и размахивая другой, мисс Лиззи продолжала:

— Мама говорит: «Мисс Лиззи, если ты ищешь что-то грандиозное, значит, ты закрыла глаза, потому что видеть Бога — это значит видеть простые вещи, видеть Бога — значит, видеть жизнь во всех вещах». Вот что говорит мама.

— Мисс Лиззи, дитя, ты обладаешь проницательностью в вопросах знаний о Боге, но того, о чем ты говоришь, недостаточно.

Лиззи подошла к старику, приложила свои детские ладошки к его груди, там, где сердце, и тихо сказала ему на ухо:

— Сэр, это приходит отсюда, а не оттуда. — И указала на небо. — Найдите это в своем сердце, в своем зеркале. И тогда, господин Старик, сэр, вы увидите знаки.

Мисс Лиззи перешла на свою сторону улицы и, обернувшись к старику, улыбнулась. Потом, нагнувшись, понюхала цветы и крикнула:

— Мама всегда говорит: «Мисс Лиззи, если ты ищешь что-то грандиозное, значит, ты закрыла глаза».

Ди Ди Робинсон

Здравый смысл гуся

Осенью, когда вы увидите гусей, летящих клином на юг, вам, возможно, станет интересно, что говорит наука, — почему они летят таким образом? А вот почему. Каждая птица машет крыльями, это создает восходящий поток для следующей за ней птицы. Выстраиваясь в клин, вся стая добавляет по меньшей мере 71 процент к мощности полета.

Люди, имеющие одну цель и чувство общности, могут добраться туда, куда направляются, гораздо быстрее и легче, потому что они путешествуют, опираясь на силу друг друга.

Когда гусь выпадает из построения, он внезапно ощущает сопротивление воздуха и силу тяжести — и быстро возвращается в строй, чтобы воспользоваться преимуществами подъемной силы птичьего фронта.

Если у нас есть столько же здравого смысла, сколько у гуся, мы останемся в одном строю с людьми, которые идут в ту же сторону, что и мы.

Когда летящий во главе клина гусь устает, он отлетает назад, и его место занимает другой.

Разумно выполнять сложную работу по очереди, касается ли это людей или гусей, летящих на юг.

Гуси криками подбадривают летящих впереди, чтобы они не сбавляли скорости.

Что мы хотим сказать, когда криками подбадриваем идущих впереди?

И наконец, — и это важно, — когда гусь заболевает или ранен выстрелом и выпадает из строя, две другие птицы отделяются от клина и следуют за ним, чтобы помогать и защищать. Они остаются с раненым гусем, пока тот не сможет снова лететь или не умирает, и только тогда снова пускаются в путь самостоятельно или примыкают к другому клину, чтобы догнать своих.

Если бы у нас был здравый смысл гуся, мы бы точно так же подстраховывали друг друга.

Автор неизвестен

Я знаю, Он ходит на войну

Не помню, чтобы я хоть раз нашел Бога в церкви
Или почувствовал Его присутствие рядом с собой,
Когда приходил туда.

Но я помню множество дружеских, улыбающихся лиц
И людей в самой лучшей своей одежде.
И почему-то мне всегда было не по себе — слишком много людей,
Слишком близко они стоят.

Нет, я не помню, чтобы видел Бога в церкви,
Но я постоянно слышал там Его имя.
Некоторые спрашивали: «Ты родился заново?»
И если так, то когда?» И я не понимал!

Но я чувствовал Бога во Вьетнаме —
Почти каждый день.

Я чувствовал Его, когда после целой ночи сражения
Он посылал солнце, которое прогоняло дождь, и дождь
Торжественно возвращался на следующий же день.
Он был там, когда я собрал то, что осталось от сержанта Мура,
И сложил это в специальный мешок.

Он был там, когда я писал письмо вдове сержанта,
Рассказывая, как он умер.
Он был позади меня, когда я услышал последний вздох
Умирающего сержанта Синка.
Он помог мне отнести сержанта Суонсона с горы в долину.

Я поймал отблеск Бога, когда почувствовал жар напалма,
Который мы вызвали на себя 27 мая 1967 года.

Я чувствовал Его вокруг,
Когда капеллан отпевал наших мертвых.

Я видел Его отражение на лицах моих людей,
Когда я велел им сберечь одну пулю для себя —
Нас тогда чуть не захватили в плен в тот жаркий день во Вьетнаме.

Он привел меня к чтению «Отче наш» при каждом воздушном налете,
Когда все летело в тартарары.

Когда мы расставляли на ночь засады
И я не видел в темноте собственных рук,
Я чувствовал Его руки.

Он послал одиночество, чтобы гарантировать прекрасные воспоминания,
Которые потом постоянно будут всплывать в памяти.

Я всегда буду помнить силу, которую Бог дал сиротам — детям войны.
Он сделал их сильными, но они этого не поняли.
Спустя 25 лет я знаю: мы спим под одной звездой.
Он послал мальчиков на войну. Они вернулись молодыми мужчинами;
Их жизни навсегда изменились,
Они горды тем, что защищали страну свободных людей.

Я не знаю, приходит ли Бог в церковь,
Но я знаю, что Он ходит на войну.

Барри Л. Макалптин

Велосипедная прогулка

Жизнь похожа на езду на велосипеде. Не упадешь, пока крутишь педали.

Клод Пеппер, конгрессмен

Сначала Бог казался мне наблюдателем, моим судьей, который следит за всем, что я делаю не так. И таким образом, когда я умру, Бог будет знать, куда меня отправить — в рай или в ад. Он всегда был где-то там, как Президент. Я узнавал Его изображение, когда видел, но на самом деле я Его не знал.

Потом, когда я лучше узнал свои силы, жизнь стала казаться мне ездой на велосипеде, и на этом велосипеде-тандеме, как я заметил, Бог сидел на заднем сиденье и помогал мне крутить педали.

Не знаю, когда Он предложил мне поменяться местами, но с тех пор все изменилось... жить с осознанием своей высшей силы — это прибавляет жизни остроты.

Когда контроль был в моих руках, я знал дорогу. Это было довольно скучно, но предсказуемо. Я всегда находил самый короткий путь между двумя точками.

Но когда руководство взял на себя Он, которому известны восхитительные обходные пути — вверх по горам, через скалистые ущелья и на головокружительной скорости, мне оставалось только держаться! И хотя все это выглядело сущим безумием, Он не уставал повторять: «Крути педали, крути педали!»

Я заволновался, забеспокоился и спросил: «Куда Ты меня везешь?» Он только рассмеялся и ничего не ответил, и я начал учиться доверять. Вскоре я забыл о своей скучной жизни, и у меня начались приключения, и когда я говорил: «Мне страшно», Он оборачивался ко мне и касался моей руки.

Он привез меня к людям, одаренным талантами, в которых я нуждался, — талантами лечить, принимать, радоваться. Они дали мне в дорогу свои таланты. В нашу дорогу, так правильнее, мою с Богом.

И когда мы снова тронулись в путь, Он сказал: «Отдай эти дары, это дополнительный вес, слишком тяжело». Так я и сделал, отдал их встреченным мной людям и обнаружил, что, отдавая, получил я, а наш груз остался по-прежнему легким.

Сначала я Ему не доверял, когда сам контролировал свою жизнь. Я думал, что Он ее погубит. Но Он знал секреты езды на велосипеде, знал, как обойти острые углы, перепрыгнуть через камни, взлететь, чтобы перебраться через опасные участки.

И я учусь молчать и крутить педали в самых диковинных местах, и я начинаю наслаждаться видом и прохладным ветерком, овевающим мое лицо, имея такого восхитительного постоянного товарища, мои высшие силы.

И когда я точно уверен, что больше не могу двигаться, Он лишь улыбается и говорит: «Крути педали...»

Автор неизвестен



ZIGGY® ZIGGY AND FRIENDS, INC. Reprinted with permission of Universal Press Syndicate. All rights reserved.

Права на публикацию собранных в этой книге историй предоставлены следующими авторами и издателями.

1. *Рождественское утро*. Reprinted by permission of Harold Ober Associates, Inc. ©1955 by Pearl S. Buck. Copyright renewed 1983.
2. *Клубничный напиток и три пожатия, пожалуйста.* Reprinted by permission of Larry James. © 1994 Larry James.
3. *Чейз*. Reprinted by permission of Bruce Carmichael. ©1994 Bruce Carmichael.
4. *Цирк. Спасение на море*. Reprinted by permission of Dan Clark. © 1994 Dan Clark.
5. *Двухсотое объятие*. Reprinted by permission of Harold Bloomfield, M.D. ©1994 Harold Bloomfield, M.D.
6. *Я не волнуюсь за нынешних детей*. Reprinted by permission of Dr. Hanoch McCarty. ©1995 Hanoch McCarty. All rights reserved.
7. *Это требует мужества*. Reprinted by permission of Bill Sanders. ©1994 Bill Sanders.
8. *Банкнота достоинством в два доллара*. Reprinted by permission of Floyd Shilanski. ©1994 Floyd Shilanski.
9. *Сделай это немедленно!* Reprinted by permission of Dennis Mannering. From the book *Attitudes Are Contagious... Are Yours Worth Catching?* ©1986 by Dennis E. Mannering.
10. *Сердце. Ежегодные письма. Давайте снова прогуляемся по саду*. Reprinted by permission of Raymond Aaron. ©1994 Raymond Aaron.
11. *Мешиковатая желтая рубашка*. Reprinted by permission of Patricia Lorenz. ©1993 Patricia Lorenz.
12. *Цветок*. Reprinted by permission of Pastor John R. Ramsey. ©1994 Pastor John R. Ramsey.
13. *Практикуйте спонтанные акты доброты и красоты*. Used by permission of Adair Lara. ©1991 Adair Lara. This article originally appeared in *Glamour*.
14. *Жизнь, достойная спасения. Два брата. Оптимист*. Reprinted from *More Sower's Seeds* by Brian Cavanaugh, T.O.R. ©1990 by Brian Cavanaugh, T.O.R. Used by permission of Paulist Press.
15. *Рай и ад — главное отличие. Мой отец, когда мне было...* Permission granted by Ann Landers/Creators Syndicate.
16. *Бабушкин подарок*. Reprinted by permission of D. Trinidad Hunt. ©1994 D. Trinidad Hunt.
17. *Ангелам не нужны ноги, чтобы летать*. Reprinted by permission of Stan Dale. ©1994 Stan Dale.
18. *Осколок фарфора. Окончание университета, наследство и другие уроки*. Reprinted by permission of Bettie B. Youngs. Excerpted from *Values from the Heartland: Stories of an American Farmgirl*. ©1994 Bettie B. Youngs.
19. *Мученичество Энди*. Reprinted by permission of Ben Burton. ©1994 Ben Burton.
20. *Если бы мне снова пришлось воспитывать своего ребенка*. From the book *Full Esteem Ahead* by Diane Loomans with Julia Loomans. Reprinted by permission of H J Kramer c/o Global Learning, Box 1203, Solana Beach, CA 92075. All rights reserved.
21. *Он всего лишь маленький мальчик*. Reprinted by permission of Bob Fox. ©1994 Bob Fox.

22. *Ты считаешь мне, папа?* Reprinted by permission of Michael Foster. ©1994 Michael Foster.
23. *Но ты не...* Reprinted by permission of Stan Gebhardt. ©1994 Stan Gebhardt.
24. *Дух Санта-Клауса не носит красного костюма. Сююки... лучший друг на все случаи жизни.* Reprinted by permission of Patty Hansen. ©1994 Patty Hansen.
25. *Юная леди, изменившая мою жизнь.* Reprinted by permission of Tony Luna. ©1994 Tony Luna.
26. *Десятый ряд, центр.* Reprinted by permission of Jim Rohn. ©1994 Jim Rohn.
27. *Подарок.* Reprinted by permission of John Catenacci. ©1994 John Catenacci.
28. *Она вспомнила.* Reprinted by permission of Lisa Boyd. ©1994 Lisa Boyd.
29. *Спасенная.* Used by permission of *Leadership... with a human touch*. Published by The Economics Press, Inc.
30. *Выйти к свету.* Reprinted by permission of Donna Loesch. ©1994 Donna Loesch.
31. *История героя.* Reprinted by permission of Frederick E. Pulse III. ©1994 Frederick E. Pulse III.
32. *Сделай это сегодня!* Reprinted by permission of Robert Reasoner. ©1994 Robert Reasoner.
33. *Вспоминя мисс Мерфи.* Reprinted by permission of Beverly Fine. ©1994 Beverly Fine.
34. *Верные слова.* Reprinted with permission from Guideposts Magazine. ©1994 by Guideposts Associates, Inc., Carmel, NY 10512.
35. *Доброе дело для разбитого сердца.* Reprinted by permission of Meladee McCarty. ©1994 Meladee McCarty.
36. *Увидимся утром. Волшебные камешки. Самую лучшую сталь закаляют в самой жаркой пени.* Reprinted by permission of John Wayne Schlatter. ©1994 John Wayne Schlatter.
37. *Любовь никогда вас не покидает.* Reprinted by permission of Stanley D. Moulson. ©1994 Stanley D. Moulson.
38. *Самый красивый ангел.* Reprinted by permission of Ralph Archbold. ©1994 Ralph Archbold.
39. *Не место красит человека...* Reprinted by permission of Charles Garfield. ©1994 Charles Garfield.
40. *Установка — один из жизненных выборов.* Reprinted by permission of Bob Harris. ©1994 Bob Harris.
41. *Мы остались.* Condensed from «Don't Waste Your Time With Those Kids,» by Janice Anderson Connolly, from the book, *The First Year of Teaching*. Edited by Pearl Rock Cane. ©1991 by Pearl Rock Cane. Reprinted with permission from Walker and Company, 435 Hudson St., New York, NY 10014, 1-800-289-2553. All rights reserved.
42. *Что происходит с нынешней молодежью?* Reprinted by permission of Marlon Smith. ©1994 Marlon Smith.
43. *Простое прикосновение.* Reprinted by permission of Nancy Moorman. ©1994 Nancy Moorman.
44. *Жемчужина огромной ценности.* Reprinted with permission from Guideposts Magazine. ©1994 by Guideposts Associates, Inc., Carmel, NY 10512.
45. *Что посеешь...* Reprinted by permission of Mike Buetelle. ©1994 Mike Buetelle.
46. *Маленький мальчик.* Reprinted by permission of John Magliola. ©1994 John Magliola.
47. *Мечта девочки.* Reprinted by permission of Jann Mitchell. ©1994 Jann Mitchell.
48. *Первая продажа.* Reprinted by permission of Rob, Toni and Nick Harris. ©1994 Rob, Toni and Nick Harris.
49. *История ковбоя.* Reprinted by permission of Larry Winget. ©1994 Larry Winget.
50. *Зачем ждать? Просто сделай это!* Reprinted by permission of Glenn McIntyre. ©1994 Glenn McIntyre.
51. *Тридцать девять лет — слишком мало — слишком долго — достаточно много.* Reprinted by permission of Willa Perrier. ©1994 Willa Perrier.
52. *Ничего, кроме проблем.* Reprinted by permission of Ken Blanchard. ©1994 Ken Blanchard.
53. *Ангелы никогда не говорят: «Здравствуй!».* Reprinted by permission of Dottie Walters. ©1994 Dottie Walters.
54. *Почему так происходит?* Reprinted by permission of Lilly Walters. ©1994 Lilly Walters.
55. *Состязание.* Reprinted by permission of D.H. Groberg. © 1994 D.H. Groberg.
56. *Вершины Америки.* Reprinted by permission of Lisa Manley. ©1994 Lisa Manley.
57. *Неведомый шедевр.* Reprinted by permission of Charles A. Coonradt. ©1994 Charles Coonradt.
58. *Если я смог это сделать, сможешь и ты!* Reprinted by permission of Art Linkletter. ©1994 Art Linkletter.
59. *Наполеон и скорняк.* Reprinted by permission of Steve Andreas. ©1990 Steve Andreas.
60. *Следы.* Reprinted by permission of HarperCollins Publishers, Ltd. Copyright ©1964 by Margaret Fishback Powers.
61. *Глазами ребенка.* Reprinted by permission of Dee Dee Robinson. ©1994 Dee Dee Robinson.
62. *Я знаю, Он ходит на войну.* Reprinted by permission of Dr. Barry L. McAlpine. ©1994 Dr. Barry McAlpine.

Исцеление души. Вторая ступень
A 2nd Helping of Chicken Soup for the Soul
ISBN 5-17-022738-8

Лекарство для души. Вторая порция
A 2nd Helping of Chicken Soup for the Soul
ISBN 5-17-022737-X

Серия: Бестселлер №1 в мире
Издательство: АСТ, 2004 г.
Твердый переплет, 336 стр.
Тираж: 5000 экз.
Формат: 84x108/32
Переводчик: Елена Дод
OCR: Марс Рахманов

БЕСТСЕЛЛЕР №1 В МИРЕ

Исцеление Души

ВТОРАЯ СТУПЕНЬ

- Поддержит в трудную минуту
- Расскажет мудрое решение
- Вдохновит на добрые дела
- Поможет поверить в себя

Простые душевные
истории принесут вам
минуты счастья